

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН

ПЕРЕКРЕСТКИ СУМЕРЕК

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 10

Колесо Времени

Роберт Джордан

Перекрестки сумерек

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Джордан Р.

Перекрестки сумерек / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус»,
2003 — (Колесо Времени)

ISBN 978-5-389-23553-3

В мире царят хаос и всеобщее недоверие. В раздоре и пожарах войны страны и континенты. Многим очевидно, что грядет Последняя битва с Темным, решающая для судьбы человечества, и в ней на стороне Света должен выступить Дракон Возрожденный. Но остается загадкой – что он задумал, что предпримет и где затаились его враги... Эгвейн, возведенная на Престол Амерлин теми из Айз Седай, что отказались признать Элайду, нынешнюю Амерлин в Белой Башне, встала с армией под стенами Тар Валона и грозит силой отобрать у Элайды власть... Илэйн Траканд в Кэймлине, столице Андора, ведет борьбу за трон своей матери, стремясь заручиться поддержкой сторонников и отбить посягательства претендентки, которая, вступив в коалицию со знатными лордами королевства, взяла город в осаду... Сам же Ранд, Дракон Возрожденный, в преддверии неминуемой схватки с Темным, стоит на пороге тяжелейшего выбора: заключать или нет перемирие с шончан, ведь сражаться одновременно с вторгшимися из-за океана захватчиками и с Тенью себе дороже... А еще – и это пугает всех, независимо от политических предпочтений – произошел чудовищный выброс Силы, последствия которого не знает никто... В настоящем издании текст романа заново отредактирован и исправлен.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-23553-3

© Джордан Р., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Пролог	8
Глава 1	63
Глава 2	76
Глава 3	87
Глава 4	104
Глава 5	114
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Роберт Джордан

Перекрестки сумерек

Харриет – прежде, ныне и навеки

И случится так в дни, когда поскачет Темная охота, когда дрогнет десница и отклонится шуйца, что придет человечество на Перекрестки сумерек и все, что есть, и все, что было, и все, что грядет, станет балансировать на кончике меча, а ветра Тени задуют сильнее. Из «Пророчеств о Драконе» (перевод предположительно сделал Джейин Чарин, известный как Джейин Далекоходивший, незадолго до своего исчезновения)

Robert Jordan
CROSSROADS OF TWILIGHT

Copyright © 2003 by Bandersnatch Group, Inc.
Maps by Ellisa Mitchell
Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell
All rights reserved

© Т. А. Велимеев, перевод, 2005
© В. Ю. Иванов, перевод, 2005
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Око Мира
Великая охота
Дракон Возрожденный
Восходящая Тень
Огни небес
Властелин хаоса
Корона мечей
Путь кинжалов

Пролог Проблески Узора

Родел Итуралде ненавидел ожидание, хотя прекрасно понимал, что в ремесле солдата оно занимает немалое место. Ожидание следующего сражения, ожидание перемещения противника, ожидание ошибки врага. Стоя неподвижно, как и деревья вокруг, Итуралде наблюдал за зимним лесом. Солнце, преодолевшее уже полпути к зениту, совсем не грело. Пар от дыхания белым облачком клубился возле лица, инеем оседая на аккуратно подстриженных усах и на опушке капюшона из меха черной лисы. Он порадовался, что шлем висит на луке седла. Промерзшая кираса чувствовалась через куртку; холод, несмотря на несколько слоев шерсти, шелка и льна, добирался до тела. Даже седло Дротика казалось выстуженным, словно белый мерин был сделан из замерзшего молока. Будь у Родела шлем, того и гляди заledenели бы мозги.

Зима в Арад Доман пришла поздно, очень поздно, но зато обрушилась с удвоенной яростью. Менее чем за месяц летнюю жару, которая необычно затянулась до осени, сменила зима, мгновенно вступившая в свои права. И какая зима – самое сердце зимы. Листья, пережившие долгую летнюю засуху, замерзли прежде, чем успели окраситься в осенние цвета, и теперь вспыхивали в лучах утреннего солнца подобно необыкновенным изумрудам, заключенным в ледяную корку. С Итуралде было двадцать с лишним верховых, и иногда лошади переступали копытами в глубоком, по колено, снегу. Проскакать солдатам пришлось немало, и независимо от того, хорошо или плохо кончится этот день, путь еще предстоит далекий. С севера по небосклону накатывали темные тучи. Итуралде и без предсказательницы погоды прекрасно знал, что к ночи еще резко похолодает. Так что к тому времени нужно будет укрыться под надежной крышей.

– Зима не так сурова, как в прошлом году, не правда ли, милорд? – тихо сказал Джаалам. Молодой высокий офицер как будто прочитал мысли Итуралде; слова его, произнесенные вполголоса, услышали и другие. – Но, по-моему, сейчас все равно кое-кто не отказался бы от горячего вина с пряностями. Естественно, не эта компания, на редкость воздержанная. Примечательно воздержанная. Думаю, они все тут пьют чай. Причем холодный. А найдись у них несколько березовых веников, они бы сейчас уже раздевались, чтобы принять снежную баню.

– Лучше пока что оставить одежду на себе, – сухо отозвался Итуралде, – кстати, сегодня вечером, если повезет, им удастся получить немного холодного чая.

Замечание вызвало несколько негромких смешков. Своих солдат Итуралде отбирал со всей тщательностью, так что они понимали, что означает шум не вовремя.

Ему самому вовсе не помешала бы дымящаяся кружка приправленного пряностями вина – или хотя бы чашка чая. Но давно миновало то время, когда купцы привозили в Арад Доман чай. Давненько уже ни один чужеземный купец не осмеливался даже пересечь границу с Салдэйей. Когда вести из большого мира доходили до Итуралде, они были такими же свежими, как выпеченный месяц назад хлеб, и уже начинали обрастать слухами. Хотя это и не важно. Если Белая Башня и в самом деле расколота, ополчилась сама на себя, если мужчин, способных направлять Силу, действительно созывают в Кэймлин... что ж, этот мир обойдется и без Родела Итуралде, пока Арад Доман вновь не обретет единство. Сейчас человеку в здравом уме хватит и одного Арад Домана – и без того проблем достаточно.

В который раз Итуралде восстановил в памяти отправленные им приказы, адресованные всем дворянам, сохранявшим верность королю. Письма были разосланы с самыми быстрыми гонцами, какие только имелись у него в распоряжении. Знать разделяли наследственная вражда и сиюминутные ссоры, но присяга королю ее по-прежнему еще объединяет. Получив приказы от Волка, лорды соберут свои армии и выступят в поход; по крайней мере повинаться ему они будут до тех пор, пока он в фаворе у короля. По приказу Итуралде дворяне даже станут прятаться в горах и ждать. О да, они будут недовольны, а некоторые примутся проклинать его, но они подчинятся. Им известно, что Волк всегда побеждал в битвах. Более того, им известно, что он выигрывал войны. За глаза его называли Маленьким Волком, но ему было почти что наплевать, обращают или нет внимание на его рост, главное – все исполняют то, что он приказывает.

Очень скоро им придется скакать, не жалея себя, к западне, которая не захлопнется еще несколько месяцев. Успешность замысла Итуралде зависит не от одного только времени, но и от многого другого. Сложные планы рушились и рушатся по разным причинам и по-разному, а этот план был хитрый, можно сказать – многослойный. Все может развалиться разом, еще не начавшись, если он не сумеет подсунуть в западню приманку пособлазнительней. Или если кто-то проигнорирует его распоряжение уклоняться от встреч с королевскими курьерами. Но всем были известны его резоны, и его объяснения принимали даже самые твердолобые упрямы, хотя мало у кого имелось желание говорить об этом деле во всеуслышание. Получив последний приказ Алсалама, он сам носился точно тень верхом на урагане. Сложенный пергамент был спрятан в рукаве, заткнут за светлые кружева, что спадали на окованную сталью латную перчатку. У них остался последний, один-единственный и очень маленький шанс спасти Арад Доман. Может, даже спасти Алсалама от него самого, пока Купеческий совет не решил посадить на трон вместо него кого-нибудь другого. Алсалам более двадцати лет был хорошим правителем. Да ниспошлет Свет, чтобы он им и остался.

С южной стороны раздался громкий треск, и рука Итуралде метнулась к эфесу длинного меча. Слабый скрип металла по коже подсказал, что остальные тоже потянулись к оружию. И опять – тишина. Лес был неподвижен, точно замерзший палец. Это всего лишь ветка, обломившаяся под тяжестью снега. Спустя мгновение он расслабился – насколько мог расслабиться с тех пор, как с севера дошли слухи о появлении в небе у Фалме Дракона Возрожденного. Может, тот человек и в самом деле был Драконом Возрожденным, может, он и вправду появлялся в небе; так или иначе, эти слухи воспламенили Арад Доман. Итуралде был уверен: он сумел бы потушить вспыхнувший пожар, будь у него развязаны руки. И не подумайте, что он хвастался. Он знал, на что способен – в битве или на войне. Но с тех пор как Совет решил, что короля будет безопасней потихоньку вывезти из Бандар Эбана, Алсалам, по-видимому, вбил себе в голову, будто он – воплощение Артура Ястребиное Крыло. С тех пор его собственноручная подпись и личная печать красовались на десятках боевых приказов, потоком хлынувших оттуда, куда его запрятал Совет. Члены Совета нипочем не признаются, что это за место, не скажут об этом даже самому Итуралде. Стоило только упомянуть о короле, как каждая женщина из Совета, с которой сталкивался Итуралде, принималась юлить, уклоняться от

разговора и отводить глаза. Он уже почти поверил, что они и впрямь не ведают, где Алсалам. Мысль, конечно, нелепая. Совет не выпускает короля из виду, наблюдая за ним недремлющим оком. Итуралде всегда считал, что купеческие дома слишком часто вмешиваются в дела страны, однако сейчас ему хотелось, чтобы они вмешались. Почему купцы отмалчиваются – вот загадка; ведь король, который причиняет ущерб торговле, не способен долго усидеть на троне.

Итуралде оставался верен своим клятвам, и Алсалам, кроме того, был его другом, но приказы, которые рассылал король, будто нарочно были составлены так, чтобы ввергнуть все в хаос. Конечно, приказы нельзя игнорировать. Конечно, Алсалам – король. Но он отдал Итуралде распоряжение как можно скорее двигаться на север, навстречу громадному скоплению принявших Дракона, о котором Алсаламу предположительно стало известно от тайных шпионов. А потом, десять дней спустя, когда ни единого принявшего Дракона еще нет и в помине, приходит другой приказ – направиться, со всей возможной быстротой, на юг, против другого скопища, которое так и не было найдено. Алсалам отдавал распоряжение сосредоточить все силы для защиты Бандар Эбана, когда ударом с трех сторон можно было разом покончить с врагами; или приказывал разделить войска, когда сокрушительной атакой можно было добиться того же; или произвести набег на тот район, который, как знал Итуралде, принявшие Дракона давно покинули; или двинуться прочь оттуда, где, по его сведениям, те расположились лагерем. Хуже того, зачастую приказы Алсалама направлялись напрямую влиятельным аристократам, которые, как считалось, подчинялись Итуралде, и в результате Махир отправлялся в одну сторону, Тейкал – в другую, а Рахман – в третью. Четырежды в результате этого происходили сражения – из-за того что части армий слепо натыкались ночью одна на другую, поскольку совершали марш по недвусмысленному приказу короля и не ожидали обнаружить впереди никого, кроме врага. И все это время принявшие Дракона росли в числе и набирались уверенности. Итуралде одерживал победы – при Соланже и Масине, у озера Сомал и при Кандельмаре; он преподавал урок лордам Катара – чтобы те не смели продавать врагам Арад Домана все добытое в своих шахтах и выкованное в своих кузницах. Но все его успехи на поле брани распоряжения Алсалама сводили на нет.

Но последний приказ отличался от прочих. С одной стороны, Серый Человек убил леди Туву, лишь бы не позволить ей добраться до Итуралде. Почему Тень опасалась этого приказа больше, чем какого-либо другого, – это загадка, но также и еще одна причина не мешкать, а пошевеливаться. Пока Алсалам не настиг его еще каким-нибудь своим распоряжением. Полученный приказ открывал множество возможностей, и Итуралде обдумал каждую, все до единой, какие только смог себе представить. Но в любом случае все начинается здесь, сегодня. Когда остается лишь самый малый шанс, нужно за него ухватиться покрепче.

Издали донесся пронзительный крик снежной сойки, затем второй, третий. Приложив ладони ко рту, Итуралде троекратно повторил резкий клич. Спустя несколько мгновений из-за деревьев появился косматый, светло-серый в яблоках мерин; белый плащ всадника испещряли черные полосы. И человека, и лошадь, если они будут стоять неподвижно, очень трудно разглядеть в заснеженном лесу. Подъехав к Итуралде, всадник натянул поводья. Это был приземистый мужчина, на поясе его висел меч с коротким клинком, а к седлу были пристегнуты лук в футляре и колчан.

– Похоже, милорд, они прибыли в полном составе, – откидывая капюшон с головы, произнес сиплым голосом Донжэл.

Когда-то, еще в молодости, его хотели повесить, хотя причина оставалась покрыта мраком прошлого. Остатки короткостриженных волос всадника были серо-стального цвета. Темная кожаная повязка, закрывавшая правую глазницу, служила напоминанием еще об одной давней потасовке. Но даже с одним глазом Донжэл был лучшим разведчиком из всех, кого когда-либо знал Итуралде.

– Во всяком случае, большинство прибыло, – продолжал всадник. – Они выставили вокруг сторожки два кольца часовых, одно в другом. Враги сейчас в миле отсюда, но никто из них не подберется близко – в охотничьем домике непременно услышат и успеют скрыться. Судя по следам, они привели с собой не больше людей, чем вы сказали, но со счетов их не сбросишь. При таком раскладе, – мрачно прибавил он, – нас все равно превосходят числом.

Итуралде кивнул. Он предложил Белую ленту, и те, с кем он хотел встретиться, ее приняли. Три дня – и в этом все клянутся перед Светом своими душами и надеждой на спасение – не поднимать оружия друг против друга и не проливать кровь. Но в эту войну Белая лента не применялась, и вдобавок кое у кого появились весьма странные представления, в чем заключается спасение. Например, у тех, кто называет себя принявшими Дракона. Итуралде всегда считали игроком, хотя он им не был. Весь фокус в том, чтобы знать, на какой риск можно пойти. А иногда – в том, чтобы знать, на какой риск пойти необходимо.

Вытянув из-за голенища сапога зашитый в промасленный шелк пакет, Итуралде протянул его Донжэлу:

– Если через два дня я не доберусь до Коронского Брода, передай это моей жене.

Разведчик запрятал пакет куда-то в недра своего плаща, коснулся лба и развернул лошадь на запад. Раньше он уже не раз выполнял подобные поручения, как правило накануне битв. Да ниспошлет Свет, чтобы в этот раз Тамсин не суждено было открыть пакет. Иначе она сама придет за ним – именно так она ему и заявила. Это будет первый случай, когда живой не оставит в покое мертвого.

– Джаалам, давай-ка проверим, – сказал Итуралде, – что ждет нас в охотничьем домике леди Осаны.

Он послал Дротика вперед, остальные выстроились цепочкой за ним.

Пока они ехали, солнце добралось до зенита и вновь стало спускаться. Темные облака на севере придвинулись ближе, и холод щипал все сильнее. Ни звука, кроме похрустывания ломавшегося под копытами ледяного наста. Казалось бы, в опустевшем лесу не было никого, кроме отряда Итуралде. Он не видел ни одного из упомянутых Донжэлом часовых. Мало кто был согласен с разведчиком в том, что их можно увидеть за милю. Конечно же, Итуралде будут ждать. И следить за ним – чтобы удостовериться, что он не ведет за собой армию, объявлена Белая лента или нет. Немало, вероятно, найдется таких, кто имеет веские основания утыкать Итуралде стрелами. Лорд может дать клятву Белой ленты за своих людей, но все ли они чувствуют себя связанными клятвой? Иногда другой возможности нет, и приходится идти на риск.

Ближе к исходу дня за деревьями вдруг смутно обрисовался так называемый охотничий домик Осаны – скопление светлых башенок и изящных остроконечных куполов, которые скорее приличествовали какому-нибудь особняку, вполне уместного и среди дворцов самого Бандар Эбана. Леди Осана охоту обычно вела на мужчин или же боролась за власть, но ее охотничьи трофеи были многочисленны и примечательны, несмотря на относительную молодость. Происходившие же тут «охоты» заставили бы изумленно вскинуть брови даже столичных зрителей. Теперь же охотничий домик был покинут всеми. В разбитых окнах, зиявших, точно беззубые рты, ни проблеска огонька, ни малейшего движения. Однако снег, засыпавший расчищенный участок вокруг домика, был недавно плотно утоптан лошадьми. Итуралде, не замедляя шага, въехал через стоявшие распахнутыми створки нарядных, отделанных медью ворот в главный внутренний двор. Следом за ним – его отряд. Копыта застучали по брусчатке – там, где снег был стоптан в слякотную кашу.

Навстречу не выбежали слуги – чего Итуралде, впрочем, и не ожидал. Осана сгнула в самом начале сотрясавших нынче Арад Доман невзгод – бедствия рвали страну, точно собака крысу, и ее слуги переметнулись на службу к другим представителям ее рода, согласившись на те места, которые им предложили. В эти дни тот, у кого нет хозяина, голодает или превращается в разбойника. Или в принявшего Дракона. Спешившись в конце двора перед широ-

кой мраморной лестницей, Итуралде передал поводья Дротика одному из своих солдат. Джаалам приказал солдатам отыскать какое-нибудь местечко, где можно укрыться самим и укрыть лошадей. Разглядывая окружавшие двор мраморные балконы и широкие окна, солдаты вели себя так, словно ожидали получить арбалетный болт между лопатками. Двери одной из конюшен были приоткрыты, но, несмотря на холод, солдаты разошлись по углам двора, сбившись в кучки вместе с лошадьми. С такой позиции они держали под наблюдением весь двор и ворота. Если случится самое худшее, возможно, хоть кому-то удастся ускользнуть.

Поднимаясь в сопровождении Джаалама по ступеням, Итуралде снял перчатки, заткнул их за пояс и поправил кружева. Под подошвами сапог похрустывал снег – он был вытоптан и подтаял, а потом вновь замерз. Итуралде сдержал порыв оглянуться вокруг и смотрел только прямо перед собой. Он обязан выглядеть в высшей степени уверенным, как будто все идет так, как он ожидает. Уверенность – один из ключей к победе. Если противная сторона считает, что ты уверен, то иногда это почти так же хорошо, как и в самом деле испытывать уверенность. На верхней площадке Джаалам, потянув за золоченое кольцо, отворил створку высоких, украшенных резьбой дверей. Итуралде тронул пальцем щеку, проверяя, на месте ли мушка, – онемевшая от мороза кожа не чувствовала прилипшую черную бархатную звездочку, – а затем шагнул внутрь. Преисполненный самоуверенности, как будто он был на балу.

В смахивающем на пещеру вестибюле царил такой же ледяной холод, что и снаружи. Когда он дышал, у рта клубились облачка тумана. Неосвященное пространство зала, казалось, затопили сумерки. Разноцветный мозаичный пол изображал охотников и животных, плитки местами были выщерблены, как будто по ним волокли что-то тяжелое или, быть может, на пол роняли что-то тяжелое. За исключением опрокинутого постамента, на котором некогда могла стоять большая ваза или маленькая статуя, зал был пуст. То, что не забрали при своем бегстве слуги, давным-давно разграбили разбойники. Вошедших ожидал один-единственный человек – беловолосый и куда более исхудавший, чем его помнил Итуралде по прошлой встрече. Нагрудник кирасы был помят, в ухе покачивалась всего лишь маленькая простая золотая серьга-кольцо; но кружева были ослепительно-белыми, сверкающий алым полумесяц возле левого глаза и в лучшие времена не вызвал бы нареканий даже при дворе.

– Во имя Света, приветствую вас под Белой лентой, лорд Итуралде, – официально произнес встречающий, отвечивая легкий поклон.

– Во имя Света, я явился под Белой лентой, лорд Шимрон, – отозвался Итуралде, отвечая на приветствие со всей учтивостью. Шимрон принадлежал к числу наиболее доверенных советников Алсалама. По крайней мере, пока не присоединился к принявшим Дракона. Теперь и у них в советах он занимал высокое положение. – Мой дружинник Джаалам Нишур честью связан с Домом Итуралде, как и все, кто пришел со мной.

До Родела никакого Дома Итуралде и в помине не было, но Шимрон ответил на поклон Джаалама, приложив ладонь к груди слева.

– Честь к чести. – Выпрямившись, он промолвил: – Следуйте со мной, лорд Итуралде.

Огромные двери бального зала кто-то снял с петель, хотя Итуралде даже не мог себе вообразить разбойников, которым вздумалось бы их украсть. Исчезнувшие створки оставили высокий стрельчатый проем, ширина которого позволяла войти в него сразу десятерым в ряд. Внутри овальной, лишенной окон комнаты полсотни фонарей всевозможных разновидностей разогнали тени, правда куполообразного потолка свет лишь едва достигал. Вдоль расписанных красками стен стояли две группы людей, разделенные широким пустым пространством; и если Белая лента вынудила их снять шлемы, то все две сотни – или чуть более того – воинов были облачены в доспехи, и, несомненно, никто из них не снял меча. По одну сторону находилось несколько доманийских лордов, могуществом не уступавших Шимрону, – Раджаби, Вакеда, Анкайр, – каждого обступила группа дворян рангом поменьше и присягнувших им простолюдинов. Там же стояли группки поменьше, в двух-трех из них вообще не видно было людей

благородного звания. У принявших Дракона есть советы, но нет единого командующего. Тем не менее каждый из этих людей по праву командовал своим отрядом, причем у некоторых в подчинении были сотни, а кое у кого – тысячи. Ни один не выказывал особой радости оттого, что оказался в этом месте, а один-два недобро косились через разделявшее их пространство в сторону стоявших напротив тарабонцев. Те держались плотной группой и в ответ тоже бросали хмурые взоры. Пусть они все и принявшие Дракона, но доманийцы и тарабонцы друг друга терпеть не могли. Однако при виде чужеземцев Итуралде едва удержался от улыбки. Он не смел и надеяться, что сегодня явится хотя бы половина из них.

– Лорд Родел Итуралде идет под Белой лентой, – звонко прозвучал среди отбрасываемых фонарями теней голос Шимрона. – Пусть тот, кто помыслит о насилии, заглянет в свое сердце и подумает о своей душе.

На этом формальности кончились.

– Почему лорд Итуралде предложил Белую ленту? – требовательно спросил Вакеда, одной рукой стискивая эфес длинного меча, а другую, сжатую в кулак, уперев в бок. Высоким его назвать было нельзя, хотя ростом он и превосходил Итуралде, зато уж высокомерен Вакеда был, словно сам сидел на троне. Некогда женщины называли его красавчиком. Теперь же черная повязка, наискось пересекавшая лицо, закрывала пустую правую глазницу, а его мушка представляла собой черный наконечник стрелы, направленный на толстый шрам, переходящий со щеки на лоб. – Намерен ли он присоединиться к нам? Или попросит нас сдаться? Всем известно, что Волк столь же смел, сколь и хитер. Неужели он настолько дерзок?

Среди его людей пробежал ропот, отчасти – веселый, отчасти – гневный.

Итуралде сцепил руки за спиной, чтобы ненароком не потеревить рубин в левом ухе. Об этом жесте, свидетельствующем о его раздражении, все немало наслышаны, и порой Волк нарочито пускал его в ход, но сейчас ему необходимо являть собой спокойствие. Пусть даже собеседник орет прямо в ухо! Нет, только спокойствие. В гневе бросают вызов на поединок, но он сюда пришел, чтобы сразиться в поединке, а для этого нужно хладнокровие. Слова бывают оружием куда более убийственным, чем мечи.

– Каждый здесь присутствующий знает, что на юге у нас есть другой враг, – произнес Итуралде невозмутимым тоном. – Шончан поглотили Тарабон. – Он оглядел тарабонцев, наткнувшись на ничего не выражающие взгляды. Он никогда не отличался умением читать по лицам тарабонцев. С этими нелепыми усами – словно волосяные моржовые бивни, куда там салдэйцам! – и с этими смехотворными вуалями, они все равно что маски нацепили, а тусклый свет фонарей ему не помощник. Но Итуралде видел их не только в вуалях – и в кольчугах тоже, и тарабонцы ему были нужны. – Шончан устремились на равнину Алмот и продвинулись еще севернее. Их намерения очевидны. Они хотят захватить и Арад Доман. Боюсь, они намерены завоевать весь мир.

– Значит, лорд Итуралде хочет знать, на чьей мы будем стороне, если эти шончан нападут на нас? – спросил Вакеда.

– Я искренне верю, лорд Вакеда, что вы станете сражаться за Арад Доман, – мягко произнес Итуралде.

Вакеда побагровел, будто ему в лицо бросили неприкрытое оскорбление, а присягнувшие лорду дружинники потянулись было к оружию.

– Беженцы поговаривают, что теперь на равнине появились Айил, – поспешно вступил в разговор Шимрон, словно он опасался, что Вакеда нарушит Белую ленту. Никто из людей Вакеды не обнажит меча, если этого не сделает их лорд или если он не прикажет им взяться за оружие. – Они, судя по донесениям, сражаются за Возрожденного Дракона. Должно быть, это он их послал. Наверное, нам на подмогу. Никто еще не побеждал армию Айил. Этого не удавалось даже самому Артуру Ястребиное Крыло. Помните Кровавый Снег, лорд Итуралде? Мы тогда были молоды. Думаю, вы согласитесь со мной, что тогда мы их не победили, что бы

там ни утверждали историки. И я не поверю, что армия у шончан такая же большая, как тогда была у нас. Я сам слышал, что шончан движутся на юг, в сторону от границы. Нет, я полагаю, что в следующий раз мы услышим, что они *отступают* с равнины, а не наступают на нас.

В бою Шимрон был неплохим командиром, но всегда отличался педантичностью.

Итуралде улыбнулся. Сюга вести приходят много быстрее, чем откуда бы то ни было еще, но он опасался, что ему самому придется заговорить об Айил, а тогда они могут решить, что их пытаются как-то обхитрить. Он и сам с трудом верил такому: айильцы – на равнине Алмот. Итуралде не стал указывать на то, что Айил, посланные на помощь принявшим Дракона, с большей вероятностью появились бы в самом Арад Домане.

– Я тоже расспрашивал беженцев, и говорили они о набегах айильцев, а не об айильском воинстве. Что бы Айил ни делали на равнине, продвижение шончан они, может, и замедлят, но никак не заставят тех повернуть обратно. Шончанские летающие твари начали разведку по нашу сторону границы. Отступлением тут и не пахнет.

Эффектным жестом выхватив из рукава бумагу, Итуралде высоко поднял ее, демонстрируя всем оттиснутую на зелено-голубом воске печать с изображением меча и руки. Как обычно в последнее время, он не ломал королевскую печать, а при помощи нагретого клинка целиком отделял ее от бумаги, оставляя невредимой, – дабы показать всем скептикам и сомневающимся. А таковых, стоило людям услышать некоторые распоряжения Алсалама, находилось предостаточно.

– От короля Алсалама я получил приказы собрать как можно больше солдат, всюду, где смогу отыскать их, и нанести мощный удар по шончан. – Итуралде глубоко вздохнул. Ну вот, он воспользовался еще одной возможностью, еще одним шансом, и теперь Алсалам может отправить его на плаху, если только кости не упадут на доску в нужной комбинации. – Я предлагаю перемирие. Именем короля я обещаю не выступать против вас каким бы то ни было образом, пока шончан остаются угрозой для Арад Домана, если и вы пообещаете то же самое и станете сражаться вместе со мной против шончан, пока они не будут отброшены.

Ответом ему стало молчание, все были потрясены. Раджаби выглядел так, словно его огрели алебардой по бычьей шее.

Вакеда покусывал губу, точно изумленная девчонка. Один только Шимрон пробормотал:

– А можно ли их отбросить, лорд Итуралде? На равнине Алмот я, как и вы, сталкивался с их... с их посаженными на цепь Айз Седай.

Собравшиеся переминались с ноги на ногу, шурша подошвами сапог, лица потемнели от мрачного гнева. Кому понравится оказаться беспомощным перед лицом врага; однако, чтобы понять, каков этот враг, достаточно было оказаться в том бою, вместе с Итуралде и Шимроном.

– Их можно победить, лорд Шимрон, – ответил Итуралде, – даже учитывая все их... сюрпризы. – Несколько странно называть таким словом взрывающуюся под ногами землю и разведчиков, оседлавших создания, точь-в-точь похожие на отродья Тени, но он обязан говорить так же уверенно, как выглядит. Кроме того, когда тебе известно, на что способен враг, ты приспособливаешься. Задолго до появления шончан эта истина была одной из основ войны. В темноте превосходства у шончан меньше, так же как и во время грозы, а хорошая предсказательница погоды всегда предупредит о надвигающейся грозе. – Мудрый перестает жевать, когда добирается до кости, – продолжил Итуралде, – но до сих пор шончан, перед тем как потянуться за своим мясом, нарезали его тонкими ломтиками. Я подсуну им голяшку – пусть погрызут. Более того, у меня есть план, как заставить их так быстро щелкнуть челюстями, что они, прежде чем ухватят в рот мясо, пообломают зубы о кость. Итак, я дал обещание. А вы дадите?

Мало у кого не перехватило дыхание. Казалось, каждый погрузился в глубокие раздумья, обратившись внутрь себя. Итуралде чуть ли не зримо представилось, как они шевелят мозгами.

У Волка есть план. У шончан есть посаженные на цепь Айз Седай и летающие твари, и один Свет знает что еще. Но у Волка есть план. Шончан – с одной стороны, и Волк – с другой.

– Если кому и под силу нанести поражение шончан, – наконец промолвил Шимрон, – так это вам, лорд Итуралде. Я дам клятву.

– И я дам клятву! – выкрикнул Раджаби. – Мы погоним их прочь, через океан, туда, откуда они явились!

Не только внешне, но и темпераментом тоже он смахивал на быка.

Как ни удивительно, но с неменьшим воодушевлением свое согласие громогласно выразил и Вакеда, а потом разразилась настоящая буря. Раздавались крики, что все согласны с клятвой королю, что они разгромят шончан; некоторые кричали даже, что последуют за Волком в Бездну Рока. Очень отраднo, но это пока еще не все, к чему стремился Итуралде.

– Если вы просите нас сражаться за Арад Доман, – перекрыл все голоса один, – тогда нас и спрашивайте!

Мужчины, которые только что громко кричали о своей готовности дать клятву, притихли, слышались только сердитое бормотание и приглушенные проклятья.

Скрывая удовлетворение за вежливым выражением лица, Итуралде повернулся лицом к говорившему. Стоявший у противоположной стены тарабонец был худ, а из-за острого носа его вуаль стояла шатром. Но взгляд его был тверд и пронзителен. Кое-кто из тарабонцев хмурился, словно недовольный тем, что их товарищ заговорил, ведь до этого казалось, будто у них, как и у доманийцев, нет единого вождя. Итуралде надеялся получить обещания, что и произошло, но не клятвы требовались для осуществления его плана. Ему нужны были тарабонцы. По крайней мере, тогда вероятность, что его план сработает, во сто крат выше. Он учтиво, с поклоном, обратился к тарабонцу:

– Мой дорогой лорд, я предлагаю вам возможность сразиться за Тарабон. Из-за айильцев на равнине царит хаос – так рассказывают беженцы. Скажите, смогут ли ваши люди – небольшой отряд, сотня-другая человек, – пересечь охваченную смятением равнину и вступить в Тарабон, если их доспехи будут выкрашены полосами, как у тех, кто на стороне шончан?

Лицо тарабонца, что, казалось, невозможно, вытянулось еще больше, и теперь пришел черед сдержанным проклятиям и сердитому бормотанию у другой стены. На север доходило немало известий, и все знали, что король и панарх, посаженные на свои троны шончан, присягнули какой-то императрице по ту сторону океана Арит. Тарабонцам могли прийти не очень-то по вкусу напоминания, сколь много их соотечественников ныне выступает на стороне этой самой императрицы. Большая часть тех «шончан» на равнине Алмот были тарабонцами.

– Что толку от одного маленького отряда? – пренебрежительно проворчал худой тарабонец.

– Да, толку мало, – согласился Итуралде. – Но если таких отрядов будет пятьдесят? Сто? – В общей сложности у этих тарабонцев могло набраться столько своих людей. – Если они все ударят одновременно – через Тарабон? Я и сам отправлюсь с ними, и мои люди – все, на кого удастся подобрать тарабонские доспехи. Так что вы будете знать, что это не какая-то военная хитрость, чтобы отделаться от вас.

За спиной Итуралде громко запротестовали доманийцы. И Вакеда – громче всех! Кто бы мог подумать! План Волка – все это замечательно, но им хотелось бы, чтобы сам Волк их и возглавлял. Тарабонцы принялись спорить между собой о том, можно ли провести столько людей через равнину незамеченными, пусть и такими маленькими группами; о том, какую вообще пользу смогут принести в Тарабоне столь малочисленные отряды; о том, хотят ли они вообще носить доспехи, разрисованные шончанскими полосами. Тарабонцы затевают споры с той же легкостью, что и салдэйцы, и с такой же запальчивостью. Однако остроносый в споры не вступал. Он в упор, не отрываясь, смотрел в глаза Итуралде. Затем слегка кивнул. Трудно было сказать наверняка – мешали густые усы, – но Итуралде показалось, что тот улыбается.

С плеч Итуралде словно свалилась последняя тяжесть. Этот малый не стал бы соглашаться, пока спорят остальные, не будь он у них лидером, даже большим, чем казалось. Итуралде был уверен: остальные тоже пойдут. Они отправятся вместе с ним на юг в сердце территории, которую захватчики уже считают своей, и нададут шончан полновесных оплеух. Потом, конечно, тарабонцы наверняка захотят остаться и продолжить сражаться за свою родину. Большого Итуралде ожидать не мог. И в результате его и несколько тысяч тех воинов, которых он сможет взять с собой, погонят назад на север, все дальше и дальше, через всю равнину Алмот, погонят яростно.

Он ответил тарабонцу на улыбку – если только это было улыбкой. Если повезет, обуреваемые яростью военачальники не сообразят, куда он их ведет, пока не окажется слишком поздно. А если они это поймут... Что ж, у него имеется и другой план.

* * *

С трудом шагая по снегу, петляя между деревьями, Эамон Валда беспрестанно кутался в плащ. Среди заснеженных ветвей, не стихая, вздыхал холодный ветер – обманчиво тихий звук в сером свете сырого дня. Толстую белую шерсть ветер пронизывал точно марлю, мороз доставал до самых костей. Раскинувшийся в лесу перед Валдой бивак был слишком тих. Движение немного согрело, но в такой холод люди, если только не заставлять их двигаться, стремились сжаться в комок.

Внезапно он замер на месте и поморщился: в нос, перебивая дыхание, ударило зловоние – смрад, как от двух десятков навозных куч, шевелящихся от опарышей. Валда не задохнулся, он лишь сердито нахмурился. Лагерю недоставало аккуратности, которую он так любил. Палатки расставлены беспорядочно, кучками теснясь там, где гуще ветви над головой, лошади привязаны поблизости, а не как положено – к кольям. Именно такая расхлябанность и ведет к грязи. Без присмотра люди станут закидывать лошадиный навоз двумя-тремя лопатами земли, чтобы побыстрее закончить с этим делом, а ямы для отхожих мест выроют так, чтобы не слишком далеко было до них ходить. Любого офицер, находившийся в подчинении Валды и допустивший такое, очень быстро лишился бы положенных его рангу золотых бантов и приобрел бы личный опыт в том, как нужно орудовать лопатой.

Валда обозрел лагерь, высматривая источник зловония, когда запаха вдруг не стало. Ветер не переменился; вонь попросту исчезла. Он удивлялся всего лишь мгновение. Продолжив путь, командир нахмурился еще больше. *Откуда-то* ведь это зловоние доносилось. Он выяснит, кто решил, будто о дисциплине можно позабыть, и примерно его накажет в назидание прочим. Теперь дисциплина должна быть строгой – строже, чем когда бы то ни было.

На краю широкой поляны Валда опять приостановился. Ровный слой снега на ней не нарушали ничьи следы, несмотря на то что лес вокруг скрывал бивак. Держась под сенью деревьев, Валда внимательным взором окинул небо. За плывшими по нему серыми облаками пряталось дневное солнце. Что-то мелькнуло вдаль, и у него перехватило дыхание, и только потом Валда понял, что это всего-навсего пролетела птица, какая-то мелкая коричневая тварь, хоронящаяся поближе к земле от соколов. Он коротко, лающе хохотнул – смешок явственно отдавал горечью. Минуло всего-навсего чуть больше месяца с тех пор, как проклятые Светом шончан одним невероятным глотком разом заглотили Амадор и Цитадель Света, а у него уже выработались новые инстинкты. Да, умные учатся, а дураки...

Айлрон – набитый дурак, ослепленный сказками о славном прошлом, да еще со временем приукрашенными. Охваченный новыми надеждами, он возмечтал завоевать то могущество, которое приличествует его короне. Он не желал видеть реальности у себя под носом, и результатом стало Айрлоново Бедствие. Как прослышал Валда, это сражение называли битвой при Джерамеле, но так его именовали только амадицийские нобили, которых можно пересчитать

по пальцам. Они, уцелевшие, ошеломленные событиями – точно огретые дубиной бычки, – все же пытались бездумно выдавать желаемое за действительное. Интересно, как эту битву назвал сам Айлрон, когда укрощенные шончанские ведьмы принялись сметать стройные ряды его армии в кровавые ошметки? Картины взрывающейся огненными фонтанами земли, будто наяву, вставали перед мысленным взором Валды. Он видел их в своих снах. Ладно, Айлрон мертв, повержен, его убили, когда он пытался бежать с поля боя, и голова его красуется на пике какого-нибудь тарабонца. Подходящая смерть для глупца. С другой стороны, Валда сплотил вокруг себя свыше девяти тысяч Чад Света. В такие времена человек, который понимает, что к чему, мог бы многого добиться.

На дальней стороне поляны, на опушке у самых деревьев, стоял дом, некогда принадлежавший углежогу, – однокомнатная халупа, коряво сложенная из грубых нетесаных камней, стыки между которыми законопачены побуревшей за зиму травой. Судя по всему, хозяин довольно давно забросил это жилище; солома на крыше местами угрожающе просела, и что бы там ни было прежде в узких окнах, все это давно исчезло. Теперь окна были завешены темными одеялами. Возле плохо пригнанной двери высились двое рослых часовых, на их плащах эмблема золотого лучистого солнца была наложена на алый знак пастушеского посоха. Они мерзли от холода, обхватив себя руками и притоптывая обутыми в сапоги ногами. Будь Валда врагом, решившим напасть на них, они не успели бы даже обнажить меч. Вопрошающим нравится вершить свои труды за закрытыми дверями.

Лица часовых, взиравших на подходившего Валду, были словно высечены из камня. И тот и другой ограничились лишь равнодушным салютом – и того хватит для человека, который не несет эмблему пастырского посоха, будь он даже самым лордом капитан-командором Детей Света. Один часовой открыл было рот, словно собираясь спросить о цели визита, но Валда прошел между ними и рывком отворил неструганую дверь. Ладно хоть им не вздумалось останавливать его. Попытайся они его задержать, он бы убил обоих.

Валда переступил порог, и Асунава, сидевший за кособоким столом и читавший маленькую книгу, поднял на него взгляд. В костлявой руке исходила паром оловянная кружка, распространявшая запах пряностей. Кресло со спинкой из реек – второй и последний предмет мебелировки – казалось расшатанным, но кто-то укрепил его сырмятными ремешками. Валда поджал губы, сдерживая презрительную усмешку. Верховному инквизитору Десницы Света требовалась настоящая крыша, а не полог палатки, пусть даже это будет соломенная крыша, крайне нуждающаяся в починке, и горячее вино с пряностями, хотя никто уже по меньшей мере неделю вообще никакого вина не пригублял. К тому же в каменном очаге, даря скудное тепло, плясало маленькое пламя. Незадолго до Айрлонова Бедствия, чтобы не выдал дым, было запрещено разводить костры даже для приготовления пищи. Тем не менее, хотя большинство Детей Света презирали Вопрошающих, к Асунаве они относились со странным почтением, как будто седины и исхудалое лицо мученика наделили его всеми идеалами Чад Света. Для Валды подобное отношение, когда он узнал о нем, оказалось сюрпризом; он не был уверен, известно ли об этом самому Асунаве. Во всяком случае, здесь хватало Вопрошающих, и неприятностей они могли доставить немало. Ничего такого, с чем нельзя было бы справиться, но лучше таких неприятностей избегать. Хотя бы пока.

– Время почти наступило, – произнес Валда, притворив за собой дверь. – Вы готовы?

Асунава и не подумал встать или потянуться за белым плащом, сложенным возле него на столе. На плаще не было эмблемы солнечной вспышки, только багряный крючок пастушеского посоха. Вместо этого он сложил руки поверх книги, накрыв страницы ладонями. Валде показалось, что это «Путь Света» Мантилара. Необычное чтение для верховного инквизитора. Оно более подходит для новичков-новобранцев; тех, кто не умел читать, после того как они принесли клятву, обучали грамоте, чтобы они могли выучить слова Мантилара.

– Мне докладывали, чадо мое, что в Муранди андорская армия, – сказал Асунава. – Возможно, они продвинулись уже далеко.

– Отсюда до Муранди – путь неблизкий, – ответил Валда, словно и не понял, что заново затевается старый спор. Спор, в котором Асунава уступил, но, как кажется, часто забывает об этом.

Но что андорцы делают в Муранди? Если только доклады верны, ведь слишком многие сообщения – фантазии путников, закутанные в ложь. Андор. Само это название занозой сидело в памяти Валды. Моргейз мертва или состоит в прислужницах у кого-то из шончан. К титулам, если они не их собственные, шончан почтения не испытывают. Мертва Моргейз или стала служанкой, для него она потеряна, и, что еще важнее, рухнули его планы в отношении Андора. Из полезного рычага Галадедрид превратился в обыкновенного, рядового молодого офицера, причем в такого, который пользуется чрезмерной популярностью у простых солдат. А хороших офицеров они никогда не любили. Но Валда – человек практичный. Прошлое останется в прошлом. На место Андора пришли иные планы.

– Не слишком, если мы отправимся на восток, через Алтару, чадо мое, через северную часть Алтары. Далеко от Эбу Дар шончан уйти не могли.

Протянув руки к очагу и лоя ладонями тепло от маленького пламени, Валда вздохнул. Шончан, как чума, расплзались по Тарабону и здесь, по Амадиции. С какой стати этот человек думает, будто Алтара чем-то от них отличается?

– А разве вы забыли о ведьмах в Алтаре? О тех, у которых есть собственная армия? Неужели нужно напоминать вам? Может, они к этому времени уже вступили в Муранди. – Тем докладам о ведьмах на марше Валда верил. Не желая того, он повысил голос: – Может, так называемая андорская армия, о которой вы слышали, – это и есть те ведьмы со своим воинством! Помните, они же отдали Кэймлин ал’Тору! И Иллиан, и половину востока! Вы что же, в самом деле верите в раскол между ведьмами? Неужели верите?

Валда сделал медленный глубокий вдох, успокаиваясь. Пытаясь успокоиться. Каждый новый слух с востока – хуже предыдущего. Порыв ветра, залетевший в дымоход, брызнул искрами в комнату, и он с проклятьем отступил назад. Вот треклятая хибара! Даже дымоход как следует сложить не могут!

Асунава резким движением ладоней захлопнул книгу. Руки его были сложены как для молитвы, но глубоко сидящие глаза внезапно полыхнули жарче огня.

– Я верю, что ведьмы должны быть уничтожены! Вот во что я верю!

– Я бы довольствовался знанием того, как шончан их укрощают.

Имея достаточное число прирученных и послушных Айз Седай, Валда мог бы изгнать ал’Тора из Андора, из Иллиана, отовсюду, где он воцарился, будто сама Тень. Да он бы превошел даже Артура Ястребиное Крыло!

– Их нужно уничтожить, – упрямо твердил Асунава.

– И нас вместе с ними? – спросил Валда.

Раздался стук в дверь, и после отрывистого «войдите» Асунавы на пороге появился один из стоявших снаружи часовых. Вытянувшись, как на строевом смотре, он встал в проеме, энергично вскинув руку и прижав ее к груди в салюте.

– Милорд верховный инквизитор, – почтительно произнес он, – прибыли члены Совета помазанников.

Валда ждал. Неужели старый дурень продолжит упрямяться, когда за дверями – все десять уцелевших лорд-капитанов, уже в седлах и готовые к выступлению? Что сделано, то сделано. И это должно было быть сделано.

– Если будет низвергнута Белая Башня, – в конце концов промолвил Асунава, – я могу удовлетвориться этим. На время. Я пойду на эту встречу.

Валда слегка улыбнулся:

– Тогда я согласен. Мы вместе увидим, как падут ведьмы. – Он-то наверняка увидит, как они погибнут. – На вашем месте я бы распорядился приготовить лошадь. До темноты нам еще предстоит долгая дорога.

А вот увидит ли вместе с ним гибель ведьм Асунава, вопрос другой.

* * *

Габрелле полюбились прогулки верхом по зимнему лесу вместе с Логайном и Тувин. Логайн всегда позволял им с Тувин ехать следом за ним по собственному усмотрению, в некотором отдалении, лишь бы женщины не слишком отставали. Впрочем, даже оставаясь наедине, Айз Седай редко разговаривали между собой, разве что при крайней необходимости. Они вовсе не были подругами. На самом деле у Габрелле, когда Логайн предлагал проехать, зачастую появлялась мысль, что было бы неплохо, если бы Тувин попросила оставить ее дома. Было бы очень хорошо действительно побыть одной.

Придерживая одной рукой в зеленой перчатке повод, а другой – полы подбитого лисьим мехом плаща, Габрелле позволила себе ощутить холод, совсем чуть-чуть, чтобы взбодриться. Снег был неглубок, но утренний воздух освежал. Темно-серые тучи предвещали в скором времени снегопад. Высоко вверху пролетела какая-то длиннокрылая птица. Наверное, орел; знание птиц не входило в число достоинств Габрелле. Растения и минералы, когда их изучаешь, остаются на месте, да и книги с рукописями не норовят убежать, хотя некоторые от старости и грозят рассыпаться под пальцами. Все равно на такой высоте она едва ли могла различить птицу, но орел как раз подходил для пейзажа. Вокруг раскинулся негустой лес, тут и там среди стволов виднелись заросли погуще. Громадные дубы и высоченные сосны и ели задавили большую часть подлеска, хотя местами плотные бурые остатки зимостойких вьющихся растений, поджидающих все еще далекую весну, цеплялись за валуны или низкие серые скальные выступы. Габрелле, словно выполняя упражнение для послушниц, старательно запоминала окружающий ландшафт, холодный и безлюдный.

Не видя вокруг, за исключением двух своих спутников, ни одной живой души, она могла бы даже вообразить себе, что находится где-то в другом месте, а не вблизи Черной Башни. Теперь это внушающее ужас название слишком легко возникало в голове. Она стала такая же реальная, как и Белая Башня, и больше уже не была «так называемой» для любого, кто своими глазами видел огромные каменные казармы, где жили сотни проходивших обучение мужчин, и деревню, выросшую вокруг них. Габрелле прожила в этой деревне почти две недели, но некоторые части Черной Башни она еще до сих пор не видала – ведь та разрослась на несколько миль, и территорию ее окружали стены из черного камня. Но здесь, в лесу, Габрелле почти могла обо всем забыть.

Почти. Но оставался еще узел ощущений и эмоций, самая сущность Логайна Аблара, что всегда была в глубине ее подсознания, – постоянное чувство сдерживаемой настороженности, мускулов, готовых напрячься в следующий миг. Так, наверное, чувствуешь себя, если за тобой охотится волк или лев. Мужчина время от времени поворачивал голову; даже здесь он не оставлял окружающее без внимания и смотрел по сторонам, словно в любой миг ожидал нападения.

Стража у Габрелле никогда не было – для Коричневой сестры это излишняя роскошь, а наемный слуга выполнит все, что ей нужно. И было чудно чувствовать себя не просто частью уз, а оказаться, так сказать, на другом их конце. Хуже, чем просто не на том конце; *эти* узы требовали от нее подчинения, и она была ограничена запретами. Вообще-то, это не то же самое, что узы Стража. Сестры не *принуждают* Стражей к повиновению. Впрочем, такое бывает, но нечасто. И уже много веков сестры не связывают узами мужчин против их воли. Что ж, вот он, интересный предмет для изучения. Габрелле размышляла над истолкованием того, что сейчас

ощущала. Иногда она почти что читала мысли Логайна, а в иные моменты словно пробиралась в крошечной тьме шахты, без фонаря, ощупью. У Габрелле не раз мелькала мысль, что она не оставит своих попыток изучать все и вся, даже если ее голову положат на плаху под топор палача. Что, можно сказать, и случилось. Логайн мог ощущать ее, точно так же как и она – его.

Ей нельзя забывать об этом ни на миг. Может, кое-кто из Аша'манов и верит, будто Айз Седай примирились со своей неволей, но лишь болван решит, что пятьдесят одна сестра из тех, что были насильно связаны узами, покорно примут эту участь, а Логайн вовсе не глуп.

Кроме того, ему известно, что их отправили уничтожить Черную Башню. Однако, если он заподозрит, что они по-прежнему стремятся отыскать способ покончить с угрозой, которую представляют сотни способных направлять Силу мужчин... О Свет, да в их нынешнем стреноженном состоянии один приказ – и они застынут как вкопанные! Вы не должны причинять никакого вреда Черной Башне. Она не понимала, почему такой приказ не был отдан – может, в качестве обыкновенной меры предосторожности? Они обязаны преуспеть. Если они потерпят неудачу, то мир будет обречен.

Логайн повернулся в седле – внушительную широкоплечую фигуру облегал прекрасно сшитый кафтан, темный как смоль, ни единого цветного пятнышка, не считая серебряной эмблемы в виде меча и красно-золотого дракона на высоком вороте. Черный плащ отброшен за спину, словно он не позволял холоду коснуться себя. Так, наверное, и было; казалось, эти мужчины верят, что должны противостоять всему и всем постоянно. Логайн улыбнулся ей – неужели ободряюще? Габрелле заморгала. Неужели она допустила, чтобы по узам от нее просочилось слишком много беспокойства? Что за трудный танец – стараться контролировать свои эмоции, выказывать только верноподданнические ответные чувства. Чем-то похоже на испытание для получения шали, когда каждое плетение требовалось делать в точности таким же, без малейшего колебания, невзирая на все то, что отвлекает внимание, только вот это испытание повторялось постоянно, раз за разом.

Логайн переключил свое внимание на Тувин, и Габрелле облегченно вздохнула. Значит, просто улыбка. Приветливый жест. Логайн часто бывал обходителен. Он мог бы даже быть симпатичным, не будь он тем, кем был.

Тувин расплылась в лучезарной улыбке, и Габрелле усилием воли сдержалась, чтобы не покачать удивленно головой, и это уже не в первый раз. Словно бы хоронясь от холода, она натянула капюшон немного вперед, пряча лицо, но так, чтобы можно было посматривать вокруг, и принялась исподтишка разглядывать Красную сестру.

Все, что она знала об этой женщине, говорило, что та неглубоко закопала свою ненависть, если она вообще была способна на такое; Тувин испытывала к способным направлять Силу мужчинам глубокое отвращение, как и всякая Красная сестра, какую бы ни встретила Габрелле. Любая Красная должна презирать Логайна Аблара после всех сделанных им заявлений, будто он именно по наущению самой Красной Айя провозгласил себя Лжедраконом. Теперь-то он, может, и хранит молчание, но сказанное уже нанесло немалый ущерб. Некоторые из захваченных вместе с Габрелле и Тувин сестер относились к Красным так, словно считали, будто те по меньшей мере угодили в ими самими же и выкопанную яму. И тем не менее Тувин *улыбалась* Логайну самым глупейшим образом. Габрелле в голову пришла ошеломляющая мысль, и она прикусила губу изнутри. Да, правда, Десандре и Лемай приказали всем сестрам добиться задушевных отношений с Аша'манами, которые удерживают их узы, – мужчин надо убаюкать, прежде чем сестры сумеют сделать что-нибудь полезное, – но Тувин открыто принимала в штыки любое приказание и той и другой сестры. Ей вообще претило им подчиняться, и она, возможно, заартачилась и отказалась бы повиноваться, не будь Лемай тоже Красной. Причем не важно, насколько она признавала, что поступает правильно, что это необходимо. Или дело в том, что больше никто не признавал ее власти, раз она привела их к плену. Эта мысль ей тоже была ненавистна. Однако именно тогда Тувин начала улыбаться Логайну.

Если так оно и было, то как Логайн, находясь на другом конце ее уз, мог принимать ее фальшивую улыбку за чистую монету? Габрелле уже подступалась к этому вопросу, хотя ни разу и близко не подошла к тому, чтобы распутать этот клубок. Он слишком многое знал о Тувин. Достаточно знать цвет ее Айя. Тем не менее Габрелле ощущала в нем столь же мало подозрительности, когда он глядел на Красную сестру, как и при взгляде на нее саму. Едва ли Логайн был совершенно свободен от *всех* подозрений; казалось, он был недоверчив ко всем. Но все-таки меньше – к *любой* сестре, чем к какому-нибудь Аша'ману. Впрочем, и в этом нет никакого смысла.

«Он – не дурак, – напомнила девушка себе. – Тогда почему? И почему тогда – Тувин? Что она-то замышляет?»

Внезапно Тувин обратила свою лучезарную улыбку к ней и заговорила так, словно Габрелле по меньшей мере один из этих вопросов произнесла вслух.

– Когда ты рядом, – сказала она еле слышно, на выдохе, – он едва помнит обо мне. Ты, сестра, его самого пленила.

Застигнутая врасплох, Габрелле невольно вспыхнула. Тувин никогда сама не заводила разговора, и было бы крайним преуменьшением сказать, что она не одобряет поведения Габрелле в отношениях с Логайном. Обольстить Логайна представлялось наиболее очевидным способом подобраться к тому, чтобы узнать его планы, определить его слабости. В конце концов, даже если он и Аша'ман, но она-то задолго до его рождения была Айз Седай, и вряд ли ее назовешь совершенно невинной, когда дело доходит до мужчин. Логайн, когда понял, что она делает, был настолько изумлен, что Габрелле чуть было не подумала о нем как о *невинном*. И похоже, сглупила. Как выяснилось, игра в доманйку таила в себе множество сюрпризов и несколько ловушек. Хуже того – там скрывался капкан, о котором она не могла поведать никому. Нечто такое, что – этого она очень боялась – знает и Тувин, пусть хотя бы и частично. Но, значит, всякая сестра, последовавшая за нею, тоже должна знать об этом, и Габрелле полагала, что так оно и есть. Никто ни словом не обмолвился об этой проблеме, и, разумеется, никто, скорее всего, ничего и не скажет. Хотя Логайн и маскировал узы тем грубым способом, который, по убеждению Габрелле, все равно позволял ей все обнаруживать, как бы хорошо тот ни прятал свои чувства, но иногда, когда они делили ложе, он позволял маскировке соскользнуть. Говоря без преувеличений, результаты были... потрясающи. В те моменты не было ни спокойной сдержанности, ни хладнокровия исследователя. Вообще камня на камне не оставалось от здравомыслия.

Габрелле поспешила вызвать перед своим мысленным взором заснеженный ландшафт и сосредоточила на нем свой разум. Деревья и валуны и ровный покров белого снега. Ровный, холодный снег.

Логайн не оглянулся на нее; он ни жестом, ни заметным движением, совсем ничем не показал этого, но узы сказали ей, что ему известно о ее секундной потере самоконтроля. Да этот мужчина до краев наполнен самодовольством. И *удовольствием!* Габрелле оставалось лишь сдерживать себя, чтобы не взорваться от возмущения. Но он-то ждет, что она станет кипятиться, чтоб ему сгореть! Он же *должен* знать, что она ощущает через узы. Однако если дать волю гневу, то это только наполнит его радостью! И он даже не старался этого скрывать!

Как заметила Габрелле, на лице Тувин играла легкая, довольная улыбка, но на раздумья времени у нее не осталось.

Утром они были предоставлены сами себе, но сейчас между деревьями появился еще один всадник. Мужчина без плаща, заметив тройцу, резко повернул коня в их сторону и ударил животное каблуками в бока, погнав его, несмотря на снег, вперед. Логайн, воплощенное спокойствие, натянул поводья, поджидая всадника, и Габрелле, остановив свою лошадь рядом с ним, одеревенела. Чувства, которые накатывали на нее, изменились. Теперь они превратились в напряженную настороженность волка, ожидающего ловушки. Габрелле не удивилась бы,

увидев его руки в боевых перчатках лежащими на эфесе меча, а не сложенными спокойно на высокой передней луке седла.

Вновь прибывший не уступал ростом Логайну, золотистые кудри спадали на широкие плечи, на лице сияла обворожительная улыбка. Габрелле заподозрила, что незнакомец вполне отдавал себе отчет в своей обаятельности. Вряд ли он этого не знал – он был, что называется, красавчик, намного красивее Логайна. Горнило жизни закалило Логайна, заострив грани и ожесточив его лицо. А этот молодой мужчина был весь гладенький и чересчур хорошенький. Тем не менее на вороте его куртки красовались эмблемы в виде дракона и меча. Он окинул двух сестер взглядом ярких синих глаз.

– Логайн, ты с ними обеими спишь? – произнес он низким голосом. – По мне, так у пухленькой вид более трезвомыслящий, зато другая кажется весьма пылкой.

Тувин сердито зашипела, а Габрелле стиснула челюсти. Вообще-то, тайны она ни из чего не делала – она же не кайриэнка какая-нибудь, чтобы всячески скрывать от людей то, за что ее могли упрекнуть открыто. Однако это вовсе не означает, что она согласна стать предметом досужих разговоров и непристойных шуточек. Хуже всего, он говорил с таким видом, будто они были гулящими девками из таверны!

– Чтоб я такого больше не слышал, Мишраиль, – негромко промолвил Логайн.

И Габрелле ощутила, как узы снова изменились. Теперь они были холодны – холодны так, что даже снег казался теплее. Холодны так, что могила и та казалась теплее. Ей доводилось прежде слышать это имя – Атал Мишраиль, и она чувствовала недоверие Логайна, когда тот произносил его, – определенно большее недоверие, чем он испытывал к ней или Тувин, – но от этого ощущения веяло убийством. Просто смехотворно. Мужчина держит ее в плену, однако готов прибегнуть к насилию, чтобы защитить ее репутацию? Какая-то часть ее существа хотела рассмеяться, но Габрелле припрятала эту информацию на будущее. Пригодится всякая крупица знаний.

Молодой и бровью не повел, услышав угрозу. Улыбка его даже не дрогнула.

– М'Хаэль говорит, что ты, если хочешь, можешь идти. Непонятно, почему тебе взбрело в голову отправиться набирать новичков.

– Кто-то же должен это делать, – отозвался Логайн ровным голосом.

Габрелле с Тувин обменялись озадаченными взглядами. С чего бы это Логайну захотелось отправиться на вербовку? Они не раз видели, как возвращались после вылазок за новобранцами отряды Аша'манов, и вид после перемещений на дальние расстояния они имели очень измученный, и вдобавок они обычно были грязные и злые. Кажется, мужчины, агитирующие за Дракона Возрожденного, не всегда встречали теплый прием, особенно потом, когда люди узнавали, что им на самом деле надобно. И почему они с Тувин слышали об этом только сейчас? Габрелле готова была поклясться, что, деля с ней постель, Логайн рассказывал ей обо всем.

Мишраиль пожал плечами:

– Для такой работы хватает посвященных и солдат. Конечно, думаю, тебе прискучило следить за обучением. Учить оболтусов красться по лесу и лазить по скалам, как будто они не в состоянии и нити Силы направить. Да любая захудалая деревенька и то покажется получше. – Вдруг его улыбка превратилась в ухмылку – самодовольную, надменную и вовсе не обаятельную. – Может, если ты попросишь М'Хаэля, он разрешит тебе заниматься вместе с его учениками во дворе? Тогда бы ты не скучал.

На лице Логайна не дрогнул ни единый мускул, но Габрелле ощутила пронесшуюся по узам стрелу ярости. Ей довелось случайно услышать обрывки кое-каких слухов о Мазриме Таиме и его не всем доступных занятиях, но на деле каждая сестра знала лишь то, что Логайн и его сотоварищи не доверяли ни Таиму, ни кому бы то ни было из тех, кто посещал его уроки, а Таим, по-видимому, не доверял Логайну. К сожалению, сведения, которыми сестры распо-

лагали об этих занятиях, грешили скудностью; ни одна из них не была связана узами с мужчиной из числа приближенных к Таиму. Некоторые полагали, что взаимная подозрительность проистекает из того, что в разное время и Логайн, и Таим провозглашали себя Возрожденными Драконами, а иные даже считали недоверчивость признаком того безумия, которое постигает мужчин, способных направлять Силу. Габрелле же не замечала у Логайна никаких признаков умопомешательства, а выискивала она их с тем же упорством, что и приметы, по которым со стороны видно, что тот вот-вот направит Силу. Если она будет по-прежнему связана узами с Логайном, когда тот впадет в безумие, оно может захватить и ее разум. Впрочем, что бы ни вызвало трещину в рядах Аша'манов, этим нужно воспользоваться.

Под взором Логайна улыбка Мишраиля поблекла.

– Довольствуйся мизером, – наконец сказал Мишраиль, разворачивая коня. От сильного удара каблуками животное прынуло вперед, а он выкрикнул через плечо: – Кое-кого из нас, Логайн, ждет слава.

– Недолго ему радоваться своему дракону, – пробормотал Логайн, глядя вслед удаляющемуся галопом всаднику. – Слишком длинный язык.

Габрелле подумала, что замечание Логайна вряд ли предназначалось для нее и Тувин, но тогда зачем он вообще что-то говорил? И почему он вдруг так встревожился? Логайн весьма умело скрывал свою тревогу, особенно принимая во внимание узы, но тем не менее он был обеспокоен. О Свет, иногда казалось, что лучше и не знать о том, что творится в голове у мужчины! От этого путаницы еще больше!

Вдруг Логайн обратил свой взор на них с Тувин, изучающе оглядел обеих. Новая струйка обеспокоенности проскользнула по узам. Неужели он о них тревожится? Или – что за странная мысль – тревожится *за* них?

– Боюсь, нашу прогулку придется прервать, – помолчав, сказал Логайн. – Мне нужно кое к чему подготовиться.

Он не стал гнать коня галопом, но в деревню, где жили проходившие обучение мужчины, возвращался намного быстрее, чем выезжал из нее. Теперь Логайн был на чем-то сосредоточен; как предположила Габрелле, он о чем-то напряженно размышлял. Узы буквально гудели от напряжения. Конем он правил, должно быть, почти что машинально.

Их маленький отряд повернул обратно, и немного погодя Тувин подъехала поближе к Габрелле. Склонившись в седле, Тувин попыталась впиться взглядом в Габрелле, одновременно кидая быстрые взгляды на Логайна, словно боясь, что он, оглянувшись, застанет их за разговором. Судя по всему, на то, что подсказывали узы, Тувин внимания никогда не обращала. Пытаясь разом делать два дела, она дергалась в седле туда-сюда, как тряпичная кукла, в любой момент рискуя свалиться наземь.

– Мы должны пойти с ним, – прошептала Красная сестра. – Чего бы это ни стоило, ты должна этого добиться. – Габрелле вскинула брови, и Тувин, надо отдать ей должное, покраснела, но настойчивости не утратила. – Нельзя допустить, чтобы нас оставили, – торопливо зашептала она. – Явившись сюда, он от своих честолюбивых замыслов не отказался. Какую бы гнусность он ни замыслил, мы ничего не сможем поделать, если нас не будет рядом с ним, когда он начнет действовать.

– Что у меня под носом, я и так прекрасно вижу, – резко ответила Габрелле и почувствовала облегчение, когда Тувин просто кивнула и замолчала.

Чтобы обуздать страх, который нарастал у нее в душе, Габрелле большего сделать не могла. Неужели Тувин никогда не задумывалась о том, что она должна ощущать через узы? Нечто, что всегда присутствовало в соединении с Логайном – решимость, – теперь окрепло и было пронзительно-острым, как отточенный нож. Ей показалось, на сей раз она понимает, что это значит, и от такого знания у нее пересохло во рту. Габрелле испытывала непоколебимую

уверенность, что Логайн Аблар отправляется на войну, хотя она и не могла сказать, на войну с кем.

* * *

Медленно спускаясь по широкому коридору, который нисходящими полого спиралями обвивал Белую Башню, Юкири чувствовала себя злой на весь мир изголодавшейся кошкой. Она едва заставляла себя прислушиваться к речам неспешно идущей рядом сестры. Утро по-прежнему оставалось еще сумрачным, рассвет едва пробивался сквозь пелену сильного снегопада, окутавшую Тар Валон, и на средних уровнях Башни холод стоял такой, как зимой в Пограничных землях. Ну, может, было и не настолько холодно, допустила чуть погодя Юкири. Ей уже много лет не доводилось бывать так далеко к северу, и память преувеличивала то, что не забылось. Вот поэтому-то так и важны письменные свидетельства. За исключением, конечно, тех случаев, когда кое-что не осмеливаешься даже записать. Так или иначе, но все равно было холодно. При всей одаренности и мастерстве древних зодчих, на такую высоту тепло от громадных подвальных печей не доходило. Язычки пламени над золочеными шандалами плясали на сквозняках, а некоторые потоки воздуха, наиболее сильные, колыхали тяжелые гобелены, развешенные через определенные промежутки вдоль белых стен: весенние цветы, лесные пейзажи и диковинные животные и птицы чередовались с картинами триумфов Башни. Последние никогда не увидишь внизу, на открытых для простого люда этажах. В собственных апартаментах Юкири, где от разоженных каминов исходит блаженное тепло, когда-то было намного уютнее.

В голове у Юкири, как она ни старалась этого избежать, продолжали безостановочно крутиться мысли о новостях из внешнего мира. Или в большинстве случаев правильнее было бы сказать – о недостатке надежных известий. В сообщениях глаз-и-ушей из Алтары и Арад Домана – сплошная сумятица, а редкие доклады, вновь начавшие просачиваться из Тарабона, были ужасны. Если верить слухам, то правители Пограничных земель повсюду, от Запустения до Андора и от Амадиции до Айильской пустыни. Единственный подтвердившийся факт – что ни один из них не находится там, где ему положено быть, – на страже границ Запустения. Айил прямо-таки кишат повсюду и, похоже, окончательно вышли из-под власти ал’Тора, если он вообще когда-либо их контролировал. Последние вести из Муранди чуть не заставили ее одновременно скрипеть зубами и рыдать, а уж те сведения, что пришли из Кайриэна!.. Сестры заполонили Солнечный дворец, некоторых подозревают в принадлежности к бунтовщикам, так что в лояльности ни одной из них нельзя быть уверенной. А от Койрен и ее посольства по-прежнему никаких вестей с тех пор, как они покинули город, хотя они уже давно должны были возвратиться в Тар Валон. Мало того, ал’Тор опять исчез неведомо куда, словно сквозь землю провалился. Неужели правдивы слухи, что он наполовину разрушил Солнечный дворец? О Свет, он же *не мог* пока еще сойти с ума! Или же предложение Элайды о «покровительстве» испугало его и теперь он прячется? Или что-то его напугало? Ее саму ал’Тор пугал. И он пугал остальных из Совета Башни, какую бы мину те ни исхитрились изображать.

Полная уверенность была только в одном: ничто из всего этого не имело никакого значения, как не важен грибной дождик, если на тебя обрушился ливень с ураганом. Понимание этого ни в коей мере не улучшало настроения. Тревожиться о том, что ты угодила в заросли шиповника, пусть даже ядовитые шипы со временем способны тебя убить, – непозволительная роскошь, когда в ребра упирается острый нож.

– Всякий раз за последние десять лет она покидала Башню исключительно по собственным делам, так что нет никаких записей, чтобы это проверить, – бормотала Мейдани, спутница Юкири. – Трудно узнать в точности, где она на самом деле бывала, уходя из Башни и соблюдая... осмотрительность.

Темно-золотистые волосы Мейдани удерживали гребни из драгоценной резной кости. Она была высока ростом и довольно стройна, так что пышная грудь казалась несколько великоватой для ее фигуры, это впечатление усиливали также облегающий ее вышитый темно-серебристый корсаж и то, как Мейдани шла, нагнувшись к самому уху Юкири. Концы шали Мейдани свисали с запястий, длинная серая бахрома волочилась по плиткам пола.

– Выпрями позвоночник! – тихо буркнула Юкири. – У меня уши землей не забиты.

Мейдани резко выпрямилась, на скулах вспыхнул легкий румянец. Подтянув шаль повыше, Мейдани бросила косой взгляд через плечо на своего Стража. Леонин шагал следом за женщинами, но тактично держался на расстоянии. Впрочем, если до них и доносилось едва различимое легкое позвякивание серебряных колокольчиков, вплетенных в черные косички худощавого мужчины, то он-то ничего не мог услышать из сказанного, ведь женщины говорили приглушенным голосом. Он знал не более, чем было необходимо, – крайне мало, не считая того, что его Айз Седай кой-чего от него хочет. Вполне достаточно для любого приличного Стража. Если бы он услышал слишком много, могли бы возникнуть проблемы, тем не менее нужды шептать не было. Когда люди видят, как кто-то шепчется между собой, то у них обычно возникает желание узнать, о чем тут секретничают.

Однако другая Серая сестра вызывала у Юкири не больше раздражения, чем внешний мир, пусть даже Мейдани и была вороной в лебединых перьях. Во всяком случае, не она являлась главным источником ее гнева. Отвратительно, когда бунтовщица прикидывается верной сторонницей, но Юкири на самом деле обрадовалась, когда Саэрин и Певара убедили ее, что пока еще рано предавать Мейдани и ее товарок-ворон закону Башни. Теперь крылья у них подрезаны, и они – полезны. Они могли бы даже рассчитывать на толику снисхождения, когда предстанут перед лицом правосудия. Разумеется, когда вскрыется, благодаря какой клятве подрезали крылышки Мейдани, то дело запросто может обернуться так, что и сама Юкири попросит снисхождения. Бунтовщицы они или нет, но то, что Юкири и другие сделали с Мейдани и ее сообщницами, так же далеко выходило за пределы закона, как и убийство. Или измена. Клятва, требующая личного повиновения – и принесенная на Клятвенном жезле! Обет, данный под давлением! Все это слишком близко к Принуждению, каковое решительно запрещено, хотя так и не получило исчерпывающего определения. Тем не менее иногда, выкуривая шершней, волей-неволей да и вымажешься в известке, а Черная Айя – шершни с крайне ядовитыми жалами. Закон в надлежащее время будет применен: без закона все остальное – ничто, но Юкири нужно скорее думать о том, останется ли она в живых, выкуривая шершней, а не размышлять, какого наказания потребует для нее закон. Мертвецам нет нужды беспокоиться о наказаниях.

Отрывистым жестом она велела Мейдани продолжать, но не успела та вновь открыть рот, как из-за угла, свернув из бокового коридора, прямо на них вышли три Коричневых сестры, выставившие свои шали напоказ, будто какие Зеленые. Маррис Торнхилл и Дорайзе Месианос – Юкири немного знала их, поскольку восседающие обычно знают сестер из других Айя, которые долгое время проводят в Башне. Иначе говоря, она могла соотнести лица с именами, но вряд ли знала больше. Если поднапрячься, то Юкири описала бы их так: спокойные и поглощенные собственными исследованиями. Элин Варрел совсем недавно удостоилась шали, так что наверняка еще машинально приседает в реверансе. Но вместо того, чтобы с надлежащей учтивостью приветствовать восседающую, все три воззрились на Юкири и Мейдани, точно кошки на невиданных собак. Или, быть может, наоборот. Никакой кротостью тут и не пахло.

– Восседающая, могу ли я спросить о сути арафелского закона? – невозмутимо промолвила Мейдани, как будто намеревалась задать именно этот вопрос.

Юкири кивнула, и Мейдани пустилась в рассуждения относительно того, чем право на рыбную ловлю на реках отличается от права на таковую на озерах – не бог весть какая тема. Любая женщина-судья могла обратиться к Айз Седай с просьбой выслушать дело о праве на

рыбную ловлю, но только для того, чтобы подкрепить собственную позицию в случае, если в рассмотрение вовлечены люди могущественные и она сомневается в целесообразности апелляции к трону.

Следом за Коричневыми сестрами шел один-единственный Страж – Юкири не могла припомнить, чей он, Маррис или Дорайзе, – крупного телосложения, с суровым круглым лицом и темным хохолком волос на макушке. Леонина, с мечами за спиной, он оглядел с недоверием, которого, очевидно, понабрался у своей сестры. Парочка, задрав пухлые подбородки, прошествовала мимо по слегка загибающемуся спиралью коридору, а тощая новоиспеченная сестра, стараясь поспевать за ними и заметно нервничая, неслась чуть ли не вприпрыжку. За ними с видом человека, оказавшегося во враждебной стране, прошагал Страж.

В нынешние времена враждебность стала чересчур привычной. Невидимые стены, разделявшие Айя, некогда толстые лишь настолько, чтобы ограждать тайны каждой Айя, ныне превратились в твердокаменные бастионы с крепостными рвами. Нет, не со рвами – это уже пропасти, бездонные и широкие. Сестры больше не выходили из своих апартаментов в одинокую, зачастую Стражи сопровождали их даже в библиотеку и обеденные залы, и они всегда носили шали, как будто иначе кто-то мог бы ошибиться в их принадлежности к определенной Айя. Юкири сама носила свою лучшую шаль – вышитую серебряными и золотыми нитями, с длинной шелковой бахромой, свисавшей до самых лодыжек. Так что у нее возникло мимолетное подозрение, что и она пусть чуточку, но демонстрирует свою Айя. А в последнее время Юкири несколько раз ловила себя на мысли, что дюжина лет без Стража – срок весьма долгий. Мысль ужасающая – стоило ей только докопаться до первоисточков. Кому из сестер в стенах Белой Башни нужен Страж?

Не впервые ее как громом поразила мысль, что кто-то должен выступить посредником между различными Айя, причем не откладывая дела в долгий ящик, иначе бунтовщицы объявятся на пороге, наглые, как воры, и опустошат дом, пока прочие вздорят из-за того, кому достанется оловянная посуда двоюродной бабушки Суми. Но для Юкири единственной ниточкой, потянув за которую она могла размотать клубок, была Мейдани и ее подруги. Они во всеуслышание признали, что посланы в Башню в качестве бунтовщиц, чтобы распускать слухи – глупые россказни, которые они упрямо пытаются выдать за правду! – будто Красная Айя сделала из Логайна Лжедракона. Как может такое быть правдой? Чтобы Певара о том не ведала? Невозможно помыслить, чтобы восседающую, тем паче Певару, водили за нос. В любом случае эта невероятная загадка сейчас уже затерялась среди такого множества других головоломок, что она вряд ли сама по себе имеет какое-то значение. Кроме того, в противном случае неизбежно пришлось бы отказаться от помощи десяти женщин из четырнадцати, которые наверняка не являются Черными сестрами, не говоря уже о том, что тогда, по всей вероятности, откроется и то, что совершили остальные. А буря надвигается, она все ближе и ближе.

Юкири вздрогнула, но дрожь ее не имела отношения к сквознякам в коридоре. Еще до того, как минует буря, она, как и всякая другая женщина, узнавшая правду, может умереть. Либо в своей постели, либо в результате так называемого несчастного случая. Или же она попросту исчезнет – как будто уехала из Башни и сгинула неведомо где. Больше ее никто и не увидит. В этом Юкири не сомневалась. Все улики будут запрятаны так глубоко, что целая армия с лопатами никогда ничего не нароет. Даже слухи замажут-зашпаклюют. Такое и раньше случалось. Мир и большинство сестер по-прежнему полагали, что Тамра Оспения скончалась в своей постели. Юкири сама этому верила. Черную Айя нужно обложить, связать ее по рукам и ногам, и лишь тогда охотники, возможно, пойдут на риск и осмелятся предать ее существование гласности.

Когда Коричневые сестры отошли на безопасное расстояние, Мейдани продолжила доклад, но вскоре умолкла вновь. В паре шагов, чуть ли не перед носом у двух Серых сестер, из-за гобелена внезапно появилась крупная волосатая рука и откинула его в сторону. Ледяной

поток воздуха хлынул из дверного проема, скрытого шпалерой с изображениями ярко размазанных птиц Топких земель, и в коридор, пятась, вышел крепко сбитый мужчина в толстой коричневой рабочей одежде. Он тащил за собой ручную тележку, доверху нагруженную чурбаками гикори, а еще один работник в грубоотканой куртке подталкивал ее с другой стороны. Обыкновенные слуги белую эмблему Пламени на одежде не носили.

При виде двух Айз Седай мужчины поспешно опустили гобелен на место и с усилием откатали свою тележку прочь, к самой стене, уступая дорогу сестрам. Одновременно пытаясь еще и отвешивать поклоны, они едва не опрокинули груз, а потом, не оставив попыток кланяться, лихорадочно кинулись ловить заскользившие поленья. Несомненно, заканчивая свою работу, они не ожидали столкнуться с Айз Седай. Юкири всегда испытывала симпатию к тем людям, кому приходится носить дрова, воду и все прочее по служебным пандусам с первого этажа наверх, но сейчас она прошествовала мимо работников с мрачным видом.

Разговор на ходу подслушать нельзя, а для конфиденциальной беседы с Мейдани лучше места, чем коридоры в общих помещениях Башни, не придумать. Там намного лучше, чем в апартаментах самой Юкири, где всякий малый страж, выставленный для защиты от подслушивания, сразу же объявил бы всем на половине Серых, что она секретничает. И, что намного хуже, стало бы ясно – с кем она секретничает. Сейчас в Башне находилось всего около двух сотен сестер – столько Белая Башня могла принять в свои недра без труда и при этом казаться опустевшей, а поскольку все сторонятся друг друга, то в общих помещениях почти наверняка будет малоллюдно. Так предполагала Юкири.

Она принимала в расчет ливрейных слуг, которые проверяют фитили и уровень масла в лампах и заняты еще сотней других дел, и работников в простых одеждах, таскающих в плетеных корзинах на спинах один Свет знает что. У них всегда есть дела в ранние часы, когда они готовят Башню к новому дню, но сейчас слуги торопливо кланялись или приседали в реверансах и спешили убраться прочь с глаз сестер. Чтобы ничего не услышать даже краем уха. Слуги в Башне понимали, что значит быть тактичными, тем более что любого подслушивающего разговоры Айз Седай в тот же миг выгнали бы за порог. Из-за царящей ныне в Башне атмосферы слуги с особенной поспешностью избегали даже возможности случайно услышать хоть слово, которое не предназначено для их ушей.

Юкири не учла лишь одного: сколько сестер предпочтут вести разговоры, прогуливаясь по две-три за пределами своих апартаментов, несмотря на ранний час и вопреки холоду. Красные старательно прятали взоры, столкнувшись с любой сестрой, за исключением Красной, Зеленые и Желтые будто стремились перешеголять друг друга в надменности, а Коричневые словно желали превзойти и тех и других. Несколько Белых, все как одна – без Стражей, пытались сохранить личину хладнокровного благоразумия, но то и дело вздрагивали, заслышав эхо собственных шагов. Казалось, стоило исчезнуть из виду одной маленькой группке, как через считанные минуты откуда-то появлялась другая, так что Мейдани постоянно не меньше времени приходилось болтать о какой-нибудь чепухе, наподобие арафелской юриспруденции, вместо того чтобы уделять время отчету.

Что хуже всего, дважды другие Серые, увидев Юкири и Мейдани, заулыбались, по-видимому явно испытывая облегчение, и хотели было присоединиться к принадлежащим той же Айя сестрам, но Юкири покачала головой. Нечаянные встречи крайне ее взбесили, ибо любой свидетель несомненно поймет, что у восседающей есть особая причина секретничать с Мейдани. Даже если это и не заметит Черная Айя – и да ниспошлет Свет, чтобы не было никаких оснований для обратного, – и без того уже чересчур много сестер в нынешние дни шпионят за другими Айя. И, несмотря на Три Клятвы, сплетни, что из-за них пойдут гулять, каким-то непостижимым образом станут расти как на дрожжах. А поскольку Элайда, очевидно, пытается грубой силой принудить Айя к подчинению, подобные слухи слишком часто будут приводить к епитимье, и хорошо, если сумеешь удачно притвориться, будто сама решила к ней прибег-

нуть, по собственным причинам. Это лучшее, на что остается надеяться. Однажды Юкири уже довелось пройти через подобное, и у нее не было ни малейшего желания понапрасну тратить дни, вновь и вновь протирая полы, тем более теперь, когда у нее дел по горло и не знаешь, за какое хвататься первым. А альтернатива – посещение тайком Сильвианы – была ничем не лучше, пускай даже этот вариант сэкономит время! Казалось, Элайда любуется пуще прежнего с того времени, как начала призывать Сильвиану для собственной, предположительно конфиденциальной, епитимьи. Ходящие об этом по всей Башне толки не утихают до сих пор.

Как ни горько Юкири было это признавать, но именно поэтому-то она и осторожничала, бросая взгляды на прочих сестер. Задержи взгляд подольше – и тебя саму примут за соглядатая. Отведи взор в сторону слишком поспешно – скажут, вид у тебя вороватый, и опять результат – тот же. И все равно Юкири едва удержалась, чтобы не проводить взглядом парочку Желтых, которые неторопливо прошли по пересекавшему коридор переходу, с видом королев, прогуливающих в собственном дворце.

Позади них, давая сестрам возможность вести разговор наедине, шагал смуглый коренастый Страж. Поскольку у Атуан Ларисетт не было Стража, то он, должно быть, принадлежал Приталле Нербайджан, зеленоглазой женщине, чей нос почти не напоминал о ее салдэйском происхождении. Юкири мало что было известно о Приталле, но она обязательно разузнает побольше – после того как увидела ее конфиденциально беседующей с Атуан. В сером платье, с высоким воротом и желтыми разрезами, с отороченной шелковой бахромой шалью, тарабонка была ослепительна. Темные волосы, заплетенные в тонкие, украшенные бусинками косички, спускались до талии, обрамляя лицо, которое каким-то образом казалось совершенным, не будучи при этом красивым. Она даже была довольно скромной, по крайней мере для Желтой. Но именно за этой женщиной Мейдани и другие пытались следить, стараясь остаться незамеченными. Имя этой женщины они опасались произносить вслух, предварительно не оградившись прочными малыми стражами. Атуан Ларисетт была одной из тех трех Черных сестер, которых знала Талене. Именно так, тройками, организовывалась Черная Ая: три женщины знали друг друга, три женщины образовывали одно «сердце», при этом каждая знает еще одну, неизвестную двум остальным. Атуан была той самой «еще одной», которая была известна Талене, поэтому существовала надежда, что через нее можно выйти на двух других.

Перед тем как парочка исчезла из виду за углом, Атуан бросила взгляд на спиралевидный коридор. Ее взор лишь мазнул по Юкири, но этого хватило, чтобы у той сердце подступило к горлу. Юкири продолжала идти дальше, с усилием сохраняя спокойствие на лице, а дойдя до угла, осмелилась и сама бросить стремительный взгляд в поперечный переход. Атуан с Приталле отошли уже довольно далеко, направляясь в сторону внешнего кольцевого коридора. Следом ступал Страж, но никто из них не оглядывался. Приталле качала головой. В ответ на речи Атуан? Они были слишком далеко, и Юкири не могла расслышать ни звука, до ее слуха доносился лишь слабый стук каблуков смуглого Стража по плитам пола. Это был всего-навсего взгляд. Разумеется, всего лишь взгляд, и больше ничего. Юкири ускорила шаг, чтобы скрыться из виду, если кто-то из той тройки вдруг посмотрит через плечо, и перевела дыхание, которое непроизвольно задержала. Вздых разом ссутулившейся Мейдани отозвался эхом ее собственного вдоха.

«Странно, как это на нас подействовало», – подумала Юкири, расправляя плечи.

Когда они впервые узнали, что Талене – приспешница Темного, та была огражденной щитом пленницей. «И она все равно пугала нас так, что во рту пересыхало», – призналась себе Юкири. Ну, сначала у них пересохло во рту от того, что они сделали, добываясь от Талене признания, а уж от открывшейся правды у них языки к гортани прикипели. Теперь Талене стреножена похлеще Мейдани и находится под бдительным караулом, даже когда якобы идет сама по себе, – сама Саэрин не сумела придумать способ, как содержать под замком восседающую так, чтобы этого никто не заметил. И Талене – что за жалкое зрелище! – буквально горела

нетерпением поделиться любой крупницей сведений о том, что знала или хотя бы предполагала, что знает, в надежде, что это может спасти ей жизнь. Хотя и выбора-то у нее не было. Вряд ли ее стоит бояться. А вот остальных...

Певара пыталась настаивать, что Талене, должно быть, ошибается в отношении Галины Касбан. Она не на шутку рассердилась – и гневалась целый день, – когда ее в конце концов убедили, что ее Красная сестра на самом-то деле – Черная. Певара до сих пор твердит, что задушит Галину своими руками. Юкири сама ощутила холодную отрешенность, когда было названо имя Тимэйл Киндероде. Если в Башне есть приспешницы Темного, то само собой разумеется, что некоторые из них окажутся Серыми, хотя примириться с жутким известием помогла, возможно, и неприязнь к Тимэйл. Юкири сохраняла спокойствие даже тогда, когда подбила счета и сообразила, что Тимэйл покинула Башню в то самое время, когда были убиты три сестры. Это увеличило список подозреваемых – другие сестры тогда тоже уехали, но Галины, Тимэйл и прочих в Башне не было, они оставались пока вне досягаемости, и только двух можно с уверенностью назвать приспешницами Темного.

И вот Атуан – из Черной Айя, вне всяких сомнений, – расхаживает тут по Башне, как ей заблагорассудится, свободная от Трех Обетов. И пока Дозин не сумеет тайно организовать ее допрос – задача трудная даже для восседающей от Айя, к которой принадлежит и Атуан, поскольку допрос должен произойти по секрету вообще ото *всех*, – до той поры они могут только лишь следить. Следить издалека, со всей осмотрительностью и опаской. Это все равно что жить рядом с алой гадюкой – никогда не знаешь, когда окажешься со змеей с глазу на глаз; никогда не знаешь, когда она может укусить. Все равно что жить в логове алых гадюк и иметь возможность следить лишь за одной.

Вдруг до Юкири дошло, что широкий, изгибающийся коридор впереди, насколько было видно, пуст, а оглянувшись, она поняла, что позади – только Леонин. Не считая их троих, Башня казалась совершенно безлюдной. И никакого шевеления, за исключением подрагивающих язычков пламени в шандалах. И тишина.

Мейдани чуть вздрогнула:

– Простите, восседающая. Она так неожиданно появилась, я просто была ошеломлена. На чем я остановилась? Ах да! Как я понимаю, Селестина и Аннхарид пытаются разузнать о ее близких подругах среди Желтых. – Обе, и Селестина, и Аннхарид, принадлежали к Желтой Айя и были в числе подруг-заговорщиц Мейдани. Их было по две из каждой Айя, разумеется за исключением Красной и Голубой, что оказалось очень кстати. – Боюсь, эти сведения мало помогут. У нее обширный круг друзей, или же так было, пока... пока между Айя не возникли нынешние отношения. – Сколь бесстрастным ни оставалось выражение лица Мейдани, в голосе прозвучала довольная нотка; хоть и дала она дополнительную клятву, но все равно оставалась бунтовщицей. – Выяснить все ее связи будет очень непросто, почти невозможно.

– Забудь пока о ней. – Юкири с трудом сдерживалась, чтобы не вытягивать шею в стремлении смотреть разом во все стороны. Расшитый крупными белыми цветами гобелен слегка заколыхался, и она замолчала, пока не убедилась, что это всего лишь сквозняк, а не еще один слуга, выходящий из служебного коридора. Юкири никогда не удавалось запомнить расположение служебных переходов и дверей. Новая тема разговора представляла не меньшую опасность, чем обсуждение Атуан. – Прошлым вечером я вспомнила, что ты была послушницей в одно время с Элайдой и, если не ошибаюсь, вы были очень дружны. Неплохо бы возобновить прежнюю дружбу.

– Прошло уже столько лет, – неохотно ответила Мейдани, подтягивая шаль на плечи и заворачиваясь в нее, словно вдруг ощутила холод. – Собственно, Элайда порвала отношения, когда получила звание принятой. Если бы я оказалась на занятиях, которые Элайда вела, ее могли бы упрекнуть в том, что у нее появились любимчики.

– А тебя – в том, что ты не была среди любимчиков, – сухо промолвила Юкири. Это было вполне в духе Элайды. Перед тем как отправиться в Андор, несколько лет назад, она так сурово обращалась с теми, кому прежде отдавала предпочтение, что сестрам несколько раз приходилось вмешиваться. Как ни странно сейчас об этом вспоминать, но одной из них была Суан Санчей, хотя ее никогда не приходилось избавлять от заданий, с которыми она не могла бы справиться. Странно и печально. – И тем не менее ты сделаешь все, что в твоих силах, чтобы возобновить дружбу.

Мейдани прошла пару десятков шагов по коридору, безмолвно открывая и закрывая рот, то и дело поправляя шаль, подергивая плечами, словно пытаясь согнать слепня и старательно глядя куда угодно, лишь бы не на Юкири. Как женщина вообще может быть Серой, когда так плохо владеет собой?

– Я уже пыталась, – в конце концов прерывающимся голосом произнесла Мейдани. Она по-прежнему избегала взгляда Юкири. – Несколько раз. Хранительница... Алвиарин ни разу не дала мне с ней встретиться. Амерлин занята, у нее назначены встречи, ей нужно отдохнуть. Всегда находились какие-то отговорки. Думаю, Элайда просто не желает возобновлять дружбу, которую прекратила больше тридцати лет назад.

Значит, мятежницы тоже не забывали об этой дружбе. Как же они хотели ею воспользоваться? По всей вероятности, организовать слежку. Надо будет выяснить, как Мейдани собиралась передавать дальше то, что намеревалась узнать. Так или иначе, мятежницы дали в руки Юкири инструмент, и она обязательно пустит его в ход.

– Алвиарин больше не стоит у тебя на пути. Вчера или, может, позавчера она покинула Башню. Точно никто не знает. Но горничные утверждают, что она взяла с собой смену одежды, так что маловероятно, чтобы Алвиарин вернулась раньше чем через несколько дней.

– Куда она могла отправиться в такую-то погоду? – нахмурилась Мейдани. – Со вчерашнего утра идет снег, да и раньше было ясно, что надвигается снегопад.

Юкири остановилась и обеими руками развернула спутницу лицом к себе.

– Мейдани, тебя должно волновать только одно – то, что ее нет, – твердо сказала она. И правда, куда же отправилась Алвиарин в такую непогоду? – Дорога к Элайде свободна, и ты воспользуешься ситуацией. И будешь внимательно следить, не читает ли кто бумаги Элайды. Только осторожно, чтобы никто не заметил твою слежку. – (Талене утверждала, что Черная Айя узнавала обо всем, что происходит в кабинете Амерлин, раньше, чем объявляли о ее решениях. Необходимо иметь кого-то подле Элайды, чтобы выяснить, как это происходило. Конечно, Алвиарин просматривает все, прежде чем Элайда подписывает бумаги, и она забрала власти больше, чем кто-либо из известных хранительниц летописей, но это еще не причина, чтобы обвинять ее в принадлежности к приспешникам Темного. Но нет и причины утверждать противоположное. Ее прошлое тоже тщательно изучается.) – Если сумеешь, следи также и за Алвиарин, но самое важное – это бумаги Элайды.

Мейдани вздохнула и неохотно кивнула. Конечно, ей придется подчиниться, но она отдавала себе отчет, насколько для нее опасно, если вдруг выяснится, что Алвиарин – приспешница Темного. Впрочем, и сама Элайда вполне могла оказаться Черной, как бы настойчиво ни отвергали такую возможность Саэрин и Певара. Приспешница Темного – на Престоле Амерлин. От подобной мысли сердце точно в укус опустили.

– Юкири! – раздался позади в коридоре женский голос.

Восседающим Совета Башни при звуке собственного имени *не положено* подпрыгивать, как вспугнутой козе, но именно так и произошло. Не держись Юкири за Мейдани, она могла бы упасть, и все равно они обе пошатнулись, будто перепившиеся фермеры, танцующие на празднике урожая.

Придя в себя, Юкири рывком оправила шаль и напустила на лицо угрюмое выражение, которое стало ничуть не радостнее, когда она увидела, кто к ней торопится. Предполагалось,

что Сине, если она не находится с Юкири или с кем-то из восседающих, кому известно о Талене и Черной Айя, будет оставаться в своих комнатах, в окружении как можно большего числа Белых сестер. Но вот она тут, спешит по коридору, в компании одной-единственной Бернайлы Гелбарн, коренастой тарабонки и вдобавок еще одной галки из гнезда Мейдани. Леонин отступил в сторону и отвесил Сине вежливый поклон, прижав кончики пальцев к сердцу. Этим дурехам Мейдани и Бернайле хватило ума обменяться улыбками. Да, пусть они подруги, но им стоило бы зарубить себе на носу, чего нельзя делать там, где тебя может увидеть невесть кто.

Юкири же пребывала не в том настроении, чтобы расточать улыбки.

– Прогуляться вышла, Сине? – резко спросила она. – Саэрин не понравится, когда я ей об этом расскажу. Совсем не понравится. *Мне* это определенно не нравится, Сине.

Мейдани издала горлом какой-то сдавленный звук, Бернайла дернула головой, и множество ее тонких, украшенных бусинами косичек стукнулись друг о друга. Обе уставились на гобелен, который, как полагали, изображал посрамление королевы Рианнон, – очевидно, судя по их спокойным лицам, им хотелось очутиться где-нибудь в другом месте. В их глазах восседающие равны друг другу по положению. Так считается. И они действительно равны. Обычно. Некоторым образом. Леонин был далеко и не мог услышать ни слова, но ему, разумеется, могло передаться настроение Мейдани, и он отступил еще на шаг назад. В то же время, конечно, продолжая наблюдать за коридором. Хороший охранник. Здравомыслящий.

У Сине достало благоразумия выглядеть ошеломленной. Она непроизвольно принялась разглаживать платье, усыпанное по корсажу и вдоль швов расшитыми снежинками, но почти тотчас же ее руки скомкали концы шали, и она с упрямым видом нахмурила брови. Сине с первого дня пребывания в Башне отличалась волей и упрямством – дочь мебельного мастера из Лугарда, она уговорила отца оплатить ей и матери дорогу до Тар Валона. Дорогу вверх по реке для двух, и только для одной – вниз. Волевая и уверенная в себе девушка. И обычно столь же не замечающая окружающий мир, как какая-нибудь Коричневая. Белые часто вели себя подобным образом, все: железная логика и никакого здравого смысла.

– Мне нет нужды прятаться от Черной Айя, Юкири, – сказала Сине.

Юкири поморщилась. Вот глупая женщина, к чему упоминать о Черных у всех на виду! Изгибающийся коридор, насколько можно видеть, был в обоих направлениях пуст, но беспечность ведет к еще большей беспечности. Юкири и самой упрямства не занимать, когда того требуется, но по крайней мере она доказала, что ума у нее больше, чем у гусыни, и она понимает, когда и где надо упрямыться. Юкири уже открыла было рот, чтобы немного вразумить Сине и как следует ее отчитать, но та не дала ей и слова вымолвить.

– Саэрин сказала, что я могу тебя здесь найти, – торопливо произнесла Сине. Она поджала губы, а на щеках выступили алые пятна, то ли потому, что ей сейчас пришлось спрашивать разрешения, то ли потому, что вынуждена была вообще его спрашивать. Разумеется, можно понять, как ей сейчас обидно. Только для нее было бы разумнее смириться со сложившейся ситуацией. Неужели это непонятно? – Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз, Юкири. О второй тайне.

Какое-то мгновение Юкири выглядела озадаченной; точно так же, судя по всему, терялись в догадках и Мейдани с Бернайлой. Пусть они и прикидывались, что не подслушивали, но уши-то у них не запечатаны. Вторая тайна? Что Сине имеет в виду? Неужели... Возможно ли, чтобы она захотела поговорить о том, ради чего Юкири вообще затеяла охоту за Черной Айя? Все домыслы о том, почему главы Айя тайком встречаются друг с другом, разом утрачивают свою актуальность, когда речь идет об отыскании среди сестер приспешниц Темного.

– Очень хорошо, Сине, – сказала Юкири, стараясь казаться спокойной. – Мейдани, отправляйтесь с Леонином дальше по коридору. Встаньте у поворота так, чтобы видеть нас с Сине. Во все глаза смотрите, не идет ли кто с той стороны. Бернайла, ты иди в другой конец коридора и тоже стой на страже. – Не успела она договорить, как те бросились исполнять ее

распоряжения. Едва они удалились за пределы слышимости, как Юкири повернулась к Сине. – Ну? Говори!

К ее изумлению, Белую восседающую окутало сияние *саидар* – та сплела малого стража, защищающего двух собеседниц от подслушивания. Любому, кто это увидит, станет совершенно понятно, что здесь какая-то тайна. Хорошо бы разговор действительно был важен.

– Подумай сама. – Голос Сине был бесстрастен, но она по-прежнему стискивала в кулаках концы шали. Стояла она выпрямившись, возвышаясь над Юкири, хотя сама была немногим выше среднего роста. – Прошло больше месяца, уже почти два, с тех пор как Элайда пришла ко мне, и около двух недель, как ты отыскала Певару и меня. Если бы Черной Айя было обо мне известно, я бы наверняка уже была мертва. Мы с Певарой погибли бы еще до того, как вы с Дозин и Саэрин застали нас тогда врасплох. Следовательно, они ничего не знают. Ни о ком из нас. Признаюсь, сперва я испугалась, но теперь взяла себя в руки. У вас нет никаких причин продолжать обращаться со мной как с какой-то послушницей, – в ее голосе зазвучали нотки едва сдерживаемой ярости, – и к тому же с послушницей безмозглой.

– Ты должна поговорить с Саэрин, – отрезала Юкири. С самого начала Саэрин встала во главе – после сорока лет, проведенных в Совете Башни от Коричневых, руководить вошло у Саэрин в привычку, и Юкири ничуть не желала идти поперек нее, разве только очень надо будет. Мало того, она не обладала преимуществом восседающей, на которое можно было бы опереться в сложившихся обстоятельствах. Это все равно что пытаться поймать падающий валун. Если убедить Саэрин, то Певара с Дозин могут переменить свое мнение, и сама она вряд ли станет этому мешать. – Итак, что это за «вторая тайна»? Ты имеешь в виду встречу глав Айя?

Лицо Сине выражало ослиное упрямство. Юкири не удивилась бы, если бы уши у нее, как у осла, отклонились назад. Наконец Сине вздохнула и спросила:

– Глава твоей Айя приложила руку к избранию Андаи в Совет? Я хочу сказать, в большей степени, чем обычно?

– Да, – осторожно подтвердила Юкири.

Все были уверены, что однажды – возможно, в следующие лет сорок-пятьдесят – Андайя войдет в Совет Башни, однако Серанха выставила ее чуть ли не помазанницей, хотя обычно устраивали обсуждение, чтобы достичь согласия по двум или трем кандидатурам, а затем следовало тайное голосование. Но этот секрет касается ее Айя, и его должно хранить в тайне, не меньшей, чем имя и звание Серанхи.

– Я поняла это, – оживленно закивала Сине, что вовсе не походило на ее обычную манеру держаться. – Саэрин говорит, что от Коричневых отобрали Джулайн, причем тоже не совсем обычным порядком, и Дозин утверждает то же самое в отношении Суаны, хотя она очень сомневалась, стоит ли вообще что-то говорить. Думаю, что Суана может даже стать главой Желтых. В любом случае в первый раз она пробывла восседающей сорок лет, и ты знаешь, насколько необычно, что она снова заняла этот пост, столь долгий срок пробыв в Совете. И Феране оставила пост менее десяти лет назад; никто, покинув Совет Башни, во второй раз не входил в состав Совета так скоро. И в довершение всего Талене говорит, что Зеленые обычно выдвигают несколько кандидатур, а их капитан-генерал выбирает из них одну, но Аделорна выставила Рину, просто не оставив иного выбора.

Юкири сумела сдержать гримасу, правда с трудом. У всех имелись подозрения относительно того, кто возглавляет другие Айя, иначе никто вообще не заметил бы странных встреч, однако вслух называть эти имена в лучшем случае считалось неучтивым. Любая сестра, не считая восседающей, могла бы за это дорого поплатиться. Разумеется, они с Сине обе все узнали, когда дело дошло до Аделорны. В своих попытках угодить заискивающая Талене выдала все секреты Зеленых даже без каких-либо расспросов, что смутило всех, кроме самой Талене. По крайней мере, теперь понятно, почему Зеленые пришли в неописуемую ярость, когда Аделорну

подвергли порке. Интересно, что это за титул такой – капитан-генерал? Сущая нелепица, Боевая они Айя или нет. По крайней мере звание старшего секретаря вполне, так сказать, соответствовало тому, чем занималась Серамха.

У плавного поворота, чуть дальше по коридору, стояли Мейдани и ее Страж и, по-видимому, тихо переговаривались. Тем не менее кто-то из них постоянно держал под присмотром коридор за поворотом. В противоположном конце столь же бдительно наблюдала Бернайла. Она беспрестанно вертела головой, стремясь одновременно присматривать за Юкири с Сине и смотреть, не приближается ли кто. И то, как она взволнованно переминалась с ноги на ногу, наверняка привлекло бы чье-нибудь внимание, но в эти дни сестра, оказавшаяся за пределами занимаемых ее Айя помещений, явно напрашивалась на неприятности, и Бернайла это хорошо понимала. Разговор нужно поскорее завершать.

Юкири подняла руку, загнула палец:

– Пяти Айя пришлось выбирать новых восседающих после того, как входившие в Совет Башни женщины примкнули к мятежницам. – Сине кивнула, и Юкири загнула второй палец. – Каждая из этих Айя выбрала в восседающие женщину, руководствуясь отнюдь не... логикой. – Сине вновь кивнула. За двумя пальцами последовал третий. – Коричневые вынуждены были выбрать двух восседающих, но ты не упомянула Шеван. Есть что-то... – Юкири криво усмехнулась, – необычное... в ее случае?

– Нет. Если верить Саэрин, то Шеван, скорее всего, сменила бы ее, когда она решила бы оставить свой пост, но...

– Сине, если ты в самом деле намекаешь, что главы Айя *сговаривались* о том, кто войдет в Совет Башни... Я никогда не слышала большей бессмыслицы! Если именно таково твое предположение, то почему выбор пал на пять случайных женщин, а шестую выбрали не случайно?

– Да, именно так я и думаю. Поскольку вы держите меня практически под замком, у меня была уйма времени для размышлений, да мне больше ничего и не оставалось. Ниточку мне дали Джулайн, Рина и Андайя, а Феране заставила меня все проверить.

Что имела в виду Сине, говоря, что Андайя и другие дали ей ниточку? Ах да, конечно. Вообще-то, ни Рина, ни Андайя еще не должны были бы входить в Совет, учитывая их возраст. Привычка не говорить о возрасте очень скоро превратилась в обыкновение совсем о нем не задумываться.

– Две – возможно, это просто совпадение, – продолжала Сине, – пусть даже три, хотя и с большой натяжкой, но не пять же. За исключением Голубой, Коричневая – единственная Айя, из которой к мятежницам примкнули две восседающие. Наверняка есть причина, почему они сделали такой странный выбор. Возможно, я сумею ее отыскать. Но этот пример, Юкири, эта головоломка показательна, и, есть в ней рациональное зерно или нет, что-то подсказывает мне: нам лучше разгадать ее прежде, чем мятежницы доберутся сюда. У меня такое ощущение, будто чья-то рука лежит у меня на плече, но, когда я оглядываюсь, позади никого нет.

Натяжкой можно было считать предположение о том, что главы Айя вообще пойдут на сговор. «Но тогда, – подумала Юкири, – заговор восседающих – абсолютно противоестественная вещь, а я – в самой гуще заговора». И был еще один простой факт: никто за пределами Айя не должен был знать глав Айя, однако главы Айя вопреки всем обычаям знали друг друга.

– Если это головоломка, – устало промолвила Юкири, – у тебя будет много времени, чтобы ее разрешить. До весны мятежницы Муранди не покинут, что бы они ни говорили простому люду, а марш вверх по реке займет не один и не два месяца, даже если они сумеют надолго сохранить свою армию. – В том, что это им удастся, Юкири больше не сомневалась. – Ступай обратно в свои комнаты, пока кто-нибудь не увидел нас здесь, под прикрытием малого стража. И поразмысли над загадкой, – сказала она, вовсе не желая обидеть Сине, и положила руку ей на рукав. – Потерпи, это ничего, что за тобой присматривают. Нам *всем* надо убедиться, что тебе ничто не угрожает.

Выражение лица Сине можно было бы назвать сердитым, будь это кто другой, а не восседающая.

– Я еще раз поговорю с Саэрин, – заявила Сине, но окружавшее ее сияние саидар погасло.

Юкири с тяжелым сердцем смотрела, как Сине идет к Бернайле, а затем вместе с ней плавной походкой направляется по изгибающемуся коридору в сторону занимаемых Айя апартаментов. Вид у обеих женщин был настороженный, как у оленей в лесу, где рыщут волки. Какая жалость, что мятежницы не доберутся сюда раньше лета. Тогда, по крайней мере, появление мятежниц у Тар Валона снова объединит Айя, и сестрам не нужно будет крадучись пробираться по Белой Башне. «Если бы у желаний были крылья», – с печалью подумала Юкири.

Полная решимости держать свое настроение в узде, Юкири двинулась к Мейдани и Леонину. Ей нужно выследить Черную сестру, и она теперь понимала, с какого боку подступиться к подобной головоломке.

* * *

Гавин разом, как от толчка, открыл глаза – на погруженный во мрак сеновал нахлынула новая волна холода. Обычно ночной холод крепкие каменные стены коровника не пропускали, разве что мороз был трескучий. Снизу доносился приглушенный шум голосов; тревоги в них не слышалось. Гавин отвел ладонь от рукояти лежащего рядом меча и поплотнее натянул перчатки. Как и все остальные Отроки, он спал в одежде, натянув на себя все, что только удалось найти. Наверное, пора разбудить кого-нибудь на смену часовым, но сам он уже совершенно проснулся и сомневался, сумеет ли заснуть снова. Так или иначе, он все время спал плохо, беспокойно, его мучили мрачные сны, в которых являлась любимая женщина. Он не знал, где Эгвейн, да и жива ли она вообще. Не знал, простит ли она его. Гавин поднялся, стряхнул с плаща клочья сена, в которое зарылся во сне, и застегнул пояс с висящим на нем мечом.

Он пробирался между спавшими на охапках сена людьми – в сумраке они казались расплывчатыми холмиками, – когда слабое шарканье сапог по ступеням приставной деревянной лестницы подсказало ему, что кто-то взбирается на сеновал. Наверху лестницы возникла смутная фигура и замерла, поджидая его.

– Лорд Гавин? – раздался тихий низкий голос Раджара, с характерным доманийским выговором, так и не изменившимся за шесть лет обучения в Тар Валоне. Раскатистый бас первого лейтенанта всегда вызывал изумление – ведь принадлежал он худощавому мужчине, который ростом едва ли доставал Гавину до плеча. И тем не менее будь времена иными, наверняка Раджар давно бы уже стал Стражем. – Я подумал, что нужно вас разбудить. Только что прибыла сестра, пешком. Она пожелала встретиться со старшей здесь сестрой. Я велел Томилу и его брату, перед тем как отправиться спать, проводить ее в дом мэра.

Гавин вздохнул. Вместо того чтобы сидеть тут, застигнутым зимой в ловушке, лучше было отправиться домой. Это надо было сделать еще тогда, когда он, вернувшись в Тар Валон, обнаружил, что Отроки изгнаны из города. И тем паче, когда он убедился, что Элайда желает всем Отрокам смерти. Рано или поздно его сестра Илэйн возвратится в Кэймлин, если только она уже не там. Нет сомнений, что любая Айз Седай позаботится о том, чтобы дочь-наследница Андора добралась без проволочек до Кэймлина и заявила о своем праве на трон, пока этого не успел сделать кто-нибудь другой. Вряд ли Белая Башня откажется от преимуществ, которые принесет им царствующая королева, одновременно являющаяся и Айз Седай. С другой стороны, Илэйн сейчас могла направляться в Тар Валон или вообще в эту самую минуту находиться в Белой Башне. Гавин никак не мог угадать, каким образом она оказалась замешана в эту историю с Суан Санчей и насколько глубоко она туда влезла – вечно сестра сигала в пруд, не проверив глубины, – однако у Элайды и у Совета Башни могло возникнуть желание хорошенько допросить ее, независимо от того, кто перед ними, дочь-наследница или нет. Королева

или нет. Впрочем, он был уверен, что Илэйн не может нести за что-либо ответственность. Она всего лишь одна из принятых. Гавину часто приходилось повторять это самому себе.

Самая свежая новость: между ними и Тар Валонем теперь появилась какая-то армия. Не меньше двадцати пяти тысяч солдат на этом берегу реки Эринин и, опять же по непроверенным данным, еще столько же – на западном берегу. Должно быть, это та самая армия, что сражается на стороне Айз Седай, которых Элайда называет бунтовщиками. Кто бы еще осмелился осадить сам Тар Валон? Но волосы на голове шевелились, когда он задумывался, каким образом появилось это воинство – возникло словно из ниоткуда, материализовавшись посреди бушевавшего бурана. Слухи и смятение всегда бегут впереди любого идущего маршем крупного вооруженного отряда. Всегда. Эта же армия явилась будто привидение, окруженная абсолютной неизвестностью. Но она была столь же реальна, как камень, поэтому Гавин не мог ни вступить в Тар Валон, чтобы выяснить, в Башне Эгвейн или нет, ни двинуться на юг. Любая армия заинтересуется передвижением отряда в три сотни человек, а мятежники вряд ли испытывают расположение к Отрокам. Даже будь Гавин один, путешествие зимой окажется очень медленным, и до Кэймлина он доберется не раньше, чем если бы отправился в путь, дождавшись весны. Да и на корабль уповать безнадежно. Осада петлей затянет реку, прервав судоходство. Да и его *самого* это свяжет по рукам и ногам, не оставив никакой надежды.

И вот на тебе – теперь посреди ночи пожаловала Айз Седай. Вряд ли ее появление хоть чуть-чуть упростит ситуацию.

– Вот и посмотри, что за вести она принесла, – тихо сказал Гавин, жестом приказав Раджару спускаться по лестнице первым.

В погруженном во мрак сарае, где в загонах обитало десятка два дойных коров госпожи Миллин, теперь теснилось еще и двадцать лошадей, а оставшиеся дюймы пространства занимали поставленные друг на друга седла, поэтому пробраться к широким воротам Гавину и Раджару удалось не без труда. Единственным источником тепла были спавшие животные. Двое охранявших лошадей часовых казались безмолвными теньями, однако Гавин, выскользнув с Раджаром в ледяную ночь, ощущал на себе их настороженные взгляды. Наверняка они знали о посланнице и гадали, что теперь будет.

На ясном небе сияла ущербная луна, и, залитый ее еще ярким светом, сверкал и искрился снег, укрывший собой деревню Дорлан. Поплотнее запахнувшись в плащи, по колена в снегу, Гавин и Раджар в молчании пробирались по деревне, ступая по тому, что некогда было трактом, соединившим Тар Валон и город, прекративший свое существование сотни лет тому назад. Ныне же со стороны Тар Валона никто не пользовался этой дорогой, разве только для того, чтобы добраться до Дорлана, и уж никакого резона не было направляться сюда зимой. По традиции деревня поставляла в Белую Башню, и только туда, сыры. Крошечная деревня насчитывала всего пятнадцать серокаменных, под сланцевыми крышами домов, которые сугробы замели почти до самых окон первых этажей. На небольшом расстоянии позади каждого дома стояли коровники, где коровам теперь пришлось потесниться, приютив подле себя и людей, и лошадей. Большая часть жителей Тар Валона могла бы напрочь позабыть о существовании Дорлана. Кому придет в голову задумываться, откуда берется сыр? Славное местечко, если хочешь никому не попадаться на глаза. Таковой деревенька и была – до сегодняшнего дня.

Все дома, кроме жилища мастера Бэрлоу, тонули во мраке. Сквозь щели в ставнях нескольких окон – как на первом этаже, так и выше – пробивался свет. Гарон Бэрлоу – вдобавок к тому, что оказался мэром, – имел также несчастье владеть самым большим домом в Дорлане. Жители деревни, предоставившие место для ночлега Айз Седай, сейчас, должно быть, жалеют об этом; даже мастер Бэрлоу вынужден уже был освободить две комнаты.

Потопаив на каменной ступеньке, чтобы стряхнуть снег с сапог, Гавин кулаком в латной перчатке постучал в крепкую дверь мэра. Ответа не последовало, и, чуть помедлив, он поднял щеколду и вошел, следом за ним – Раджар.

Гостиная с потолком из балок, довольно просторная для фермерского дома, была заставлена несколькими высокими шкафчиками и горками, заполненными оловянной и муравленой глиняной посудой. Вдоль длинного отполированного стола выстроились стулья с высокими спинками. Ярко горели все масляные лампы – расточительство зимой, когда вполне хватило бы нескольких сальных свечей, однако пламя в очаге не производило никакого впечатления на поленья и мало влияло на температуру в комнате. И тем не менее на не застеленном ковриками деревянном полу стояли босиком две сестры, занимавшие две комнаты наверху. Кэтрин Алруддин и Тарна Фейр, в наброшенных поверх льняных ночных рубашек плащах, подбитых мехом, пристально глядели на низенькую женщину в темном, с желтыми вставками, платье для верховой езды и в темном плаще. Выше колен ее одежда промокла от снега. Женщина стояла вплотную к широкому камину, с усталым видом протянув замерзшие руки к огню. Добраться сюда из Тар Валона, пешком по снегу, она не могла скорее чем за два-три дня, и даже Айз Седай рано или поздно почувствует холод. Наверное, она и есть та самая сестра, о которой говорил Раджар, хотя по сравнению с другими печать безысходности в ее обличье заметить было трудно. Рядом с двумя другими сестрами ее вообще было трудно заметить.

Отсутствие мэра и его жены только усилило резь в желудке, хотя подобный оборот дел и не стал для Гавина неожиданностью. Они бы, невзирая на поздний час, суетились вокруг Айз Седай, предлагая горячее питье и еду, значит их отослали спать, чтобы Кэтрин и Тарна остались наедине с посланницей. Что, весьма вероятно, означает, что он выглядит глупцом, желая узнать о сути послания. Но он понимал это еще до того, как вышел из сарая.

– ...лодочник сказал, что останется там, где мы высадились, пока не снимут осаду, – усталым голосом говорила маленькая женщина, когда Гавин вошел, – но он так напуган, что сейчас уже может быть в нескольких лигах ниже по реке. – Когда от дверей до нее долетел порыв холода, она оглянулась, и ее широкое лицо слегка прояснилось. – Гавин Траканд, – промолвила она. – Лорд Гавин, у меня есть для вас приказы от Престола Амерлин.

– Приказы? – переспросил Гавин, стаскивая латные перчатки и засовывая их за пояс, чтобы выиграть время. Неприкрытая правда на сей раз подойдет лучше всего, решил он. – С какой стати Элайда посылает мне приказы? И почему я должен ей повиноваться? Она отступилась от меня и от Отроков.

Раджар, сложив руки за спиной, принял почтительную позу и искоса бросил на Гавина быстрый взгляд. Он вряд ли скажет что-то необдуманно, что бы ни говорил Гавин, однако не все Отроки разделяли его точку зрения. Айз Седай поступают так, как поступают, и ни одному мужчине не дано знать, почему так, пока сестра сама ему этого не скажет. Отроки связали свои судьбы с Белой Башней, безропотно приняв свою участь.

– Наренвин, с этим можно обождать, – решительно вмешалась Кэтрин, поддергивая плащ. По плечам у нее рассыпались черные, местами спутанные пряди, как будто она несколько раз провела по волосам гребнем, а потом раздумала причесываться. Она слегка напомнила Гавину охотящуюся рысь. Или, возможно, рысь, опасаящуюся капканов. Его и Раджара Кэтрин едва ли удостоила одного взгляда – и не более. – У меня есть в Башне неотложное дело. Расскажи мне, как отыскать ту безымянную рыбацкую деревеньку. Есть там лодочник или нет, я уж найду, кто переправит меня.

– И меня, – вставила Тарна, упрямо выставив крепкую челюсть и сверкнув пронзительными, точно копыя, голубыми глазами. В противоположность Кэтрин длинные светло-золотистые волосы Тарны были аккуратно расчесаны, словно бы о них, перед тем как Айз Седай спустилась сюда, позаботилась горничная. Однако она от макушки до пят вся была сосредоточенна, просто лучше контролировала себя. – У меня тоже есть крайне важная причина добраться до Башни без всякого промедления.

Тарна кивнула Гавину и Раджару, холодная, как мрамор, из которого она казалась высеченной. Однако Отроков она приветствовала с большей теплотой, чем выражало ее лицо, когда

Тарна повернулась к Кэтрин. Та отвечала ей столь же дружелюбно. Между двумя женщинами всегда существовала напряженность, хоть они и принадлежали к одной Айя. Друг дружке они не нравились – пожалуй, даже испытывали взаимную неприязнь. Когда дело касается Айз Седай, трудно сказать наверняка.

Покинь любая из них Дорлан, Гавин нисколько бы не огорчился. Тарна прискакала в деревню через день после появления таинственной армии, и, как бы Айз Седай ни решали подобные дела, она незамедлительно обосновалась в комнате наверху, выселив оттуда Лусонию Коул, и заняла место Коварлы Балдене, возглавлявшей одиннадцать уже находившихся в деревне сестер. Судя по тому, как она взяла бразды правления в свои руки, как расспрашивала остальных сестер о сложившейся ситуации и ежедневно придирчиво инспектировала Отроков, словно выискивала среди них себе Стража, она могла бы принадлежать к Зеленой Айя. Мужчины, попав под столь пристальное внимание Красной сестры, чувствовали себя не в своей тарелке, чуть ли не поминутно косясь на нее через плечо. Хуже того, Тарна, невзирая на погоду, долгие часы проводила верхом, пытаясь разыскать среди местных кого-нибудь, кто провел бы ее в город мимо осаждавших. Раньше или позже ее вылазки кончились бы тем, что она привела бы за собой в Дорлан их разведчиков. Кэтрин же появилась только вчера, разъяренная тем, что ей нет пути в Тар Валон, и не мешкая приняла командование у Тарны и заняла комнату Коварлы. Впрочем, свою власть подобными способами она не проявляла. Кэтрин избегала остальных сестер, отказываясь им объяснять, почему она исчезла у Колодцев Дюмай и где она была все это время. Но Кэтрин тоже инспектировала Отроков, с видом женщины, осматривающей топор, которым она намерена воспользоваться, и которую не волнует, сколько при этом прольется крови. Гавин не удивился бы, если бы она попыталась силой заставить его с боем пробить для нее путь к городским мостам. Так что он был бы более чем счастлив увидеть, как они уезжают. Но когда эти уедут, ему придется иметь дело с Наренвин. И с приказами Элайды.

– Вряд ли, Кэтрин, это можно назвать деревенькой, – заметила так и не согревшаяся сестра, – три-четыре жалких рыбацких домишка, целый день пути по суше вниз по реке. Отсюда – много больше. – Приподняв мокрые юбки, она придвинулась поближе к огню. – Мы найдем способ отослать в город весточки, но вы обе нужны здесь. Элайда могла отправить пятьдесят или больше сестер, но послала лишь меня по одной только причине: очень трудно переправить незамеченной через реку даже одну маленькую лодочку, пусть и под покровом темноты. Должна сказать, что я очень удивилась, узнав, что так близко к Тар Валону вообще есть хоть одна сестра. В сложившихся обстоятельствах любая сестра, находящаяся вне городских стен, должна быть...

Подняв руку, Тарна решительно остановила Наренвин.

– Элайда даже не знает, что я здесь, – сказала она. Кэтрин закрыла рот и нахмурилась, вздернув подбородок, но дала собеседнице возможность продолжать. – Наренвин, что говорится в ее приказах относительно сестер в Дорлане?

Раджар принялся внимательно разглядывать половицы у носков сапог. Он без колебаний устремлялся в бой, но лишь глупец захочет оказаться рядом с Айз Седай, когда те спорят.

Низенькая женщина повозилась со своими юбками-штанами еще немного, а потом сипло ответила:

– Мне было приказано взять на себя главенство над сестрами, которых я здесь найду, и я сделаю, что смогу. – Помедлив, она вздохнула и без всякой охоты поправила себя: – Над сестрами, которые находятся здесь под началом Коварлы. Но несомненно...

На этот раз ее перебила Кэтрин:

– Наренвин, я никогда не была под началом Коварлы, поэтому ко мне эти приказы не относятся. Утром я отправляюсь на поиски тех трех-четырех рыбацких хибар.

– Но...

– Довольно, Наренвин, – ледяным тоном отрезала Кэтрин. – С Коварлой будешь разбираться сама. – Черноволосая женщина скосила глаза на сестру из своей Айя. – Полагаю, Тарна, ты можешь отправиться со мной. В рыбацкой лодке хватит места для двоих.

Тарна чуть-чуть склонила голову, возможно в знак благодарности.

Завершив беседу, парочка Красных сестер запахнулась в плащи и плавно двинулась к двери, ведущей вглубь дома. Наренвин кинула им вслед раздраженный взгляд и затем обратила свое внимание на Гавина, нацепив на себя маску некоего подобия невозмутимости.

Но не успела она и рта раскрыть, как Гавин спросил:

– У вас есть известия о моей сестре? Вы знаете, где она?

Наренвин и в самом деле очень устала. Женщина заморгала, и он чуть ли не наяву видел, как она складывает в уме ответ, который все равно ничего бы ему не сказал.

Остановившись на полпути к двери, Тарна проговорила:

– Когда я в последний раз видела Илэйн, она была с мятежницами. – (Все головы повернулись к ней.) – Но кара твоей сестре не грозит, – спокойно продолжала она, – поэтому за нее не волнуйся. Принятые не выбирают, кому из сестер повиноваться. Даю тебе свое слово: по закону ей ничего страшного за это не грозит.

Казалось, Тарна не замечает ни ледяного взгляда Кэтрин, ни выпученных глаз Наренвин.

– Как будто раньше нельзя было мне сказать, – не скрывая грубости, отозвался Гавин. Никто не разговаривает с Айз Седай в таком тоне, разве только один раз, но ему уже было безразлично. Две другие сестры удивлены тем, что Тарне был известен ответ, или тем, что она ответила? – Что вы имеете в виду, говоря «ничего страшного»?

Светловолосая сестра коротко, лающе хохотнула:

– Вряд ли могу пообещать, что после порки не останется следов, если коготок у нее слишком увяз. Илэйн – всего лишь одна из принятых, она ведь – не Айз Седай. Однако звание принятой защищает ее от крупных бед, если бы ее ввела в заблуждение какая-нибудь из сестер. И ты никогда не спрашивал, что с ней. Кроме того, спасти ее нет необходимости, даже если бы тебе и было под силу ее спасти. Она – с Айз Седай. Теперь ты знаешь столько же, сколько я. А сейчас я собираюсь выкроить до рассвета несколько часов сна. Оставляю тебя, Наренвин.

Кэтрин наблюдала за Тарной, не моргнув глазом, храня прежнее выражение лица, – женщина изо льда, с глазами охотящейся кошки. Затем она сама широким шагом покинула комнату так стремительно, что плащ развевался у нее за спиной.

– Тарна права, – промолвила Наренвин, когда за Кэтрин захлопнулась дверь. Маленькая женщина хоть и не могла придать себе столь же соответствующий Айз Седай облик спокойствия и таинственности, как две другие сестры, но в одиночку ей это удавалось неплохо. – Илэйн накрепко связана с Белой Башней. Так же как и ты, сколько бы ты этого ни отрицал. Вся история Андора связывает тебя с Башней.

– Все Отроки решили связать себя с Башней согласно собственному выбору, Наренвин Седай, – сказал Раджар, учтиво отвесив ей поклон.

Наренвин же не сводила взора с Гавина.

Он зажмурил глаза – что он еще мог сделать? – сдерживаясь, чтобы не тереть их руками. Отроки *были* связаны с Белой Башней. Никто никогда не забудет, как они сражались, сражались на территории самой Башни, чтобы помешать спастись низложенной Америк. Хорошо это или плохо, но слухи об этом будут сопутствовать им до самой могилы. Он тоже несет на себе печать тех событий и вдобавок отмечен собственными секретами. После того кровопролития именно он дал возможность Суан Санчей бежать. Но, что куда важнее, с Белой Башней его связывала Илэйн, а еще – Эгвейн ал'Вир, и Гавин не знал, какой узел затянулся ту же – любовь к сестре или любовь его души. Отказаться от чего-то одного означало отказаться от всего, а пока он дышит, он не мог отречься ни от Илэйн, ни от Эгвейн.

– Даю тебе слово: я сделаю все, что в моих силах, – безрадостно промолвил Гавин. – Чего хочешь от меня Элайда?

* * *

Небо над Кэймлином было ясным, светло-золотой диск солнца почти добрался до полуденной высоты. Солнце заливало яркими лучами белое покрывало, устилавшее окружающую город местность, но совсем не грело. Тем не менее погода стояла теплее, чем Даврам Башир ожидал бы в своей родной Салдэе, хотя он нисколько не жалел, что его новый плащ подбит мехом куницы. В любом случае на морозе на густые усы Башира налипло больше белесого инея, чем за все годы жизни на них намело седины. Он стоял на возвышенности, в лиге к северу от Кэймлина, среди лишившихся листвы деревьев, по лодыжки в снегу, и, приставив к глазу длинную, оправленную в золото зрительную трубу, наблюдал за происходящим в низине в миле южнее его. Быстрец тыкался мордой в плечо, но Башир не обращал на гнедого внимания. Быстрцу не нравилось стоять неподвижно, но иногда приходится делать не то, что хочется, а то, что нужно.

Среди редких деревьев, по обе стороны дороги на Тар Валон, разрастался походный лагерь. Разбивавшие бивак солдаты разгружали обозные фургоны, копали отхожие места, ставили палатки, сооружали навесы из сучьев и лапника, причем держались они группами, разными по числу и поодаль друг от друга. Несомненно, всем лордам и леди хотелось иметь своих людей под рукой, поближе. Они обустривались тут надолго. Пересчитав коновязи и прикинув общие размеры лагеря, Башир оценил численность армии примерно в пять тысяч человек плюс-минус сотни две-три. Это только бойцы; мастера-стрельники, кузнецы, коновалы, оружейники, прачки, возчики, маркитантки и прочий люд запросто увеличат это число вдвое, хотя, как водится, этот народец себе устраивал отдельный лагерь, сбоку от воинского. Подавляющая часть обозного охвостья больше пялилась на косогор, где стоял Башир, чем занималась делом. Изредка кто-нибудь из солдат разгибал спину и тоже оборачивался на возвышенность, но знаменщики и десятники быстро возвращали отвлекшихся к работе. Знатные господа и офицеры разъезжали по растущему биваку и, насколько видел Башир, бросали на север разве что мимолетные взгляды. Неровная местность заслоняла их от города, хотя с холма Баширу были хорошо видны серые, с серебристыми прожилками стены. В городе, разумеется, знали, что рядом появился военный лагерь; этим утром пришельцы сами объявили о себе – звуками труб и знаменами в виду городских стен. Хотя и с почтительного расстояния, заметно превышающего дальность полета стрелы.

Осада города, защищенного высокими, крепкими стенами, общая длина которых превышала шесть лиг, – дело непростое, к тому же все осложнял Малый Кэймлин – лабиринт кирпичных и каменных домов и лавок, складов с глухими стенами и вытянутых рыночных зданий, раскинувшийся за пределами кэймлинских стен. Но вокруг города разместилось еще семь лагерей, перекрыв все тракты, в виду всех ворот, откуда можно предпринять вылазку заметными силами. Они уже выслали патрули, и, по всей вероятности, в покинутых теперь зданиях Малого Кэймлина скрываются дозорные. У маленьких отрядов есть шансы пробраться в город, а то и провести под покровом ночи несколько вьючных животных, но этого не хватит, чтобы обеспечить продовольствием один из крупнейших городов мира. Голод и болезни выиграли больше осад, чем мечи или осадные машины. Единственный вопрос – кого они одолеют первыми: осажденных или самих осаждающих.

На первый взгляд все шло по кем-то хорошо продуманному плану, но Башира смущали знамена в лагере внизу. Мощная зрительная труба – подарок Ранда ал'Тора, – сработанная кайриэнцем по имени Товир, позволяла отчетливо разглядеть большинство знамен, когда несильный ветер расправлял их. Башир в достаточной степени разбирался в андорской геральдике и

узнал Дуб и топор – герб Доулина Армагна, и пять Серебряных звезд Дериллы Райнед, и еще несколько стягов знати помельче, что поддерживала претензии Ниан Араун на Львиный трон и на Розовый венец Андора. Но тут, внизу, были и заштрихованный крест-накрест Красный вал Джайлина Марана, и парные Белые леопарды Карлис Анкерин, и золотая Крылатая рука Эрама Талкенда. Судя по всем сообщениям, присягу на верность они дали сопернице Ниан, Элени Саранд. Лицезреть их вместе с другими – все равно что видеть, как из одной миски едят волки и волкодавы. Да еще украсив трапезу бочонком доброго вина, открытого для скрепления союза.

На видном месте были выставлены еще два знамени, с золотой бахромой и по меньшей мере вдвое больше других, хотя полотнища обоих были слишком тяжелы, и случайные порывы ветра разве что слегка волновали их. Знамена отливали блеском плотного шелка. Впрочем, утром Башир уже достаточно хорошо полюбовался на эту пару, когда вдоль гребня, скрывавшего лагерь, туда-сюда несколько раз галопом проскакали знаменщики, а стяги над ними развевались на скаку. Одним из флагов был Лев Андора, белый на красном поле, точно такие же стяги развевались над высокими круглыми башнями, своеобразным пунктиром прочерчивая городские стены. И в том и в другом случае знамя свидетельствовало о чьих-то притязаниях на трон и корону. Второй из больших стягов доводил до всеобщего сведения имя женщины, заявившей о своих правах в противовес правам Илэйн Траканд. Четыре серебряных полумесяца на сине-сумеречном поле – герб Дома Марне. Неужели все это воинство выступило на стороне Аримиллы Марне? Месяц назад она считала бы удачей, если бы кто-то, за исключением членов ее собственного Дома или того слабоумного Насина Кирена, предложил ей ночлег!

– Они не обращают на нас внимания! – прорычал Бэйл. – Еще до заката я бы разнес их в пух и прах, не оставив в живых никого, кто бы увидел завтрашний восход солнца! А они на нас не обращают внимания.

Башир кинул на айильца взгляд искоса. Искоса и вверх. Тот возвышался над ним на целый фут. Над черной вуалью, надвинутой на лицо, виднелись только серые глаза Бэйла и полоска дочерна загорелой кожи. Башир надеялся, что тот просто оберегает нос и губы от холода. В руках Бэйл держал свои короткие копья и обтянутый бычьей шкурой щит, за спиной у него висел лук в футляре, а у бедра – колчан со стрелами, но значение имела только вуаль. Не время для Айил начинать убивать. В двадцати шагах ниже по склону, обращенному в сторону лагеря, на корточках сидели еще тридцать айильцев, оружие они держали с привычной небрежностью. У каждого третьего вуаль не закрывала лицо, поэтому, возможно, все дело в холоде. Впрочем, с Айил ни в чем никогда нельзя быть уверенным до конца.

Быстро прикинув, как лучше себя вести, Башир решил остановиться на легкомысленном тоне:

– Илэйн Траканд вряд ли это понравится, Бэйл. А если ты вдобавок забыл, что такое быть молодым, то, значит, это не понравится и Ранду ал’Тору.

Бэйл фыркнул и недовольно пробурчал:

– Мелэйн передала мне, что говорила Илэйн Траканд. Мы ничего не должны делать для ее пользы. Что за глупость! Когда нападает враг, ты используешь тех, кто станет танцевать с копьями рядом с тобой. Они так же играют в войну, как играют в свою Игру Домов?

– Бэйл, мы – чужаки. В Андоре это важно.

Рослый айилец вновь фыркнул.

Видимо, нет смысла пытаться объяснить ему всю эту запутанную политику. Чужеземная помощь может стоить Илэйн того, что она стремилась получить, и ее враги это знали, как и то, что она это знает, и поэтому они несколько не опасались ни Башира, ни Бэйла, ни Легиона Дракона, какова бы ни была его численность. На самом деле, несмотря на осаду, обе стороны изо всех сил станут избегать генерального сражения. Это была война, но война маневров и стычек, если только кто-нибудь не допустит промашки, и победителем из нее выйдет тот, кто займет неуязвимую позицию или вынудит другого занять позицию, которую нельзя защитить.

Вероятно, для Бэйла подобная диспозиция ничем не отличается от *Даэсс Дей'мар*. По правде говоря, и сам Башир видел здесь немало сходства. Имея Запустение у порога, Салдэйя не могла позволить себе борьбу за трон. Тиранов можно вытерпеть, и Запустение быстро убивало бестолковых и жадных, но допусти они даже такую междоусобицу, и Салдэйя пала бы перед Запустением.

Башир вновь принялся разглядывать лагерь через зрительную трубу, пытаясь разгадать, каким образом такая круглая дура, как Аримилла Марне, заручилась поддержкой Ниан Араун и Элени Саранд. Эта парочка отличалась алчностью и непомерным честолюбием, каждая из них в высшей степени была убеждена в собственных правах на трон, и если Башир правильно понимал запутанный клубок обычаев и законов андорского престолонаследия, то притязания обеих были куда более обоснованны, чем претензии Аримиллы. Волки и волкодавы здесь ни при чем. Тут были волки, решившие прикинуться комнатными собачками. Возможно, Илэйн известна причина, но с ним она могла позволить себе разве что обмениваться записками, лаконичными и малосодержательными. Слишком велик риск, что кто-нибудь узнает о переписке и предположит, что она в некоем заговоре с Баширом. *Очень* похоже на Игру Домов.

– Кажется, кое-кто собирается танцевать с копьями, – заметил Бэйл, и Башир немного опустил разукрашенную трубу, отыскивая место, куда указывал айилец.

На протяжении нескольких дней перед осадой из Кэймлина вытекал постоянный поток жителей, но некоторые слишком поздно решили оставить город. С полдюжины крытых парусиной фургонов стояли посреди Тарвалонского тракта, у самой окраины Малого Кэймлина. Фургоны окружало пятьдесят всадников, над ними на порывистом ветру полоскался флаг, на разделенном на четыре части сине-белом поле которого красовался то ли бегущий медведь, то ли какая-то массивная гончая. На обочине, кутаясь в плащи, топтался удрученный народ; мужчины стояли, понуриив голову, детишки цеплялись за юбки женщин. Несколько спешившихся всадников рылись в фургонах; на снегу уже темнели сундуки, ящики и, кажется, даже что-то из одежды. По всей вероятности, всадники искали деньги или выпивку, хотя и любая вещь, показавшаяся им мало-мальски ценной, наверняка тоже перекочет в чью-нибудь седельную суму. Очень скоро солдаты перережут построжки фургонной упряжки или же, возможно, попросту отберут фургон. Повозки и лошади в армии всегда пригодятся, и странные правила этой еще более странной андорской гражданской войны, по-видимому, мало защищали тех, кто оказался в неудачном месте и в неудачное время. Но уже открывались городские ворота, и стоило им немного распахнуться, как из арки высотой в двадцать футов галопом вылетели конники в красных мундирах. Кирасы, шлемы и наконечники пик сверкали на солнце. Лошади с топотом неслись по тракту мимо длинных опустевших рынков. Из города выступила гвардия королевы. Во всяком случае, внушительный отряд ее гвардейцев. Башир снова направил зрительную трубу на фургоны.

Судя по всему, офицер под эмблемой медведя, если это был медведь, успел уже для себя все решить. У пятидесяти против двухсот – шансов практически никаких, тем более если на кону какие-то жалкие фургоны. Спешившиеся ранее солдаты уже вновь сидели в седлах, а когда Башир отыскал отряд вооруженным трубой взглядом, большинство из них гнали лошадей во весь опор на север, в его сторону. Сине-белое знамя развевалось на древке. Горожане, сгрудившиеся у фургонов, с изумлением и недоверием глядели вслед отступающим солдатам, их замешательство было столь очевидно, как будто Башир читал их чувства по выражениям лиц. Но несколько человек сразу же кинулись собирать разбросанные на снегу вещи и складывать их обратно в фургоны.

Появление гвардейцев пару минут спустя быстро положило конец их стараниям. Солдаты в красном, не мешкая, принялись сгонять людей к фургонам. Кое-кто еще порывался сбегать за какими-то особо ценными пожитками, а один мужчина даже принялся протестующе махать руками перед гвардейцем – несомненно, офицером, поскольку на шлеме у того красовался

белый плюмаж, а поверх кирасы был повязан красный шарф. Но офицер наклонился в седле и тыльной стороной руки ударил недовольного по лицу. Тот как подрубленный опрокинулся навзничь, на одно долгое мгновение все застыли, а потом те, кто еще не успел залезть в повозки, суетливо кинулись к фургонам. Только двое мужчин задержались – они схватили своего упавшего товарища под мышки и за ноги и, неловко волоча обмякшее тело, заторопились следом за остальными. Женщина в фургоне, последнем в колонне, уже нахлестывала лошадей, разворачивая упряжку обратно, в город.

Башир опустил трубу, разглядывая лагерь, потом вновь поднес ее к глазу, чтобы кое-что рассмотреть получше. Солдаты все так же орудовали лопатами и кирками, некоторые из них по-прежнему вели борьбу с мешками и бочонками, выгружая их из фургонов. Знать и офицеры разъезжали верхом по лагерю, присматривая за ходом работ. Все были спокойны и самоуверенны, словно скотина на выпасе. В конце концов, кто-то показал рукой на возвышенность между лагерем и городом, за ним еще один, потом другой, и вот уже верховые пустили лошадей рысью, очевидно отдавая распоряжения. Флаг с медведем только-только показался на высоте, возле лагеря.

Сунув трубу под мышку, Башир нахмурился. На высоте не было выставлено охраны, способной предупредить осаждающих о том, что происходит – или может произойти – вне прямой видимости из лагеря. Даже если исходить из предположения, что никто не собирается навязывать битву, подобное поведение глупо. Надо взять на заметку – вдруг пригодится, если и в других лагерях столь же беспечны и если никто не исправит промашку. Башир раздраженно фыркнул в усы. Можно подумать, он намерен сражаться с отрядами, осадившими Кэймлин.

Мимолетный осмотр подсказал Баширу, что фургоны в сопровождении эскорта гвардейцев преодолели половину пути до Тарвалонских ворот, возницы ожесточенно нахлестывали упряжки, как будто преследователи дышали им в затылок. Или, быть может, их усердие способствовал офицер с повязанным вокруг шеи шарфом, который почему-то размахивал мечом над головой.

– Сегодня танца не будет, – произнес Башир.

– Тогда я найду занятие получше, чем глядеть, как мокроземцы роют норы, – отозвался Бэйл. – Да обретешь ты воду и прохладу, Даврам Башир.

– Сейчас меня больше устроили бы сухие ноги и разожженный камин, – не подумав, пробурчал Башир, а потом пожалел, что не прикусил язык.

Стоит сделать один неверный шаг, нарушить формальности, и Бэйл того и гляди вздумает убить его, ведь Айил – народ, приверженный условностям и вдобавок с большими странностями.

Но Бэйл запрокинул голову и рассмеялся:

– Мокроземцы вечно все с ног на голову переворачивают, Даврам Башир.

Он сделал правой рукой странный жест, и остальные айильцы вскочили на ноги, после чего все легким, размашистым шагом направились на восток. Казалось, снежный покров им ничуть не мешал.

Спрятав зрительную трубу в висевший у седельной луки кожаный футляр, Башир запрыгнул в седло Быстреца и повернул гнедого на запад. Эскорт подждал его на противоположном склоне, и воины пристроились следом за командиром. Слышался лишь тихий скрип кожи, не звякнула ни одна металлическая деталь сбруи. Числом сопровождающие Башира уступали эскрту Бэйла, но они были закаленными бойцами, родом из его поместий поблизости от Тайра, и он не раз водил их за собой в Запустение, прежде чем отправился на юг. Каждому был выделен свой сектор для наблюдения, впереди или позади, справа или слева, вверху или внизу, и солдаты постоянно крутили головой. Башир надеялся, что они не просто разминают шею. Лес здесь был редок, ветви – голы, за исключением дубов, болотного мирта, елей и сосен, но за холмами заснеженной местности сотня верховых могла бы остаться незамеченной даже

в пятидесяти шагах. Не то чтобы он опасался подобного оборота событий, но, как правило, всегда убивает то, чего ты не ждал. Машинальным движением Башир ослабил меч в ножнах. Просто так, на всякий случай. Нужно быть готовым к неожиданностям.

Эскортом командовал Тумада, как и почти всегда в те дни, когда Башир не поручал молодому лейтенанту более важные задачи. Башир готовил из него командира. Тумада мыслил ясно, обладал проницательностью, видел не только то, что находилось у него перед носом; ему суждено достичь более высокого положения, если только он проживет достаточно долго. Высокий, хотя и ниже Бэйла всего на пару ладоней, Тумада сегодня всем своим видом являл воплощенное недовольство.

– Тумада, что тебя тревожит?

– Айилец прав, милорд. – Рукой в боевой перчатке Тумада сердито подергал себя за густую черную бороду. – Эти андорцы на нас плюют. В грош не ставят. Нам носы показывают, а мы уезжаем восвояси. Мне это не нравится.

Что ж, молодо-зелено.

– Ты, наверное, находишь наше положение скучным? – засмеялся Башир. – Тебе нужны острые ощущения? Тенобия – всего в пятидесяти лигах к северу, и если верить слухам, то с собой она привела Этениелле Кандорскую, Пейтара Арафелского и даже того шайнарца Изара. Все рати Пограничных земель отправились нас искать, Тумада. Да и андорцам там, в Муранди, насколько я слышал, тоже не нравится, что мы торчим в Андоре. Они также могут явиться по наши головы, если та армия Айз Седай, с которой они повстречались, не разнесет их в клочья, что уже могло случиться. Кстати, раз уж речь зашла об этом, то рано или поздно вместо них за нами вполне могут прийти и Айз Седай. Сомневаюсь, чтобы хоть одна сестра забыла, что мы пошли за Драконом Возрожденным. И вдобавок, Тумада, есть шончан. Неужели ты думаешь, что мы видели их в последний раз? Или они нападут на нас, или же нам самим придется отправиться к ним. Третьего не дано. Вам, молодым, не понять, что такое острое ощущение, даже когда оно вам в усы заползет!

По колонне солдат за спинами Башира и Тумады прокатились тихие смешки: в большинстве своем те были ровесниками самого Башира, и даже у Тумады блеснула в черной бороде белозубая улыбка. Они все участвовали в походах и кампаниях, пусть и не в таких странных, как эта. Выпрямившись, Башир наблюдал за тропой между деревьями, но лишь краем глаза.

Если начистоту, то и его тревожила Тенобия. Одному Свету ведомо, с какой стати Изар и прочие решили вместе оставить границу с Запустением, причем буквально оголив ее и забрав с собой столько воинов, сколько, если верить молве, они привели с собой. Пусть даже слухи вдвое преувеличили численность армии. Несомненно, у них были причины, которые они сочли достаточно важными, и, несомненно, теми же причинами руководствовалась и Тенобия. Но Башир хорошо знал ее; он обучал ее верховой езде, наблюдал, как девочка растет, а когда она заняла трон, вручил Сломанную корону. Тенобия оказалась хорошей правительницей: не слишком деспотичной, но и не излишне мягкой, разумной, пусть и не всегда мудрой, храброй без безрассудства, однако назвать ее импульсивной было бы слишком мягко. Иногда она бывала невероятно вспыльчивой. И Башир был абсолютно уверен, что Тенобия еще преследует и собственную цель, помимо той, к какой устремлены все прочие. И стремится она получить голову Даврама Башира. Если так, то маловероятно, чтобы она, зайдя настолько далеко, согласилась ограничиться ссылкой. Чем дольше Тенобия сжимает в зубах кость, тем сложнее убедить ее бросить. Тенобия сейчас должна бы охранять границу Запустения, но ведь там же обязан был находиться и сам Башир. Она могла бы обвинить его в измене по меньшей мере уже дважды – за то, что он совершил после того, как отправился на юг; но Башир по-прежнему не видел для себя никакого иного пути. Мятеж, неповиновение – Тенобия вольна дать какое угодно определение; даже подумать о мятеже ему было страшно, однако Баширу хотелось, чтобы его голова подольше сидела на шее. Задача ясная, но довольно щекотливая.

Лагерная стоянка для отряда немногим больше восьми тысяч легких кавалеристов – столько у Башира осталось после Иллиана и сражений с шончан – занимала большую площадь, чем бивак на Тарвалонском тракте, но ее нельзя было назвать бесформенной. Коновязи вытянуты единообразными рядами, с кузницами на обоих концах, между ними столь же ровными рядами выстроились большие серые или белые палатки, хотя к этому времени многие из них были уже изрядно залатаны. На счет «пятьдесят» после сигнала трубы каждый воин мог уже сидеть в седле, готовый к бою, а чтобы шайнарцев никто не сумел захватить врасплох, вокруг лагеря расставили часовых. Даже у маркитантов, разбивших стоянку в сотне шагов южнее лагеря Башира, в расположении фургонов и палаток наблюдалось больше порядка, чем у солдат, осаждавших город, как будто те следовали примеру салдэйцев. По крайней мере хоть в чем-то.

Когда Башир в сопровождении своего эскорта въехал в лагерь, вдоль коновязей, как будто только что прозвучал сигнал «По коням!», почему-то торопливо и с мрачным видом сновали люди. Некоторые – с обнаженными мечами в руках. Башира начали окликать, но при виде скопления людей в центре лагеря, причем женщин там было заметно больше, чем мужчин, внутри у него вдруг все похолодело. Он ударил Быстреца каблуками, и тот галопом рванул вперед. Башир не знал, последовал ли кто-нибудь за ним или нет. Он не слышал ничего, в ушах гулко пульсировала кровь; он не видел ничего, кроме толпы, сгрудившейся перед его островерхим шатром. Шатром, который с ним делила Дейра.

Доскакав до толпы, Башир не стал осаживать коня, а просто спрыгнул с седла на землю и побежал дальше. Он слышал, как ему что-то говорили, но не понимал ни слова. Перед ним поспешно расступались, пропуская к шатру, иначе он смел бы всех с дороги.

Откинув полог и войдя внутрь, Башир остановился. Просторная палатка, в которой на ночлег можно разместить два десятка солдат, была заполнена женщинами, но среди жен дворян и офицеров он быстро отыскал взглядом свою супругу. Дейра сидела на складном стуле, стоявшем в центре ковров, что служили полом, и противный холодок внутри исчез. Башир знал, что однажды она умрет – когда-то оба они умрут, – но боялся только одного: жить без нее. И тут до него дошло, что несколько женщин помогают Дейре спустить лиф платья с плеч. Еще одна прижимает к ее левому предплечью сложенный кусок ткани, и тряпка быстро краснеет от крови, что струится по руке Дейры и стекает по пальцам в тазик на ковре. И туда натекло уже немало темной крови.

В то же самое мгновение Дейра увидела его, и ее глаза на чересчур бледном лице засверкали.

– Вот что получается, муженек, когда нанимаешь чужеземцев! – с яростью произнесла она, глядя на него и потрясая зажатым в правой руке длинным кинжалом. Красивая и статная, Дейра не уступала в росте мужчинам и была на несколько дюймов выше самого Башира; ее лицо обрамляли волосы цвета воронова крыла, в которых уже виднелись седые пряди. Вид у нее был властный, а когда Дейра сердилась, то становилась чуть ли не надменной. Даже теперь, когда она с трудом сидела прямо. Большинство женщин наверняка почувствовали бы себя не в своей тарелке, если бы им пришлось обнажаться до пояса на людях, да еще в присутствии мужа. Но не Дейра. – Если бы ты вечно не требовал передвигаться с быстротой ветра, то из своих поместий мы могли бы захватить надежных слуг. Они бы и делали все, что требуется.

– Дейра, неужели ты поссорилась со слугами? – сказал Башир, вздернув бровь. – Никогда бы не подумал, что ты будешь кидаться на них с ножом.

Несколько женщин окинули его холодными, косыми взглядами. Не все мужья и жены вели себя друг с другом так, как Башир с Дейрой. Кое-кто считал их странной парой, поскольку друг на друга они кричали редко.

Дейра сердито посмотрела на мужа, потом у нее невольно вырвался короткий смешок.

– Начну сначала, Даврам. И расскажу помедленнее, чтобы ты понял, – прибавила она с мимолетной улыбкой. Поблагодарив женщин, накинувших на обнаженный торс белую льняную простыню, Дейра продолжила: – Я вернулась с прогулки верхом и обнаружила двух незнакомых мужчин, обшаривающих нашу палатку. Они вытащили кинжалы, поэтому я, разумеется, одного ударила стулом, а второго ранила. – Сморщившись, она показала на порезанную руку. – Не очень серьезно, раз он сумел достать меня. Потом появились Завион и остальные, и та парочка удрала через дыру, которую они проделали в задней стенке шатра.

Несколько женщин закивали с мрачным видом и схватились за рукояти висевших у них на поясе кинжалов. Потом Дейра сказала:

– Я послала их в погоню, но они настояли, что необходимо заняться моей царапиной.

Женщины, покраснев, поспешили убрать руки с кинжалов, но, судя по их виду, ни одна из них даже не чувствовала за собой вины за неподчинение. Они оказались в весьма щекотливом положении. Они обязаны повиноваться Дейре, поскольку Башир их сеньор, но, сколько бы Дейра ни называла свою рану царапиной, она могла умереть от потери крови, если бы они оставили ее и отправились в погоню за ворами.

– Так или иначе, – продолжила Дейра, – я распорядилась о розыске. Найти их будет нетрудно. У одного шишка на голове, у другого кровь течет из раны. – Она коротко, удовлетворенно кивнула.

Завион, мускулистая, рыжеволосая леди Гахор, держала иглу с вдетой в нее ниткой.

– Если у вас, милорд, конечно, не проснулся интерес к вышивке, – холодно сказала она, – не могу ли я попросить вас удалиться?

Башир, молча соглашаясь, слегка склонил голову. Дейре не нравилось, когда он смотрел, как ей зашивают раны. Ему и самому это никогда не нравилось.

Выйдя из шатра, Башир громким голосом объявил, что с его женой все в порядке, что о ней есть кому позаботиться и что всем нужно вернуться к своим делам. Стоявшие у шатра мужчины стали расходиться с пожеланиями доброго здоровья Дейре, но ни одна из женщин даже с места не двинулась. Башир не настаивал. Что бы он ни говорил, они будут стоять, пока к ним не выйдет сама Дейра, а разумный мужчина старается избегать сражений, в которых не просто потерпит поражение, но вдобавок еще и попадет в глупое положение.

Тумад, ждавший чуть в стороне от толпы, двинулся вслед за Баширом. Тот шагал, сцепив руки за спиной. Он ожидал чего-то подобного уже давно и даже начал подумывать, что подобного вообще не случится. И никак не предполагал, что Дейра окажется на волосок от гибели.

– Обнаружили двух мужчин, милорд, – сказал Тумад. – Они точно подходят под описание, данное леди Дейрой. – Башир резко повернул голову, лицо его не предвещало ничего хорошего, и молодой человек поспешил добавить: – Они были мертвы, милорд. Их нашли сразу за лагерем. Каждый получил смертельный удар узким клинком. – Тумад ткнул себе пальцем в основание черепа, за ухом. – В одиночку человеку этого не сделать, если только он не быстрее горной гадюки.

Башир кивнул. За неудачу часто расплачиваются жизнью. Двоих послали – для обыска, а сколько еще там приготовлено для того, чтобы заставить их замолчать? Сколько их осталось и долго ли теперь ждать, пока они не предпримут новую попытку? Хуже всего, что непонятно, кто стоит за этим. Белая Башня? Отрекшиеся? Решение как будто само пришло к Баширу.

Кроме Тумада, рядом с ним никого не было, но Башир все равно заговорил очень тихо и слова подбирал с оглядкой. Иногда жизнью приходится расплачиваться и за беспечность.

– Ты не знаешь, где найти того человека, который приходил ко мне вчера? Отыщи его и передай, что я согласен, но что людей будет больше, чем мы говорили.

* * *

Легкие, похожие на перышки, хлопья снега, сыпавшиеся на город Кайриэн, лишь чуть-чуть ослабили лучи утреннего солнца, слегка приглушив их яркое сияние. Сквозь стекло высокого узкого окна, плотно пригнанные добротные створки которого хорошо защищали от холода, Самитзу отчетливо видела деревянные подмости, возведенные вокруг разрушенной части Солнечного дворца. Там на месте разбитых блоков темного камня все еще громоздились груды булыжника, а ступенчатые башни резко обрывались, уступая в высоте остальным дворцовым башням. Одной из них, носившей название Башни Возшедшего солнца, уже больше не существовало. В белой пелене снега смутно вырисовывалось несколько знаменитых городских башен, которые, как гласят легенды, «упираются в поднебесье»: гигантские четырехугольные шпили с громадными контрфорсами, намного выше любой дворцовой башни, несмотря на то что дворец располагался на самом высоком из всех холмов города. Поднебесные башни тоже скрывались за строительными лесами и до сих пор, а прошло уже двадцать лет, как их сожгли Айил, не были восстановлены полностью. Возможно, для окончания работ понадобится еще лет двадцать. Разумеется, рабочих на лесах не было – в такую погоду никто не станет лазить по мосткам. Самитзу поймала себя на том, что ей хочется, чтобы снегопад и ей дал передышку.

Когда неделю назад Кадсуане уехала, оставив ее за старшую, то Самитзу ее задача представлялась абсолютно ясной. Проследить за тем, чтобы горшок под названием Кайриэн не начал закипать вновь. В тот момент задача казалась простой, хотя Самитзу так редко доводилось заниматься политикой, что об этом вряд ли стоило упоминать. Только у одного из лордов имелось на службе значительное число дружинников, и ей казалось, что Добрэйн, желая сохранить порядок, и сам выказывал готовность к сотрудничеству. Конечно же, он принял это глупое назначение на пост наместника Дракона Возрожденного в Кайриэне. Мальчик в придачу и в Тире назначил «наместника» – человека, который всего месяц назад участвовал в мятеже против него! Если же он поступил так же и в Иллиане... Кажется, он способен на все. При иных обстоятельствах такие назначения доставили бы сестрам столько трудностей и проблем, что вовек не расхлебашь! От мальчишки одни лишь треволнения! Однако заступивший на новый пост Добрэйн до сих пор занимался исключительно управлением городом. И втихую спланировал силы в поддержку притязаний Илэйн Траканд на Солнечный трон, если она об этом заявит. Самитзу вполне удовлетворилась бы таким ходом дел, нисколько не волнуясь о том, кто займет Солнечный трон. Мыслями о Кайриэне она вообще себе голову не забивала.

Порыв ветра закружил падающий за окном снег белым калейдоскопом. Как все это... безмятежно. Дорожила ли она безмятежностью раньше? Если Самитзу и ценила прежде подобное чувство, то вспомнить этого уж точно не могла.

Ни возможность занять трон Илэйн Траканд, ни новоприобретенный титул Добрэйна не пугали ее настолько, как нелепые и возмутительно живучие слухи о том, что мальчик ал'Тор собирается подчиниться Элайде. Правда, чтобы развеять их, Самитзу ничего не предпринимала. Повторять подобные рассказы, даже шепотом, опасались все, начиная от знатного лорда и кончая последним конюхом; и это очень хорошо, ибо способствует сохранению спокойствия. Теперь появилась причина, чтобы Игра Домов приостановилась, ну хотя бы замедлилась по сравнению с тем, как обычно обстояли дела в Кайриэне. По всей вероятности, свою роль сыграли здесь и айильцы, какую бы ненависть ни питал к ним простой люд. В город они приходили из своего огромного лагеря, разбитого в нескольких милях к востоку от городской стены. Всем известно, что айильцы следуют за Драконом Возрожденным, и ни у кого не было ни малейшего желания в результате случайной ошибки оказаться перед тысячами айильских копий. Молодой ал'Тор намного больше полезен ей, когда отсутствует, чем присутствует. Молва о том, что где-то на западе совсем житья не стало от набегов Айил – те, если верить слухам, принесенным

купцами, без разбора грабят, сжигают, убивают, – вот еще одна причина, чтобы вести себя осмотрительно со здешними Айил.

В самом деле, казалось, что ничто не способно нарушить мир и спокойствие Кайриэна, не считая разве что случавшихся порой уличных драк между обитателями Слободы и горожанами, считавшими шумных, пестро разодетых слобожан такими же чужаками, что и айильцев, да к тому же намного менее опасными. Город был переполнен до самых чердаков, люди спали в любом месте, которое могло защитить от холода, но съестных припасов здесь имелось в достатке, если не в изобилии, а торговля шла заметно оживленнее, чем можно было ожидать зимой. Одним словом, Самитзу могла бы радоваться, что выполняет наказания Кадсуане так хорошо. Правда, Зеленая сестра наверняка рассчитывала на большее. Ей всегда было мало.

– Самитзу, ты меня слушаешь или нет?

Вздыхнув, Самитзу отвернулась от идиллического пейзажа за окном, с трудом удержавшись от того, чтобы не разгладить юбку, в декоративных разрезах которой виднелся желтый шелк. В волосах тихонько зазвенели изготовленные в Джаканде серебряные колокольчики, но сегодня их мелодичный звон ее не радовал. И в лучшие-то времена Самитзу не чувствовала себя уютно в отведенных ей во дворце апартаментах, хотя пылающее в широком мраморном камине пламя и распространяло приятное тепло, а перины и набитые гусиным пухом подушки на кровати в соседней комнате были просто великолепны. Все три ее комнаты были богато и изысканно отделаны в строгой кайриэнской манере: белый оштукатуренный потолок разбит на квадраты, широкие брусья карнизов щедро позолочены, а деревянные стенные панели словно бы приглушенно светятся от искусной полировки, хотя все равно остаются темными. Тяжеловесная мебель отличалась еще более темным оттенком, ее обрамляли тонкие ряды золотых листьев, а плоскости украшал инкрустированный узор, выложенный из клинышков поделочной кости. Нарушал обстановку комнаты, еще больше подчеркивая витавший там дух непреклонности, украшенный цветочным орнаментом тайренский ковер, на фоне всего остального совершенно неуместный. В последнее время ее апартаменты казались Самитзу слишком похожими на клетку.

Но в действительности Самитзу испытывала замешательство из-за женщины, которая, упреив руки в бедра, стояла на самой середине ковра: локоны ниспадают на плечи, подбородок воинственно вскинут, под нахмуренными бровями сверкают прищуренные голубые глаза. На правой руке Сашалле, разумеется, носила кольцо Великого Змея, но на ней также были и айильские ожерелье и браслет: крупные шарики серебра и драгоценной кости, замысловато обработанные и вырезанные, слишком безвкусные по сравнению с ее коричневым шерстяным платьем с высоким воротом – простым, но превосходно скроенным и сшитым. Конечно, вещицы не сказать чтобы грубые, но... излишне вычурные, какие вряд ли подобает носить сестре. Возможно, в непонятных этих украшениях кроется ключик ко многому – если только Самитзу сумеет нащупать в их вычурности какой-то смысл. Хранительницы Мудрости, особенно Сорилея, смотрели на Самитзу как на дурочку, которая ничего не поймет сама, и не желали утруждать себя ответами на ее вопросы. Слишком часто они так поступали. И *особенно* – Сорилея. Самитзу не привыкла к такому, и подобное отношение ей крайне не нравилось.

Уже не впервые она поймала себя на том, что ей трудно встречаться взглядом с Сашалле. Несмотря на то что все прочие дела идут весьма гладко, душевное равновесие оставило Самитзу, в основном из-за Сашалле. Больше всего ее бесило, что Сашалле была Красной, но вопреки принадлежности к этой Айя она *поклялась в верности* юному ал'Тору. Как Айз Седай вообще могла поклясться в верности кому-то или чему-то, кроме как Белой Башне? Как, Света ради, *Красная* сестра присягнула мужчине, способному направлять Силу? Возможно, Верин права в отношении свойства *та'верена* искажать вероятности. О какой-либо другой причине, заставившей дать подобную клятву тридцать одну сестру, из которых *пять* – Красные, Самитзу даже подумать не могла.

– К леди Айлил обратились лорды и леди, которые заручились поддержкой большинства членов Дома Райатин, – ответила Самитзу с наигранным терпением. – Они хотят, чтобы она стала верховной опорой, а она желает поддержки Белой Башни. По крайней мере со стороны Айз Седай.

Только чтобы не продолжать игру в гляделки – в которой она, вероятно, уступит, – Самитзу двинулась к столику из черного дерева, где на серебряном подносе до сих пор источал слабый аромат пряностей серебряный с золотой инкрустацией кувшин. Наполнить кубок подогретым вином – хороший предлог, чтобы оборвать эти переглядывания. Раздраженная тем, что ей вдруг для чего-то понадобился предлог, она резко поставила кувшин обратно; зазвенел поднос. До нее дошло, что она избегает слишком часто смотреть на Сашалле. И сейчас же Самитзу поняла, что все равно на нее поглядывает искоса. К своему разочарованию, она не смогла заставить себя полностью повернуться, чтобы встретить взгляд второй женщины.

– Передай ей наш отказ, Сашалле. Когда в последний раз мы видели ее брата, он был жив, и Белой Башне вовсе незачем поднимать мятеж против Дракона Возрожденного, тем более если с ним покончено. – В памяти возникла картина того дня, когда в последний раз видели Торама Райатина: он вбежал в необычный туман, способный обретать осязаемую форму и способный убивать, в туман, который не поддается Единой Силе. В тот день за стенами Кайриэна явилась сама Тень. У Самитзу сжалось горло – так она старалась, чтобы голос у нее не дрожал. Не от страха – от гнева. В тот день она не сумела Исцелить юного ал’Тора. Она ненавидела свои неудачи, ненавидела сами воспоминания о них. И объяснить свои мотивы она не сумела бы. – Большинство – это еще не весь Дом Райатин. Те, кто по-прежнему остается на стороне Торама, выступят против нее, если понадобится – с оружием в руках, и в любом случае попустительствовать переворотам внутри самих Домов – не лучший способ сохранить мир. Сашалле, сейчас в Кайриэне установилось какое-никакое равновесие, и нарушать его мы не должны.

Самитзу сдержалась, не позволив себе обмолвиться, что Кадсуане это не понравилось бы. Для Сашалле подобный довод вряд ли имеет вес.

– Переворот случится, станем мы ему потворствовать или нет, – настойчиво заявила другая сестра. Она перестала хмуриться, как только Самитзу продемонстрировала, что слушает ее, однако свою решительно вздернутую голову Сашалле не опустила. Возможно, скорее из упрямства, чем из воинственности, но, впрочем, какая разница? Сашалле не спорила, не старалась убедить в правоте своего мнения, а просто излагала свою позицию. И, что досаждало больше всего, она явно поступала так из вежливости. – Дракон Возрожденный – вестник переворотов и перемен, Самитзу, это было предсказано. И наконец, это – Кайриэн. Неужели ты думаешь, будто они перестали играть в Даэсс Дей’мар? Может, на поверхности вода и неподвижна, но рыба-то никогда не перестанет плавать.

Нет, вы только представьте – *Красная*, проповедующая о Драконе Возрожденном, точно какой-то уличный демагог! О Свет!

– А если ты ошибаешься?

Как ни старалась Самитзу, но слова ее все же прозвучали резко. А Сашалле – чтоб ей сгореть! – сохраняла абсолютное спокойствие.

– Айлил отказалась от всяких притязаний на Солнечный трон в пользу Илэйн Траканд, таково же желание Дракона Возрожденного, и она готова присягнуть ему, если я о том попрошу. Торама же возглавлял армию, выступившую против Ранда ал’Тора. По-моему, стоит пойти на перемены и попытку тоже стоит предпринять, я ей так и скажу.

Колокольчики в волосах Самитзу зазвенели, когда она сердито покачала головой, едва сумев сдержать вздох. Восемнадцать из тех присягнувших Дракону сестер еще оставались в Кайриэне – нескольких взяла с собой Кадсуане, потом она прислала Аланну забрать еще нескольких, а все прочие, не считая Сашалле, занимали в иерархии Айз Седай положение ниже, чем Самитзу, однако Хранительницы Мудрости убрали их с ее пути. Вообще-то, она не одоб-

ряла того, как это было сделано. Айз Седай *не могут* быть ученицами ни у кого! Это возмутительно! Правда, на деле совершенное Хранительницами значительно упростило Самитзу ее задачу. Они теперь не могут ни сунуть свой нос, ни попытаться оспорить старшинство, ведь их жизни – в руках Хранительниц Мудрости, которые следят за ними ежечасно. К несчастью, по какой-то причине – по какой именно, Самитзу вызнать не удалось – к Сашалле и еще двум другим сестрам, усмирённым у Колодцев Дюмай, Хранительницы Мудрости относились иначе. Усмирённые. При мысли об этом Самитзу ощутила легкую дрожь, совсем легкую, и это чувство было бы еще слабее, сумей она понять, как Дамер Флинн Исцелил то, что Исцелить считалось невозможным. По крайней мере, кто-то смог Исцелить усмирёние, пусть этот «кто-то» и был мужчиной. Мужчиной, способным направлять Силу. О Свет, надо же, как вчерашний ужас сегодня превратился просто в неудобство – стоило лишь попривыкнуть.

Самитзу была убеждена: знай Кадсуане о различии в положении Сашалле и Иргайн с Ронайлле, с одной стороны, и прочих – с другой, то она уладила бы дела с Хранительницами Мудрости до своего отъезда. По крайней мере Самитзу на это надеялась. Уже не в первый раз она оказалась втянута в замыслы легендарной Зеленой сестры. В хитроумии с Кадсуане порой не могла потягаться никакая Голубая: интриги вплетены в заговоры, те запряваны в стратагемы, а все вместе они сокрыты в новых уловках. Каким-то планам суждено потерпеть неудачу, способствуя тем самым воплощению других, и только одной Кадсуане ведомо, какие замыслы к какому результату должны привести. Мысль, прямо скажем, невеселая. Так или иначе, эти три сестры могли приходить и уходить когда хотят, были свободны в своих действиях. И уж наверняка они не чувствовали необходимости следовать указаниям, оставленным Кадсуане, или подчиняться распоряжениям сестры, которую она оставила вместо себя. Их направляла или сдерживала лишь данная ал’Тору безрассудная клятва.

Самитзу никогда в жизни не чувствовала себя слабой или неумелой, за исключением случая, когда талант подвел ее, однако она страстно желала, чтобы Кадсуане вернулась и взяла бразды в свои руки. Пять-шесть слов на ухо Айлил, и всякое желание этой леди титуловаться верховной опорой, разумеется, испарится, но это ни к чему не приведет, если не отыскать способа отвлечь Сашалле от ее цели. Не важно, что Айлил боится широкой огласки своих глупых секретов. Непоследовательность или противоречивость сказанных ей Айз Седай слов с равным успехом способны подвигнуть леди к решению, что ей лучше скрыться в своих дальних имениях, вместо того чтобы рисковать своими действиями навлечь на себя гнев какой-нибудь сестры. Если они потеряют Айлил, Кадсуане наверняка огорчится. И сама Самитзу будет огорчена. Через Айлил открывался потайной ход к доброй половине заговоров, зреющих среди знати; она была меркой, благодаря которой возможно удостовериться, что эти козни по-прежнему незначительны, что они не в состоянии привести к большим потрясениям. Проклятая Красная понимала это. И как только Сашалле даст свое разрешение Айлил, то та станет бегать с новостями к ней, а вовсе не к Самитзу Тамагова.

Пока Самитзу, увязшая в болоте своих затруднений, силилась из него выбраться, дверь в переднюю распахнулась, впустив бледную кайриэнку со строгим выражением лица, на ладонь ниже обеих Айз Седай. Густые седые волосы вошедшей были уложены валиком на затылке, и облачена она была в лишенное всяких украшений платье серого цвета, столь темного оттенка, что оно казалось почти черным. Так в настоящее время одевались ливрейные слуги Солнечного дворца. Конечно, слуги не извещали о своем появлении стуком в дверь и разрешения войти не спрашивали, но Коргайде Марендевин вряд ли относилась к числу простых слуг. Символом ее должности служило массивное серебряное кольцо с длинными ключами у пояса. Показательно – кто бы ни правил Кайриэном, Солнечным дворцом управляет хранительница ключей, и смирения в манерах Коргайде не было в помине. Войдя, она ограничилась минимально допустимым учтивостью реверансом, осмотрительно развернувшись как раз посередине между Самитзу и Сашалле.

– Меня просили извещать обо всем необычном, – ни к кому конкретно не адресуясь, произнесла Коргайде, хотя с такой просьбой к ней обращалась Самитзу. Весьма вероятно, о борьбе за власть между Айз Седай Коргайде узнала тогда же, когда и они сами. Во дворце от ее взгляда мало что ускользало. – Мне доложили, что на кухне сидит огир. По-видимому, он и еще один молодой человек ищут работу каменщиков, но я никогда не слыхала, чтобы вместе трудились каменщик-огир и каменотес-человек. И, как сообщили из *стеддинга* Тсофу, в обозримом будущем ни из одного стеддинга каменщиков не будет. Так ответили, когда мы пригласили каменщиков после... того инцидента.

Пауза была едва заметна, и сдержанное выражение на лице ничуть не изменилось; но в половине циркулирующих слухов нападение на Солнечный дворец приписывалось Ранду ал’Тору, а другая половина вину за случившееся возлагала на Айз Седай. В очень немногих версиях фигурировали Отрекшиеся, но они упоминались лишь либо вместе с ал’Тором, либо – с Айз Седай.

В задумчивости поджав губы, Самитзу решила не морочить пока себе голову той проклятой путаницей, в которую кайриэнцы превращают все, с чем соприкасаются. Отрицать причастность Айз Седай – толку мало; каковы бы ни были Три Клятвы, дело происходит в городе, где простые «да» или «нет» порождают полдюжины противоречащих друг другу слухов. Но вот огир... На дворцовых кухнях едва ли привечают случайных прохожих, однако повара, скорее всего, не преминут угостить огира горячим обедом просто для того, чтобы поглазеть на столь чудного гостя. Последние год-два они встречаются реже обычного. Иногда их все же можно увидеть, но передвигаются они быстро, как могут только огиры, и на одном месте задерживаются редко, в лучшем случае – только на ночлег. Они очень редко путешествуют вместе с людьми, а уж работают с ними рука об руку – и того реже. Однако подобная пара пробудила что-то в памяти Самитзу. Надеясь выпросить все как следует, она открыла уже рот, чтобы задать несколько вопросов, но тут Сашалле с улыбкой сказала:

– Благодарю тебя, Коргайде. Ты очень нам помогла. А теперь не оставишь ли ты нас наедине?

Быть резкой с хранительницей ключей – верный способ обеспечить себе грязное постельное белье и скудно приправленные блюда, неопорожненные ночные горшки и не доставленные вовремя послания – тысячу досадных мелочей, способных превратить жизнь в сплошные страдания, когда думаешь не о том, как реализовать свои планы, а лишь о том, как справиться с грязью. Однако каким-то образом благодаря улыбке обращенные к Коргайде слова Сашалле утратили свою резкость. Седовласая женщина слегка склонила в согласии голову и вновь присела в минимально допустимом реверансе. На сей раз знак учтивости был адресован явно Сашалле.

Едва дверь за Коргайде затворилась, как Самитзу повернулась к Красной сестре, с силой опустив серебряный кубок обратно на поднос. От резкого движения теплое вино выплеснулось ей на запястье. Она была на волосок от того, чтобы потерять контроль над Айлиил, а теперь ей казалось, сам Солнечный дворец ускользает меж пальцев! Скорее Коргайде отрастит крылья и взлетит, чем станет хранить молчание о том, чему была тут свидетельницей, и, что бы она ни сказала, ее слова с быстротой молнии облетят дворец и дойдут до всех слуг, вплоть до работников, что выгребают навоз из конюшен. Прощальный реверанс ясно дал понять, что за мысли в голове у Коргайде. О Свет, как Самитзу ненавидит Кайриэн! Правила хорошего тона тщательно соблюдались сестрами, но Сашалле не занимала достаточно высокого положения, и перед лицом такого бедствия Самитзу не будет держать язык за зубами. Сейчас она устроит этой несносной женщине головомойку!

Но, нахмурившись и посмотрев на Сашалле, она увидела ее лицо – *по-настоящему* увидела, возможно впервые, – и вдруг поняла, почему оно так ее беспокоило, и даже, вероятно, осознала, почему ей так трудно глядеть открыто на Красную сестру. Это лицо больше не было лицом Айз Седай – вне времени и вне течения лет. Обычно люди замечали безвозрастность,

только когда им указывали на это качество, но для любой сестры оно было очевидно и несомненно. Возможно, что-то еще осталось, какой-то мизер, из-за чего Сашалле выглядела более привлекательной, чем была на самом деле, однако любой приблизительно определил бы ее возраст – женщина, которая скоро достигнет зрелых лет. Когда Самитзу поняла это, язык у нее примерз к гортани.

Об усмиренных женщинах известно было мало, скорее слухи, чем что-то достоверное. Они пускались в бега, скрывались от других сестер; рано или поздно они умирали. Обычно раньше, чем позже. Долго переносить столь большую потерю, как утрата саидар, большинство женщин не могли. Но все это пустая молва; насколько известно Самитзу, за многие-многие годы ни у кого недоставало мужества, чтобы попытаться узнать больше. Они боялись узнать слишком много, их удерживал страх – страх, который гнезвился у каждой сестры в самом темном уголке души; страх, в котором мало кто признавался, страх, что подобная судьба однажды, если она сделает легкомысленный шаг, может обрушиться и на нее. Даже Айз Седай прячут глаза, когда не хотят чего-то увидеть. Но такие слухи ходили всегда, хотя о них редко упоминали, и были они столь туманны, что нельзя даже припомнить, когда она впервые узнала о них: шепоток, едва уловимый, но не смолкающий никогда. Один подобный слух, который Самитзу до сих пор смутно помнила, утверждал, будто усмиренная женщина, если остается в живых, вновь молодеет. До сих пор это представлялось абсурдом. Восстановление способности направлять Силу не вернуло Сашалле всего. Только спустя многие годы работы с Силой Сашалле обретет лицо, увидев которое вблизи любая сестра поймет, что перед нею – Айз Седай. А... обретет ли Сашалле такой облик? Это казалось неизбежным, но тут начиналась неисследованная область, сплошные догадки и домыслы. А если лицо Сашалле изменилось, то что еще в ней претерпело изменения? Самитзу ощутила дрожь, причем более сильную, чем при мысли об усмирении. Пожалуй, ей пока не стоит торопиться разгадать способ Исцеления, которым воспользовался Дамер.

Сашалле перебирала пальцами айильское ожерелье и как будто не подозревала ни о том, что собеседница затаила какую-то обиду, ни об испытующих взглядах, которые на нее бросала Самитзу.

– Может, в этом нет ничего важного, а может, следует проверить, – сказала она, – но Коргайде всего-навсего сообщила о том, что слышала. Если мы хотим что-то толком узнать, нужно пойти и удостовериться самим.

И, не сказав больше ни слова, Сашалле подхватила юбки и двинулась прочь из апартаментов, оставив Самитзу перед выбором: последовать за нею или остаться. Это просто невыносимо! Но остаться тут... Совершенно исключено!

Хоть Сашалле и не превосходила Самитзу ростом, но последней пришлось поторопиться, чтобы не отстать от Красной сестры, которая плавной и быстрой походкой двигалась по широкому, с прямоугольными сводами коридорам. И речи не было о том, чтобы идти впереди, – иначе Самитзу пришлось бы припустить бегом. Вся кипит от гнева, она молчала, хотя ей и потребовалось собрать волю в кулак. Затеять на людях спор с другой сестрой – поступок в лучшем случае неприличный. И что хуже всего, и в этом нет сомнений, – совершенно бесполезный. Она только еще глубже выроет ту яму, в которой очутилась. Самитзу так и подмывало что-нибудь хорошенько пнуть.

Стоявшие на одинаковом расстоянии друг от друга высокие шандалы хорошо освещали даже самые темные участки коридора, который не мог похвалиться красочным декором, не считая изредка встречающихся гобеленов, причем их композиции были исполнены в старомодной манере, будь то изображения охотничьих сцен или храбро сражающихся знатных воинов. Отдельные стенные ниши украшали золоченые орнаменты или фарфоровые изделия Морского народа, а карнизы некоторых переходов имели бордюры, по большей части невыкрашенные. И все. Свое богатство кайриэнцы напоказ не выставляли, скрывая его точно так же, как посту-

пали с очень многим в своей жизни. Слуги и служанки, с деловитым видом спешившие по коридорам, подобно веренице муравьев, носили ливреи угольно-черного цвета, за исключением тех, кто состоял на службе у знатных обитателей дворца. Наряд этих слуг по сравнению с прочими казался даже ярким – на груди вышиты эмблемы Домов, а вороты и иногда рукава отмечены родовыми цветами их хозяев. Двое или трое, чьи куртка или платье были целиком цветов господских Домов, выглядели среди остальных едва ли не чужеземцами. Но все слуги ступали, потупив взоры, и приостанавливались только для того, чтобы приветствовать проходящих сестер быстрым поклоном или реверансом. Для Солнечного дворца необходимы были несчетные сотни слуг, и этим утром они как будто все разом заторопились по своим повседневным делам.

По коридорам неспешно прохаживались также благородные лорды и леди, осмотрительно обходительные с проходившими мимо Айз Седай. Возможно, их приветствия были тщательно продуманы, ведь приходилось балансировать между иллюзией равенства и подлинным состоянием дел; а звук их приглушенных голосов далеко не разносился. Знать являла собой наглядное подтверждение старого присловья, что странные времена сводят нас со странными спутниками. Перед лицом новых опасностей прежняя вражда отступает. Ненадолго. Тут и там два-три бледных кайриэнских лорда в одежде из темного шелка, с тонкими разноцветными полосами на груди, некоторые – с выбритым и напудренным на солдатский манер лбом, прогуливались в компании с парочкой смуглых, выше их ростом тайренцев в ярких кафтанах с пышными полосатыми рукавами. Неподалеку тайренская дама, в аккуратном, шитом жемчугом чепце, в красочном парчовом платье с плюеным круглым воротником из светлых кружев, шагала под ручку с дворянкой-кайриэнкой, чьи волосы были уложены в вычурную башню, приходившуюся вровень с головой ее спутницы, а то и возвышающуюся над нею. Высокий дымчато-серый кружевной воротник упирался в подбородок кайриэнки, а по переду темного шелкового платья с широкими юбками сбегали узкие полоски цветов ее Дома. Ни дать ни взять – задушевные друзья и давние наперсники.

Кое-какие парочки выглядели чуднее прочих. В последнее время некоторые женщины взяли за обыкновение носить чужеземную одежду, явно не замечая, насколько они этим притягивают к себе взгляды мужчин, вынуждая даже слуг бороться с искушением поглазеть на них. Узкие штаны, короткие, едва прикрывающие бедра, куртки – наряд, мало подходящий для женщины. Независимо от того, сколько средств и труда вложено в богатую вышивку и узоры из самоцветов, украшавшие куртку. Ожерелья и браслеты с драгоценными камнями и броши с пучками разноцветных перьев только подчеркивали эту странность. А из-за ярко окрашенных сапог, с каблуками, прибавлявшими женщинам не меньше ладони роста и делающими их походку вихляющей, казалось, что они на каждом шагу рискуют грохнуться наземь.

– Стыд и позор! – пробормотала Сашалле, окидывая одну подобную парочку недовольным взглядом и возмущенным движением одергивая юбки.

– Стыд и позор! – пробурчала Самитзу, потом, вдруг спохватившись, захлопнула рот, да так, что клацнули зубы.

Ей необходимо держать язык на привязи. Выражать вслух согласие просто потому, что она согласна, – в обществе Сашалле подобное она себе позволить не вправе.

Тем не менее Самитзу не удержалась и оглянулась на прошедшую мимо парочку с неодобрением. И с долей изумления. Год назад Алайне Чулиандред и Фионда Аннарриз вцепились бы друг дружке в горло. Или, скорее всего, натравили бы на соперницу своих дружинников. Но в то же время, кто бы мог предположить, что станет свидетелем, как Бертом Сайган будет мирно и степенно вышагивать рядом с Вейрамоном Саньяго, причем ни тот ни другой не станет хвататься за кинжалы на поясе? Необычные времена и необычные спутники. Не приходится сомневаться, они заняты Игрой Домов, интригуют, как обычно, добиваясь какого-нибудь пре-

имущества, и тем не менее разделяющие их границы, некогда будто выбитые в камне, ныне обратились в линии, словно начертанные на воде. Очень необычные времена.

Под кухни в Солнечном дворце был отведен самый нижний из надземных этажей, задняя его часть; несколько помещений с каменными стенами и балочными потолками окружали длинную темную комнату, которая была заполнена железными плитами, сложенными из кирпича печами и очагами из тесаного камня; жар здесь стоял такой, что любой позабыл бы о снегопаде за порогом, а то и о самой зиме. Обычно тут царила рабочая суета: повара и их подручные, в одежде тонов ничуть не ярче, чем у прочих дворцовых слуг, и в надетых поверх всего белых фартуках, готовили обед, месили тесто для хлеба на длинных столах с мраморными, обсыпанными мукой столешницами, разделявали мясо и птицу и насаживали куски на вертела, которые вращались над огнем в очагах. Теперь же почти все замерло, только собаки, вращавшие вертела, перебирали лапами в своих колесах, дабы заслужить себе мясные обрезки. Нечищенная репа и ненарезанная морковь громоздились в корзинах, а оставшиеся без присмотра кастрюли с овощами и соусами источали сладковато-пряные ароматы. Даже повара, мальчишки и девчонки, исподтишка утиравшие потные лица краешками фартуков, столпились позади тесной кучки женщин, которые обступили один из столов. Над макушками стоящих Самитзу уже от дверей увидела затылок огира – даже когда тот сидел за столом, его крупная голова возвышалась над людьми. Разумеется, свою роль сыграло и то, что высоким ростом кайриэнцы, в общем-то, похвастаться не могли. Самитзу положила ладонь на руку Сашалле, и, к ее изумлению, та без возражений остановилась на пороге вместе с нею.

– ...исчез, так и не сказав, куда отправился? – спрашивал огир низким, погромыхивающим – точно обвал – голосом.

Его длинные, с кисточками на кончиках уши, торчавшие из густых, ниспадавших до высокого ворота темных волос, беспокойно подрагивали.

– Ой, да чего вы все о нем да о нем, мастер Ледар, – ответила какая-то женщина, похоже с хорошо отработанной дрожью в голосе. – Злой он, вот что я вам скажу. Полдворца Единой Силой разнес, вот каких дел он натворил. Стоит ему только на тебя посмотреть, так всю кровь заморозит. А убить – так и глазом не моргнет. Тысячи от его рук пало. И десятки тысяч! О-о-о, мне о нем и говорить-то боязно.

– Ну так и помолчи, Элдрид Метин, – резко отозвалась другая женщина, – ты ведь у нас отличаешься немногословностью!

Тучная и довольно рослая для кайриэнки, лишь немногим ниже самой Самитзу, с седыми прядками, выбившимися из-под простого белого кружевного чепца, она, судя по всему, была старшей в сегодняшней смене поварихой. Да, похоже на то, поскольку, как отметила Самитзу, многие торопливо закивали, соглашаясь с нею, и захихикали. Кое-кто, из особо угодливых, принялся льстиво поддакивать: «Вы совершенно правы, госпожа Белдайр!» У прислуги – своя иерархия, которую соблюдают не менее строго, чем в самой Башне.

– Нам о таких вещах вообще болтать не следует, мастер Ледар, – продолжала толстуха. – Это дела Айз Седай, и нечего нам туда нос совать. Ни мне, ни вам. Лучше расскажите еще о Пограничных землях. Вы и в самом деле видали троллоков?

– Айз Седай... – пробормотал мужчина. Невидимый за столпившимися вокруг стола, он, наверное, и был тем самым спутником Ледара. Сегодня утром среди кухонных работников Самитзу взрослых мужчин не видела. – Скажите, по-вашему, они в самом деле связали узами тех мужчин, о которых вы говорили? Как Стражей? Этих самых Аша'манов? Скажите, как было с тем, который умер? Как это случилось, вы мне не рассказывали.

– Отчего же не сказать – его убил Дракон Возрожденный, – тонким голосом ответила Элдрид. – И зачем бы еще Айз Седай мужчин узами связывать? О-о-о, какие они ужасные, эти Аша'маны! Страх просто! Могут так глянуть – в камень превратишься. Их сразу узнаешь, с одного взгляда. Глаза такие жуткие, огнем горят.

– Уймись, Эдрид, – строго сказала госпожа Белдайр. – Может, они и Аша’маны, а может, и нет, мастер Андерхилл. И узами их, может, и связали, а может, и не связали. Вам любой – и я, и кто угодно – может сказать лишь одно: они были с *ним*. – Тон, каким было сказано последнее слово, ясно давал понять, кого она имела в виду. Эдрид, может, и считала Ранда ал’Тора чудовищем, но эта женщина даже имени его произносить не желала. – А когда *он* ушел, Айз Седай вдруг стали указывать им, что надо делать, а они это делали. Конечно, любому дураку понятно: раз Айз Седай что-то велит делать, то надо делать. Все равно теперь этих парней нет, они ушли. А с чего это вы так ими интересуетесь, мастер Андерхилл? Кстати, имя-то у вас андорское?

Ледар запрокинул голову и засмеялся, рокошующий гул заполнил комнату. Уши огира лихорадочно подергивались.

– Ах, госпожа Белдайр, мы просто хотим все знать о том месте, куда пришли. Вы меня о Пограничных землях спрашивали, да? Вы думаете, у вас тут холодно? Да мы видели, как в Пограничных землях от холода деревья раскальваются, будто орехи в огне. У вас по реке вниз по течению льдины плывут, а мы видели замерзшие реки, шириной с Алгуэню, и через них купцы переправляют целые караваны фургонов. Люди ловят рыбу через лунки, пробитые во льду толщиной чуть ли не в целый спан. А по ночам в небесах сверкают и переливаются полосы света, такие яркие, что не видно звезд, и...

Даже госпожа Белдайр подалась к огиру, замороженная его рассказом, но тут один юный поваренок, которому малый рост не позволял рассмотреть необычного гостя из-за спин взрослых, оглянулся, и его взор случайно наткнулся на Самитзу и Сашалле. Глаза мальчишки округлились, и, не в силах отвести взгляда, он уставился на Айз Седай, но сумел поднять руку и дернуть госпожу Белдайр за рукав. В первый раз она отмахнулась, не обернувшись. После второго рывка она с сердитым видом повернула голову, но грозное выражение вмиг исчезло с лица, когда она тоже увидела Айз Седай.

– Да пребудет с вами благодать, Айз Седай, – промолвила госпожа Белдайр, поспешно заправляя выбившие пряди под чепец и приседая в реверансе. – Чем могу служить?

Ледар осекся на полуслове, и уши его на миг одервенели. На дверь он не оглянулся.

– Мы бы хотели побеседовать с вашими гостями, – сказала Сашалле, входя в кухню. – Думаю, мы недолго будем мешать вам.

– Разумеется, Айз Седай.

Если толстуха и испытывала удивление оттого, что двум сестрам вздумалось поговорить с заявившимися на кухню путниками, то она ничем не выказала своих чувств. Повернув голову направо и налево и окинув всех строгим взглядом, госпожа Белдайр хлопнула в ладоши и принялась сыпать распоряжениями:

– Эдрид, эта репа сама себя не почистит!

– Кому поручили следить за соусом из винных ягод? Сушеные винные ягоды теперь трудно достать!

– Каси, где твоя ложка для соуса?

– Андил, ну-ка бегом, принеси...

Кухарки и повара бросились врассыпную, и очень скоро кухня огласилась звоном ложек и грохотом кастрюль, хотя все явно старались производить как можно меньше шума, дабы не мешать Айз Седай. Столь же очевидно они старались даже не смотреть в сторону гостей, хотя для этого им и приходилось прикладывать немалые усилия.

Огир легко поднялся на ноги, головой едва не упершись в толстые потолочные балки. Его одежда была такой, какую Самитзу помнила по прежним встречам с представителями его племени: долгополый, до самых отворотов сапог, темный кафтан. Пятна на кафтане свидетельствовали о долгой дороге; огиры известны как весьма брезгливый и опрятный народ. Даже кланяясь Самитзу и Сашалле, огир едва повернул к ним лицо и сразу принялся тереть как будто

внезапно зачесавшийся широкий нос, слегка прикрыв ладонью лицо. Но все равно он выглядел юным – для огира.

– Простите нас, Айз Седай, – пробормотал он, – но нам и вправду нужно идти дальше. – Нагнувшись, огир подобрал объемистую кожаную суму, поверх которой было приторочено большое скатанное одеяло. Бока плотно набитой сумы оттопыривались, – похоже, там лежали какие-то прямоугольные предметы. Огир перекинул лямку через плечо. – До ночи нам предстоит еще немало пройти.

Однако его спутник – светловолосый молодой человек, с недельной щетиной и, похоже, не одну ночь спавший не снимая измятой коричневой куртки, – продолжал сидеть на месте, положив руки на стол. Его темные глаза настороженно следили за Айз Седай – он напоминал загнанного в угол лиса.

– И куда вы намерены добраться до ночи? – Сашалле подошла поближе и остановилась перед юным огиром, вытянув шею, чтобы рассмотреть его. Причем со стороны она казалась весьма грациозной, словно подобная неудобная поза не доставляла ей затруднений. – Вы направляетесь на встречу в стеддинг Шангтай? Мастер... Ледар? Верно?

Стоявшие торчком уши огира неистово задергались и замерли; глаза, размером с чайное блюдце, сузились в настороженном прищуре, совсем как у его молодого спутника; а свисавшие кончики бровей мазнули по щекам.

– Я Ледар, сын Шандина, внук Коймала, Айз Седай, – неохотно отозвался огир. – Но я вовсе не иду на Великий Пень. И зачем? Старейшины меня и близко не подпустят, так что вряд ли я услышу, о чем они будут говорить. – Он издал низкий басовитый смешок, который показался ей наигранным. – Может, сегодня вечером мы и не доберемся, куда хотим, Айз Седай, но чем больше лиг мы пройдем, тем меньше лиг придется идти завтра. Нам пора в дорогу.

Небритый молодой человек встал, нервно проведя ладонью по длинному эфесу меча, висевшего на поясе. Однако, когда огир направился к двери, ведущей наружу, он не сделал ни малейшего движения, чтобы подобрать заплечный мешок и скатку одеяла, которые лежали у его ног. Он продолжал стоять, даже когда огир сказал через плечо:

– Нам нельзя мешкать, Карлдин. Пора идти.

Сашалле плавным движением встала на пути огира, хотя на один его шаг приходилось три ее.

– Мастер Ледар, вы искали работу каменщика, – промолвила она не допускающим шуток тоном, – но я видела руки каменщиков. У вас не такие мозолистые ладони, как у них. Будет лучше, если вы ответите на мои вопросы.

Сдержав торжествующую улыбку, Самитзу встала рядом с Красной сестрой. Вот как, Сашалле думает, что может просто отодвинуть ее в сторону и вынюхивать, что тут творится? Что ж, тогда ее ждет сюрприз.

– Вам действительно нужно немного задержаться, – тихим голосом сказала Самитзу, обращаясь к огиру. Из-за шума на кухне их вряд ли кто сумел бы подслушать, но осторожность не помешает. – Когда я прибыла в Солнечный дворец, я уже слышала про молодого огира, друга Ранда ал’Тора. Несколько месяцев назад он покинул Кайриэн в сопровождении молодого человека по имени Карлдин. Разве не так, Лойал?

Уши огира поникли.

С губ молодого парня сорвалось непристойное ругательство, которое – это он должен был давно усвоить – лучше в присутствии сестер не произносить.

– Я ухожу, когда пожелаю, Айз Седай, – заявил он грубо, но приглушенным голосом. Хотя внимание его всецело было поглощено Самитзу и Сашалле, тем не менее он не забывал, что поблизости мог оказаться кто-нибудь из работавших на кухне. Ему тоже не хотелось, чтобы их

разговор подслушали. – Но пока я не ушел, я хотел бы получить ответы на некоторые вопросы. Что случилось с... моими друзьями? И с *ним*? Он впал в безумие?

Лойал тяжело вздохнул и успокаивающе поднял руку.

– Спокойно, Карлдин, – пробормотал он. – Ранду не понравится, если ты влипнешь в неприятности с Айз Седай. Успокойся.

Хмурый Карлдин стал еще угрюмее.

Вдруг до Самитзу дошло, что она могла бы вести разговор и лучше. Она видела уже глаза не загнанного в угол лиса, а волка. Она слишком привыкла к Дамеру, Джахару и Эбену, благополучно связанным узами и прирученным. Возможно, это преувеличение, хотя Мерисе и пришлось повозиться с Джахаром – у Мерисы вечно все непросто, – однако казалось, что если достаточно долго с этим жить, то вчерашний ужас может превратиться в сегодняшний источник радости. Карлдин Манфор тоже был Аша'маном, но вовсе не связанным узами и не прирученным. Интересно, он сейчас обнимает мужскую половину Силы? Самитзу чуть не рассмеялась. Летают ли птицы?

Сашалле рассматривала молодого человека пристально, изучающе; ее руки слишком уж спокойно лежали поверх юбок, но Самитзу испытывала радость, что не видит вокруг нее сияния саидар. Аша'маны чувствовали, когда женщина обращается к Силе, а такое действие могло заставить его поступить... опрометчиво. Бесспорно, вдвоем Самитзу с Сашалле с ним справиться... А смогут они справиться, если он уже обратился к Силе? Разумеется. Конечно смогут! Но будет намного лучше, если они не доведут дела до этого.

Сейчас Сашалле, очевидно, не предпринимала шагов, чтобы взять инициативу на себя, поэтому Самитзу легким движением положила свою ладонь на ее левую руку. На ощупь, сквозь ткань рукава, кожа казалась бруском железа. Сашалле была встревожена не меньше ее. Не меньше ее? О Свет, Дамер и двое других полностью притупили ее внутреннее чутье!

– *Он*, когда я видела его в последний раз, казался таким же здравомыслящим, как и большинство мужчин, – негромко промолвила Самитзу, лишь слегка выделив первое слово. Никого из кухонных работников не было рядом, но кое-кто украдкой косился в сторону стола. Лойал с облегчением шумно вздохнул – с таким звуком ветер вырывается из зева пещеры, но она все внимание сосредоточила на Карлдине. – Где он теперь, я не знаю, но несколько дней назад он был жив. – Помимо этого, Аланна и словом не обмолвилась, держа рот на замке, точно устрица, захлопнувшая створки, да и вела она себя весьма властно – с запиской Кадсуане в руках. – Боюсь, Федвин Морр умер от яда, но не имею представления, кто ему дал яд. – К ее изумлению, Карлдин лишь покачал головой, с удрученной миной на лице, и пробормотал что-то невразумительное о вине. – Что касается остальных, то они по собственной воле стали Стражами. – Насколько любой мужчина вообще что-либо делает по собственной воле. Вот ее Рошан точно не желал становиться Стражем, пока она сама не решила, что этого хочет. Любая женщина, даже не Айз Седай, обычно способна сделать так, чтобы мужчина принял то решение, какое ей нужно. – Они сочли, что такой выбор лучше, безопаснее, чем возвращение... к прочим, вроде тебя. Как видишь, разрушения тут были нанесены посредством *саидин*. Ты же понимаешь, кто стоит за всем этим? Кто пытался убить того, о чьем рассудке ты тревожишься.

Похоже, и это Карлдина тоже несколько не удивило. Да что вообще за люди эти Аша'маны? Неужели их пресловутая Черная Башня – гнездилище убийц? Но напряжение оставило его, он расслабился и внезапно превратился в утомленного долгой дорогой молодого парня, которому не мешало бы побриться.

– О Свет! – прошептал он. – Что нам теперь делать, Лойал? Куда идти?

– Я... не знаю, – ответил Лойал, устало ссутулившись. Уши его поникли. – Я... Нам нужно его найти, Карлдин. Как-нибудь отыскать. Сдаваться нельзя. Нам нужно известить его, что мы выполнили его просьбу. Насколько это было в наших силах.

Самитзу терялась в догадках, о чем таком их просил ал'Тор. Толика везения, и она сумеет немало узнать у этих двоих. Усталый мужчина и огир, чувствующий себя одиноким и потерянным, – оба вполне созрели, чтобы дать ответы на вопросы.

Карлдин слегка вздрогнул, рука его стиснула эфес меча, и Самитзу сама едва удержалась от проклятия, когда в помещение вбежала дворцовая прислужница. Юбки она подобрала чуть ли не до колен.

– Лорда Добрэйна убили! – пронзительно завопила она. – Нас всех поубивают! Прямо в постелях! Я своими глазами видела живого мертвеца! Старого Марингила собственной персоной! А матушка говорит: теперь тебя призраки убьют там, где случилось убийство! Они...

При виде Айз Седай служанка едва сумела остановиться, да так и застыла с отвалившейся челюстью, по-прежнему вцепившись в юбки. Повара и кухарки застыли тоже, и все искоса смотрели на них: что будет дальше?

– Только не Добрэйна, – застонал Лойал. Его уши буквально прижались к голове. – Только не его.

Лицо у него окаменело, и он выглядел в равной степени опечаленным и разгневанным. Самитзу не помнила, чтобы когда-нибудь видела разъяренного огира.

– Как тебя зовут? – требовательно спросила Сашалле у женщины в дворцовой ливрее, прежде чем Самитзу успела раскрыть рот. – Откуда тебе известно, что его убили? Откуда ты вообще взяла, что он мертв?

Женщина судорожно сглотнула под неотрывным холодным взором Сашалле.

– Я Чера... Айз Седай, – заикаясь, промолвила она, сгибая колени в реверансе. И только тут до служанки дошло, что она по-прежнему приподнимает юбки. Поспешно оправив их, она, казалось, разволновалась еще больше. – Меня зовут Чера Дойнал. Я слышала... Все говорят, что лорд Добрэйн... То есть что его... Они... Это... – Она вновь шумно сглотнула. – Все говорят, что его апартаменты залиты кровью. Там его и нашли. Он лежал в громадной луже крови. И, говорят, с отрубленной головой.

– Говорят-то они много чего, – мрачно заметила Сашалле, – и обычно немало врут. Самитзу, ты пойдешь со мной. Если лорд Добрэйн действительно ранен, может, ты сумеешь что-то для него сделать. Лойал, Карлдин, вы тоже пойдете с нами. Не хочу выпускать вас из виду, пока у меня не будет возможности задать вам несколько вопросов.

– Да чтоб им сгореть, вопросам вашим! – прорычал юный Аша'ман, вскидывая свои пожитки на плечо. – Я уйду!

– Нет, Карлдин, – мягко промолвил Лойал, положив на плечо товарищу огромную ладонь. – Нам нельзя уходить, пока мы не узнаем, что с Добрэйном. Он – друг, друг Ранда и мой. Мы не можем уйти. Да и все равно, куда нам торопиться?

Карлдин смотрел в сторону. Он ничего не ответил.

Самитзу зажмурилась, сделала глубокий вдох, но ничего не помогло. Она поймала себя на том, что послушно выходит следом за Сашалле из кухни, вновь торопливо шагает, стараясь поспевать за ее стремительной, скользкой походкой. Вообще-то, как оказалось, Самитзу едва ли не бежала: Сашалле шла еще быстрее, чем прежде.

Едва Айз Седай вышли за дверь, как позади них невнятно загомонили голоса. По всей вероятности, кухонный люд накинулся на служанку, ожидая подробностей случившегося, подробностей, которые она, коли не достанет осведомленности, скорее всего, сочинит. Из кухни расплзется с десятков различных версий, а возможно, их будет столько же, сколько там поварих и подручных. Хуже всего, что наверняка разойдется с десятков различных сплетен и о происшедшем на кухне, это не считая тех пересудов, источником которых уже, несомненно, стала Коргайде. Самитзу едва ли могла припомнить день, который складывался бы для нее так плохо и так непредсказуемо, как будто, поскользнувшись на одной обледеневшей ступеньке,

под ногой обнаруживаешь внизу другую, не менее скользкую, а потом и еще одну. Да после такого Кадсуане снимет с нее шкуру и нашьет перчаток!

Хорошо хоть Лойал и Карлдин тоже плетутся позади. Что бы Самитзу ни узнала от них, это может стать преимуществом, поможет спасти хоть что-то. Торопливо идя рядом с Сашалле, она изредка бросала на них через плечо быстрые взгляды. Укоротив шаг, чтобы не обогнать Айз Седай, огир озабоченно хмурился. Наверное, тревожился из-за Добрэйна, но также, вероятно, беспокоился и о таинственном поручении, которое выполнил, «насколько это было в его силах». Вот эту загадку ей необходимо разрешить. Юный Аша'ман без труда поспевал за ними, хотя всем своим видом выражал упрямое нежелание повиноваться, а его рука то и дело поглаживала рукоять меча. Вовсе не от стали исходила заключающаяся в нем опасность. Он с нескрываемым подозрением смотрел в спины идущим впереди Айз Седай, а стоило ему встретиться взглядом с Самитзу, как глаза его вспыхивали мрачным огнем. Впрочем, Карлдину хватало ума помалкивать. Позже Самитзу нужно будет найти способ развязать ему язык, и не только для злобного ворчания.

Сашалле ни разу не оглянулась, чтобы убедиться, что Лойал с Карлдином следуют за нею, хотя, вообще-то, ей достаточно было слышать стук сапог огира по выложенному плитками полу. На ее лице отражалась задумчивость, и Самитзу многое бы дала, чтобы узнать, о чем та размышляет. Пусть она и дала клятву верности Ранду ал'Тору, но как эта клятва защитит ее от Аша'мана? И в конце концов, она ведь из Красной Айя. Лицо у Сашалле изменилось, но это – нет. О Свет, вот она – наихудшая из всех опасных ступенек!

Затем был долгий нелегкий подъем из кухонь в апартаменты лорда Добрэйна в Башне Полной луны, которую обычно отводили для знатных гостей высокого ранга, и на всем пути Самитзу замечала свидетельства того, что Чера далеко не первой услышала, о чем говорят те вечно безымянные «они». Вместо нескончаемо текущих по коридорам потоков слуг взгляд все чаще наткался на взволнованные группки встревоженно перешептывающихся людей. При появлении Айз Седай они торопились разойтись и скрыться с глаз. Кое-кто замирал с открытым ртом при виде шагнувшего по дворцу огира, однако по большей части они едва ли не убежали прочь. Дворян, прежде фланировавших по коридорам, точно ветром сдуло; несомненно, они все сидели по своим комнатам, обдумывая, какие перспективы и опасности сулит им гибель Добрэйна. О чем бы там ни размышляла Сашалле, у Самитзу никаких сомнений не было. Будь Добрэйн жив, его слуги уже дорого заплатились бы за длинные языки.

Еще одно подтверждение случившегося – в коридоре, возле дверей в покои Добрэйна, толпились слуги с мертвенно-бледными лицами, рукава их ливрей до локтя были в поперечную синю-белую полоску – цвета Дома Таборвин. Некоторые плакали, у других были потерянные лица, точно из-под ног у них выдернули основу мироздания. Повинуясь распоряжению Сашалле, слуги расступились и пропустили Айз Седай, двигаясь механически или будто пьяные. Застывшие взоры скользили по фигуре огира, люди даже не понимали, кто это. Кое-кто вспомнил об учтивости и вяло склонился в поклоне.

Внутри, в передней, было полно слуг Добрэйна, стоявших с оглушенным видом. Сам Добрэйн недвижимо лежал на носилках в центре просторной комнаты, голова по-прежнему оставалась на плечах, но глаза были закрыты, и кровь из длинной раны на голове, залившая неподвижные черты лица, уже подсыхала. Из уголка приоткрытого рта сочилась тонкая темная струйка. Двое слуг – по их щекам струились слезы – уже собирались накрыть белой тряпкой лицо своего хозяина, но замешкались при виде Айз Седай. Добрэйн, казалось, уже не дышал, и на груди его кафтана с тонкими разноцветными полосками, доходившими от горла почти до самых колен, зияли окровавленные разрезы. Возле носилок, на отороченном бахромой желто-зеленом тайренском ковре с рисунком в виде лабиринта, растеклось огромное темное пятно, превышавшее размерами человеческую фигуру. Любой, кто потеряет столько крови, должен умереть. Еще двое мужчин валялись на полу: остекленевшие глаза одного невидяще уставив-

лись в потолок, другой лежал на боку, между его ребрами, там, где клинок наверняка достанет до сердца, торчала костяная рукоять ножа. Низкорослые, светлокожие кайриэнцы, на обоих – ливреи дворцовых слуг; но слуги никогда не носили длинных кинжалов с деревянными рукоятками, какие валялись возле каждого трупа. Слуга Дома Таборвин, который занес было ногу, чтобы пнуть один труп, остановился, заметив вошедших Айз Седай, а потом все равно сильно двинул мертвеца по ребрам носком сапога. Совершенно очевидно, сейчас о внешних приличиях никто и не помышлял.

– Уберите прочь эту тряпку, – велела Сашалле стоявшим у носилок мужчинам. – Самитзу, посмотри, чем ты можешь помочь лорду Добрэйну.

Самитзу машинально шагнула к Добрэйну, но этот приказ – это явно был приказ! – заставил ее запнуться. Скрипнув зубами, она подошла к кайриэнскому лорду и осторожно опустилась на колени возле носилок, по другую сторону от все еще влажного темно-красного пятна и аккуратно возложила ладони на залитую кровью голову Добрэйна. Ее никогда не волновало, что кровь испачкает пальцы, но свести кровавые пятна с шелка практически невозможно, если только не прибегнуть к Силе; а она до сих пор испытывала угрызения совести, когда понапрасну использовала Силу для чего-нибудь настолько приземленного.

Делать необходимые плетения было для Самитзу все равно что дышать, поэтому она, не задумываясь, тут же обняла Источник и принялась при помощи Искательства обследовать кайриэнского лорда. И изумленно заморгала. Повинуясь внутреннему чутью, она заставила себя продолжать, хотя была уверена, что видит в комнате три мертвых тела, однако жизнь в Добрэйне еще теплилась. Крохотный, подрагивающий огонек, который с легкостью может погаснуть от шока Исцеления. От шока того способа Исцеления, который был ей известен.

Самитзу нашла взглядом светловолосого Аша'мана. Тот, присев на корточки, невозмутимо обыскивал трупы, не обращая внимания на потрясенные взоры слуг. Одна женщина вдруг заметила Лойала, остановившегося у самой двери, и вытаращила на него глаза, как будто он возник из ниоткуда. Со сложенными на груди руками и с мрачным выражением лица огир выглядел так, будто стоял на карауле.

– Карлдин, ты знаешь тот вид Исцеления, который применяет Дамер Флинн? – спросила Самитзу. – В котором используются все Пять Сил?

Он помолчал, хмуро глядя на нее.

– Флинн? Я даже не понимаю, о чем речь. Да и все равно у меня мало таланта к Исцелению. – Посмотрев на Добрэйна, Карлдин добавил: – По мне, он кажется мертвым, но надеюсь, вы сумеете его спасти. Он сражался у Колодцев.

И вновь склонился над мертвым слугой, продолжая рыться в карманах и складках его кафтана.

Самитзу облизнула губы. В подобных ситуациях возбуждение от наполненности саидар, как ей казалось, всегда ее как-то унижает. В таких ситуациях плохи все решения, которые она может избрать.

Самитзу осторожно собрала вместе потоки Воздуха, Духа и Земли, сводя их в основное плетение Исцеления, известное каждой сестре. На памяти живущих ни у кого талант к Исцелению не был настолько силен, как у нее, и большая часть сестер обладала весьма ограниченными способностями к этому, некоторым под силу было излечить разве что синяки. Способности Самитзу к Исцелению почти не уступали совместным усилиям нескольких сестер, соединившихся в круг. Большинство из них едва ли хоть в какой-то степени могли регулировать плетение; а большая часть даже и не пыталась этому научиться. Самитзу же обладала подобной способностью с самого начала. Как жаль, что она не может Исцелить что-то одно, отдельно взятое, оставив все прочее как было, – на такое способен Дамер; ее воздействие скажется на всем, начиная с колотых ран и кончая заложенным носом, – насморком Добрэйн тоже мучился. Благодаря Искательству Самитзу узнала обо всем, чем тот страдал. Но она могла избавить от

самых худших ран, как будто их и не было, или сделать так, чтобы исцеленный ею имел бы такой вид, словно не один день оправлялся от болезни или ран сам по себе, без ее помощи. Либо же она могла добиться Исцелением любого удобного ей результата в диапазоне между этими двумя крайностями. Ни один вариант не отнимет у нее больше сил, чем какой-либо другой, однако при Исцелении раненый затратит меньше физических сил. Чем слабее оказанное на тело воздействие, тем меньше телесных сил оно отнимает. Вот только, за исключением глубокой резаной раны на голове, все ранения Добрэйна были крайне серьезны: четыре глубоких проникающих в легкие, причем два из них заделали также и сердце. Самое мощное Исцеление убьет его прежде, чем раны успеют затянуться, и в то же время самое слабое воздействие возвратит его к жизни лишь затем, чтобы он захлебнулся кровью. Ей необходимо выбрать что-то среднее и надеяться, что она поступила верно.

«Я – лучшая из всех, – решительно заявила себе Самитзу. Так ей сказала Кадсуане. – Я – самая лучшая!»

Чуточку изменив плетение, Самитзу позволила ему просочиться в лежащего без движения мужчину.

Когда тело Добрэйна конвульсивно дернулось, кто-то из слуг в смятении вскрикнул. Добрэйн приподнялся, широко раскрыв глубоко посаженные глаза, и оставался в таком положении достаточно долго, чтобы изо рта вырвались звуки, очень и очень похожие на предсмертные хрипы. Затем глаза его закатились, и он, выскользнув из-под воздействия Самитзу, с глухим стуком упал обратно на носилки. Она торопливо переиначила пряди Сил и, затаив дыхание, вновь погрузила плетение в тело Добрэйна. Он жив. Еще чуть-чуть, и он, такой слабый, мог бы умереть, но убили бы его не эти страшные раны, разве что косвенным образом. Даже сквозь запекшуюся на волосах и на выбритом лбу кровь Самитзу различала сморщенную розовую ниточку мягкого, только что зажившего шрама на голове. Точно такие же должны быть сейчас и под курткой, и если Добрэйн выживет, то при напряжении сил ему, возможно, будет болезненно не хватать дыхания, но сейчас он жил, и только это имело значение. Сейчас важно, чтобы он был жив. И конечно, еще важно то, кто хотел его убить и почему.

Отпустив Силу, Самитзу, чуть пошатываясь, встала. Покидая ее, саидар всегда оставляла ощущение усталости. Один из слуг, хлопая глазами, нерешительно протянул ей тряпку, которой до этого собирался прикрыть лицо своего лорда, и она вытерла о нее руки.

– Отнесите его в постель, – велела Самитзу. – Дайте ему как можно больше теплой воды с медом. Ему нужно поскорее набираться сил. И отыщите Мудрую Женщину... Или как она у вас называется? Предсказательница? Да, Предсказательницу. Она ему тоже понадобится.

Большого для Добрэйна она сделать не в силах, теперь ему могут помочь травы. По крайней мере, маловероятно, что они ему повредят, если он их получит из рук Предсказательницы, в крайнем случае женщина хотя бы проследит, чтобы воды с медом ему давали достаточно, но чтобы и не переусердствовали.

То и дело кланяясь и бормоча слова благодарности, четверо слуг подняли носилки с Добрэйном и унесли их вглубь апартаментов. Другие поспешили за ними, на их лицах отражалось облегчение. Несколько слуг выскочили в коридор, откуда через мгновение раздались радостные крики и приветственные возгласы, и Самитзу услышала, что ее имя повторяют рядом с именем Добрэйна. Очень лестно. Было бы еще приятнее, если бы Сашалле не улыбнулась и не кивнула бы ей одобрительно. Одобрительно! А почему бы еще заодно не погладить по головке?

Карлдин же, насколько заметила Самитзу, на Исцеление не обратил никакого внимания. Окончив обыскивать второй труп, он поднялся и, пройдя через всю комнату, подошел к Лойалу. Он попытался показать что-то огиру, заслонив находку спиной, чтобы не увидели Айз Седай. Лойал выхватил это – лист бумаги кремового цвета со следами сгибов – из руки Аша'мана и поднял на уровень своего лица, развернув толстыми пальцами. Сердитый взгляд Карлдина он проигнорировал.

– Но в этом нет никакого смысла, – пробормотал огир, читая бумагу с нахмуренным видом. – Полная бессмыслица. Если только... – Длинные уши затрепетали, огир умолк и обменялся напряженным взглядом со светловолосым парнем, который отрывисто кивнул в ответ. – О-о-о, тогда это очень плохо, – промолвил Лойал. – Карлдин, если их было не двое, а больше, и если они нашли... – Он вновь осекся, когда молодой человек яростно замотал головой.

– Позвольте, я взгляну, – сказала Сашалле, протянув руку, и, сколько бы она ни говорила «позвольте», ее слова вовсе не были просьбой.

Карлдин попытался вырвать записку из руки Лойала, но огир спокойно отдал ее Сашалле. Та внимательно ее изучила, причем выражение ее лица ничуть не изменилось, а потом передала Самитзу. Бумага на ощупь была плотной, гладкой и явно дорогой, и выглядела она почти новой. Самитзу пришлось сделать над собой усилие: пока она читала, ее брови от удивления едва не поползли на лоб.

По моему приказу предъявители сего должны забрать из моих покоев некие известные им предметы и вынести их из Солнечного дворца. Тайно проводите их в мои апартаменты, окажите всяческую помощь, если таковая им потребует, и молчите об этом, именем Дракона Возрожденного и под страхом его гнева.

Добрэйн Таборвин

Написанные Добрэйном бумаги Самитзу доводилось видеть довольно часто, поэтому она признала его руку в округлом почерке.

– Очевидно, искусная подделка. Кому-то понадобились услуги большого умельца, – отметила Самитзу, заслужив быстрый презрительный взгляд Сашалле.

– Маловероятно, чтобы он собственноручно написал эту бумагу, а потом был по ошибке ранен своими же людьми, – язвительным тоном промолвила Красная сестра. Она обратила свой взор на Лойала и Аша'мана. – Что они могли искать? – требовательно спросила Сашалле. – Вы боитесь, что они что-то нашли? Что же именно?

Карлдин в ответ безучастно уставился на нее.

– Я ничего особенного в виду не имел. Просто решил, что они что-то искали, – ответил Лойал. – Они ведь пробрались сюда, чтобы что-то украсть.

Но его остроконечные уши с кисточками на кончиках так судорожно подергивались, что едва не вибрировали; он пытался справиться со своими чувствами. Вообще-то, из огиров лжецы – никудашные, по крайней мере из молодых.

Сашалле медленно покачала головой, тряхнув локонами:

– То, что вам известно, – очень важно. Вы двое не уйдете, пока и я этого не узнаю.

– И как вы нас остановите? – От спокойного тона, каким Карлдин произнес эти слова, таящаяся в них угроза стала еще опаснее. Он бесстрастно встретил взгляд Сашалле, как будто ему вовсе не о чем было волноваться. Да уж, точь-в-точь волк, а никакой не лис!

И тут в повисшей зловещей тишине раздался голос Росары Медрано.

– Я уж думала, никогда не отыщу вас, – заявила, входя в комнату, высокая женщина, смуглой кожей походившая на загорелых Айил. Она еще не успела снять ни красных перчаток, ни подбитого мехом плаща. Откинутый на спину капюшон открывал черные волосы, украшенные гребнями из дорогой поделочной кости. Растаявший снег оставил на плечах влажные пятна. С первыми лучами солнца Росара отправилась на поиски пряностей для какого-то особого блюда из рыбы по рецепту ее родного Тира. На Лойала и Карлдина она едва взглянула, не стала она и тратить времени на расспросы о случившемся в апартаментах Добрэйна. – Самитзу, в город приехала группа сестер. Чтобы опередить их, я гнала как сумасшедшая, но в эту самую минуту они уже могут въезжать во дворец. С ними Аша'маны, а один из Аша'манов – Логайн!

Карлдин разразился резким лающим смехом, и Самитзу вдруг пришло в голову: а проживет ли она столько, чтобы Кадсуане успела спустить с нее шкуру?

Глава 1

Пора уходить

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, которая давно миновала, ветер поднялся в холмах Раннон. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

Рожденный среди рощ и виноградников, покрывающих склоны массивных холмов, среди рядов вечнозеленых олив, среди до весны лишенных листья опрятных виноградных лоз, холодный ветер летел на северо-запад, над зажиточными фермами, усеявшими страну от холмов до великой гавани Эбу Дар. Земля еще лежала под паром, но мужчины и женщины уже смазывали лемеха плугов и чинили упряжь, готовясь к весеннему севу. Они не обращали особого внимания на вереницы тяжело нагруженных повозок, движущихся по проселкам на восток, – повозок, в которых сидели люди в странных одеждах и говорившие со странным акцентом. Многие из чужеземцев, по-видимому, и сами были фермерами – к их повозкам были приторочены знакомые земледельческие инструменты, а в самих повозках виднелись саженцы неизвестных растений с корнями, обернутыми грубой холстиной; но земли, в которые они направлялись, лежали где-то далеко за горизонтом. Это не имело никакого касательства к жизни здесь и сейчас. Рука шончан легка для тех, кто не спорит с законом шончан, и фермеры Раннонских холмов не видели большой перемены в своей жизни. Настоящим хозяином для них всегда был дождь – или его отсутствие.

Ветер летел на северо-запад, через широкое сине-зеленое пространство гавани, где сотни больших кораблей качались на якорях на беспокойной зыби; одни были крутоносными, с полосатыми парусами, другие – длинными и с острыми носами, и люди на них старались приспособить паруса и такелаж так, чтобы они походили на оснастку других, более широких судов. Количество этих кораблей, однако, было не так уж велико по сравнению с тем, что качалось на этих волнах еще несколько дней назад. Многие из них лежали теперь на мелководе – обугленные скособочившиеся остовы, погруженные в вязкий серый ил, словно покрытые копотью скелеты. Суденышки поменьше чертили поверхность гавани, клонясь под треугольными парусами или ползя на веслах, похожие на многоногих водяных жуков; большинство их подвозили рабочих и припасы для тех кораблей, что еще держались на плаву. Другие небольшие суда и баржи были привязаны к тому, что казалось лишенными ветвей стволами деревьев, возвышающимися над синевато-зеленой водой; люди ныряли с них, держа в руках камни, чтобы добраться

до затонувших кораблей, и обвязывали веревками все, что можно было поднять наверх. Шесть ночей назад смерть прошла над этими водами – Единая Сила убивала мужчин и женщин и крушила во тьме корабли, расщепляя их сверкающими молниями и разбивая шарами огня. Сейчас наполненная волнением, кипящая деятельностью гавань казалась обителью мира и спокойствия по сравнению с той ночью; с вершушек волн срывались клочья пены, и их уносил ветер, летевший над устьем реки Элдар, туда, где оно расширялось, образуя гавань, – на северо-запад, вглубь страны.

Сидя, скрестив ноги, на вершущке огромного, поросшего коричневым мхом валуна над полоской камыша, окаймлявшей речной берег, Мэт ежился от ветра и сыпал про себя проклятиями. Он не нашел здесь ни золота, ни женщин, ни танцев или веселья. Только кучу неприятностей. Попросту говоря, это было последним местом, где он хотел бы оказаться, будь его воля. Солнце висело низко над горизонтом, небо над головой было блекло-свинцового цвета, а клубящиеся лиловые тучи, надвигающиеся со стороны моря, грозили дождем. Зима без снега была не похожа на зиму – он еще не видел в Эбу Дар ни одной снежинки, – но холодный и сырой утренний ветер, дующий с воды, мог не хуже любого снега пробрать человека до костей. Прошло шесть дней с тех пор, как он покинул город в ту бурную ночь; однако его ноющая поясница, казалось, до сих пор не могла поверить в то, что он уже не сидит в седле, вымокший до нитки. Это была не та погода и не то время суток, когда человек выходит из дому по своей воле. Он жалел, что ему не пришлось в голову взять с собой плащ. Он жалел, что не остался в своей постели.

Складки рельефа скрывали от его взгляда Эбу Дар, лежащий в миле к югу, и они же скрывали Мэта от города; но вокруг не было ни единого деревца, ничего достойного называться растительностью, а не платяной щеткой. Когда он находился вот так на открытом месте, ему всегда становилось не по себе. Тем не менее большой опасности не было. Его простая коричневая суконная куртка и шерстяная шапочка были совершенно не похожи на ту одежду, в которой его привыкли видеть в городе. Шрам на его шее был скрыт тускло-коричневым шерстяным платком (вместо черного шелкового), той же цели служил и поднятый воротник куртки. Ни клочка кружева, ни нитки вышивки. Скучный серый наряд, вполне подходящий для фермера, крутящего коровам хвосты. Никто из тех, кого он хотел избежать, не смог бы узнать его, даже если бы и увидел. Разве что подойдет вплотную. Тем не менее он все же надвинул шапку пониже на глаза.

– Ты долго будешь торчать здесь, Мэт? – Вытертая темно-синяя куртка Ноэла видала лучшие дни, как и он сам. Сутулый, с седыми волосами и сломанным носом, старик сидел под камнем на корточках, выставив над водой бамбуковую удочку. Большая часть его зубов давно выпала, и он имел привычку время от времени нащупывать языком те места, где они когда-то были, словно удивляясь их отсутствию. – Если еще не заметил, стало холодать. Люди обычно считают, что в Эбу Дар тепло, но зимой холодно везде, даже в таких местах, по сравнению с которыми Эбу Дар покажется Шайнаром. Мои кости требуют жаркого очага. Или хотя бы одеяла. С одеялом человек может вполне уютно устроиться и на ветру. Ты так и собираешься ничего не делать, кроме как глазеть на реку?

Мэт лишь посмотрел на него, ничего не отвечая, и Ноэл, пожав плечами, вернулся к своему почерневшему деревянному поплавку, колыхавшемуся среди редких камышей. Время от времени он потирал узловатую руку, словно желая показать, что его скрюченные пальцы особенно чувствительны к холоду; но если и так, он сам в этом виноват. Старый дурак – нечего было столько времени плескаться на мелководье, черпая мальков для наживки. Плетеная корзина с мальками стояла у берега, наполовину в воде, притопленная гладким камешком. Хоть Ноэл теперь и жаловался на погоду, он сам пришел к реке, его никто сюда не звал и не тянул. Судя по тому, что он рассказывал о себе, все те, кто был ему дорог, давно уже умерли, и, очевидно, он был рад любой компании, какая только ему попадется. Ему подходило даже обще-

ство Мэта, а ведь тот мог бы сейчас быть уже в пяти днях пути от Эбу Дар. Человек может покрыть большое расстояние за пять дней, если у него есть в этом нужда и имеется хорошая лошадь. Мэт не уставал думать об этом.

На той стороне Элдар, полускрытая одним из болотистых островков, что усеивали речную гладь, широкобокая лодка сложила весла; один из гребцов поднялся на ноги и начал шарить в камышах длинным крюком. Другой помог ему втащить в лодку то, что он выловил, – отсюда это выглядело как большой мешок. Мэт вздрогнул и начал смотреть вниз по течению реки. До сих пор еще находят тела, и он в ответе за это. Невинные погибли вместе с виновными. А если бы ты ничего не стал делать, погибли бы только невинные. По крайней мере, они были бы все равно что мертвы. Или даже хуже чем мертвы, это как посмотреть.

Он раздраженно сдвинул брови. Кровь и пепел, да он превращается в треклятого философа! Если постоянно принимать на себя ответственность, вся радость жизни может испариться, и человек превратится в комок сухой пыли. Чего ему сейчас действительно хотелось, так это чтобы в руке был большой кубок приправленного пряностями вина, на коленях – пышненькая симпатичная служаночка, а вокруг – уютная, наполненная музыкой и весельем общая комната в каком-нибудь трактире подальше от Эбу Дар. Чем дальше, тем лучше. Вместо этого перед ним лежали обязательства, от которых он не мог отвернуться, и будущее, которого он не мог предугадать. Нет никаких преимуществ в том, чтобы быть та'вереном, если уж Узор так сложился для тебя. Впрочем, его удача по-прежнему при нем. По крайней мере, он был жив и не был закован в цепи и брошен в темницу. Учитывая сложившиеся обстоятельства, это вполне можно считать удачей.

С его насеста открывался прекрасный вид на низовье реки и дальше, поверх последних низких заболоченных островков. Поднятые ветром брызги блестели над гаванью подобно легкой дымке, но они не могли скрыть того, что он хотел увидеть.

Мэт производил вычисления, пытаясь сосчитать оставшиеся на плаву корабли, чтобы понять, сколько кораблей погибло. Однако он постоянно сбивался, ему то и дело казалось, что он обсчитался, и приходилось начинать заново. К тому же в его мысли постоянно вторгались те женщины из Морского народа, что снова были взяты в плен. Он слышал, что на виселицах в Рахаде, на той стороне гавани, было выставлено более сотни трупов, на которых висели таблички со словами «убийца» и «бунтовщик». Обычно шончан использовали для таких целей топоры и колы, а веревку оставляли для Высокородных, но, очевидно, на этот раз преступление было достаточно велико, чтобы их повесили.

«Чтоб мне сгореть, если я не сделал все, что мог!» – хмуро подумал он. Нет никакого смысла терзаться из-за того, как мало он мог. Совершенно никакого смысла. Ни малейшего! Он должен сосредоточиться на тех, кто смог спастись.

Те Ата'ан Миэйр, которым удалось бежать, захватили корабли из гавани – их задачей было увезти столько своих людей, сколько возможно. Если учесть, что в Рахаде трудились тысячи заключенных из Морского народа, это означало, что им требовались в первую очередь большие корабли, то есть корабли шончан. Многие из кораблей Морского народа, разумеется, также были достаточно велики, но все они к этому времени уже не имели парусов и такелажа, поскольку их предполагалось переделать по шончанскому образцу. Если бы удалось высчитать, сколько шончанских кораблей осталось в гавани, он смог бы получить представление о том, сколько Ата'ан Миэйр в действительности получили свободу. Освободив Ищущих Ветер, он сделал то, что необходимо было сделать, – и это было единственное, что он мог сделать, – но, не считая повешенных, сотни и сотни трупов выловили из вод гавани за последние пять дней, и только Свет знает, сколько их было унесено в море приливами. Могильщики работали без отдыха от восхода до заката солнца; кладбища были переполнены плачущими женщинами и детьми. Мужчинами, впрочем, тоже. Немалая часть этих мертвецов была из Ата'ан Миэйр, и никто не плакал над ними, когда их сваливали в общие могилы; и он хотел иметь представление

о том, скольких из них он спас, чтобы уравновесить свои мрачные подозрения относительно того, скольких из них он убил.

Оценить, сколько кораблей нашли путь в Море штормов, было довольно трудно, даже не принимая во внимание трудности со счетом. В отличие от Айз Седай, Ищущие Ветер не имели ограничений на применение Силы в качестве оружия, тем более если на карту была поставлена безопасность их народа, и они, по-видимому, хотели пресечь преследование прежде, чем оно началось. Никто не пускается в погоню на горящем корабле. У шончан, с их *дамани*, было еще меньше причин воздерживаться с ответом.

Вспышки молний полосовали пелену дождя, более многочисленными, чем стебли травы; и огненные шары, огромные, с лошадь величиной, срывались с неба; и гавань была вся в огне от края до края; и, даже несмотря на бурю, эта ночь могла бы заставить побледнеть любое представление иллюминаторов.

Не поворачивая головы, Мэт мог насчитать дюжину мест, где на мелководье вздымались над водой обугленные ребра шончанского корабля или обширный остов с тупым носом лежал на боку, а волны лизали накренившуюся палубу; но вдвое больше было мест, где очертания полусгоревших каркасов были тоньше, изящнее, – это были останки кораблей Морского народа. Очевидно, они не хотели оставлять свои корабли тем, кто заковал их в цепи. Три дюжины кораблей виднелись непосредственно в поле его зрения, и это не считая затонувших, над спасением имущества с которых трудились теперь многочисленные лодки. Возможно, бывалый моряк и отличил бы шончанский корабль от корабля Ата’ан Миэйр по торчащей над водой верхушке мачты, но ему такая задача была не по зубам.

Внезапно в нем проснулась память о давно минувшем – о том, как снаряжать корабли для атаки с моря и какое количество человек, на каком пространстве и на какое время может быть размещено. Эти воспоминания о древней войне между Фергансией и Морейной, разумеется, были не его воспоминаниями, но каким-то образом все же принадлежали и ему. Осознание того, что в его голове застряли кусочки жизней каких-то древних, незнакомых ему людей и жизней, которых он не прожил, теперь Мэта часто заставляло врасплох, так что, возможно, это все же были в некотором роде его воспоминания. Они были, несомненно, ярче, чем некоторые периоды его собственной жизни. Корабли, о которых он теперь вспомнил, по своим размерам явно уступали большинству судов в гавани, однако принципиально ничем от них не отличались.

– У них недостаточно кораблей, – пробормотал он.

В Танчико у шончан осталось даже больше судов, чем пришло сюда, но здесь их потери выглядели достаточно существенными.

– Недостаточно для чего? – спросил Ноэл. – Я никогда не видел столько кораблей в одном месте.

Это заявление в его устах значило немало. Послушать Ноэла, так он видел все, причем, как правило, то, что он видел, было больше и величественнее, нежели то, что находилось у него под носом. У них дома сказали бы, что на кошеле, где он держит правду, тугие тесемки.

Мэт покачал головой:

– У них осталось недостаточно кораблей, чтобы переправить всех обратно домой.

– Мы не собираемся отправляться домой, – раздался сзади неторопливый женский голос. – Мы уже дома.

Он, правда, не подпрыгнул при звуке тягучего, глотающего окончания слов голоса с шончанским акцентом, но был близок к тому, пока не узнал говорившую.

Эгинин смотрела сердито, ее глаза напоминали голубые кинжалы, но это относилось не к нему. По крайней мере он так решил. Девушка была высокой и стройной, кожа ее сурового лица была бледной, несмотря на то что она всю жизнь провела в море. Ее зеленое платье было почти таким же ярким, как у Лудильщиков, а высокий ворот и рукава были вышиты множе-

ством мелких желтых и белых цветочков. Пестрый платок, туго завязанный под подбородком, удерживал копну длинных черных волос, волнами спадающих ей на плечи и до самого пояса. Она ненавидела этот платок и это платье, которое к тому же было ей не по размеру, но ее руки то и дело проверяли, не сбился ли парик. Это волновало ее даже больше, чем одежда, если только слово «волновало» подходит для того, чтобы передать степень ее озабоченности.

Эгинин лишь вздохнула при известии, что должна остричь свои длинные ногти, но, когда он сказал, что собирается побрить ее наголо, с ней случился настоящий припадок: лицо побарывело и глаза выпучились. Ее прежняя стрижка – волосы, выбритые над ушами, оставляющие «шапочку» на макушке и широкий хвост до плеч, – кричала о том, что она принадлежала к шончанской знати, правда мелкой. Даже тот, кто никогда в глаза не видывал шончан, запомнил бы ее с первого взгляда. Она с большой неохотой согласилась, но до тех пор, пока не смогла прикрыть свой голый череп, находилась в состоянии, близком к истерике. Впрочем, совсем не из-за того, из-за чего начала бы сходить с ума любая нормальная женщина. Дело в том, что у шончан лишь члены императорской фамилии брили себе головы. Лысеющие мужчины начинали носить парик сразу же, как только их плешь становилась хоть сколько-нибудь заметна. Эгинин скорее бы умерла, чем дала бы кому-нибудь повод подумать, что она претендует на принадлежность к императорской семье, даже людям, у которых подобная мысль в принципе не могла возникнуть. Претензия такого рода равносильна у шончан смертному приговору, но он никогда не поверит, что ее это может волновать. Что такое еще один смертный приговор для человека, чья голова и так уже считай что на плахе? Точнее, в ее случае это была шнур-удавка. Ему же полагалась петля на виселице.

Неуловимым движением пряча наполовину вытащенный нож обратно в левый рукав, Мэт соскользнул с валуна. Он приземлился неудачно и чуть было не упал, с трудом удержавшись, чтобы не поморщиться от резкой боли в бедре. Впрочем, ему удалось это скрыть. Эгинин была из благородных и к тому же командовала кораблем, да она и без того постоянно пыталась заботиться о нем, так что не стоило лишний раз давать ей повод, выказывая свою слабость. Да, это она пришла к нему на помощь, а не наоборот, но не все ли теперь равно. Облокотившись на валун и скрестив руки, он сделал вид, что просто отдыхает, лениво шевеля ногой пучки сухой травы, а сам тем временем выжидал, пока боль стихнет. Несмотря на холодный ветер, на лбу у Мэта выступили капельки пота. Бегство той ночью стоило ему неудачного приземления на бедро, и боль до сих пор давала о себе знать.

– Ты уверена в том, что говорила насчет Морского народа? – спросил он Эгинин.

Нет смысла продолжать разговор о недостаточном количестве кораблей. В любом случае слишком много шончанских поселенцев уже рассеялось по округе из Эбу Дар и, очевидно, еще больше – из Танчико. Сколько бы кораблей у них ни оставалось, никакая сила на земле теперь уже не в состоянии уничтожить всех шончан.

Она собралась было еще раз притронуться к парикю, но заколебалась, взглянула, нахмурившись, на свои короткие ногти и засунула руки под мышки.

– Что ты имеешь в виду?

Эгинин знала, что за побегом Ищущих Ветер стоял он, но оба они не упоминали об этом. Она вообще старалась избегать разговоров об Ата'ан Миэйр. Если даже не считать затонувших кораблей и погибших людей, освобождение дамани само по себе было деянием, заслуживающим смертного приговора, причем довольно отвратительным по шончанским меркам, – вроде изнасилования или соращения малолетних. Разумеется, она сама вызвалась помогать бегству некоторых из дамани, хотя, с ее точки зрения, это было наименьшим из ее преступлений. Однако этой теме Эгинин тоже старалась избегать. Здесь было несколько моментов, о которых она предпочитала умалчивать.

– Ты уверена насчет тех Ищущих Ветер, которых удалось поймать? Я слышал разговоры о том, что им отрубили то ли руки, то ли ноги.

Мэт сглотнул комок в горле. Он видел, как умирали люди, он своими руками убивал людей. Помилуй его Свет, он однажды даже убил женщину! Даже самые мрачные из чужих воспоминаний не жгли его сильнее, чем это, хотя некоторые из них были достаточно тяжелыми, чтобы топить их в вине каждый раз, когда они всплывали на поверхность. Но от мысли, что можно специально отрубить человеку руки, у него начинало сводить живот.

Эгинин дернула головой, и на какое-то мгновение он решил, что она не станет отвечать на его вопрос.

– Держу пари, что это говорила Ринна, – произнесла она с пренебрежительным жестом. – Некоторые *сул'дам* рассказывают подобную чепуху, чтобы запугать непокорных дамани, на которых только что надели ошейник, но в действительности никто не делал этого уже... ох, шесть или семь сотен лет. В любом случае таких сул'дам не так уж много, и люди, которые не в состоянии охранять без, э-э-э... нанесения увечий... – это просто *сей'мосив*. – Ее губы искривились от негодования, хотя было не ясно, относилось оно к увечьям или к *сей'мосив*.

– Презирают их или нет, но они делают это, – отрезал он. Оказавшиеся в положении *сей'мосив* считались у шончан ниже того, чтобы их презирать, но он сомневался, что человека, сознательно отрубившего женщине руку, можно унижить настолько, чтобы он покончил с собой. – А Сюрот относится к этим «немногим»?

Шончанка вспыхнула не меньше, чем он, и уперла кулаки в бока, наклонившись вперед и широко расставив ноги, словно она находилась на палубе корабля и собиралась распечь какого-нибудь тупоумного матроса.

– Верховная леди Сюрот не владеет этими дамани, безмозглый ты фермер! Они – собственность императрицы, да живет она вечно! Сюрот скорее могла бы отрубить руки себе, чем отдать подобный приказ относительно императорской дамани. Разумеется, я ни разу не слышала, чтобы она со своими подобным образом обходилась. Попытаюсь растолковать это на понятном тебе языке. Если твоя собака сбежит, ты не будешь калечить ее. Ты излущуешь ее так, чтобы она поняла, что этого делать не следует, и посадишь обратно на цепь. Между прочим, дамани к тому же...

– Слишком ценны, – сухо закончил за нее Мэт.

Он слышал все это столько раз, что его уже начинало тошнить.

Эгинин проигнорировала его сарказм, а может быть, просто не заметила. По своему опыту он знал, что, если женщина не хочет чего-то слышать, она может не обращать на это внимания до тех пор, пока ты сам не начнешь сомневаться, а говорил ли ты что-либо вообще.

– Ты наконец начинаешь понимать, – проговорила она, кивнув. – У этих дамани, о которых ты так беспокоишься, к настоящему времени, может быть, уже и рубцов не осталось. – Она перевела взгляд на корабли в гавани, и в глазах ее возникла тоска, которая усугублялась жестким выражением ее лица. Девушка прищелкнула пальцами. – Ты не поверишь, сколько стоила мне моя дамани, – продолжала она спокойным голосом, – она и сул'дам для нее. Но, разумеется, она стоила каждого «трона», что я за нее заплатила. Ее зовут Серриза. Хорошо обученная, отзывчивая. Она может обожраться засахаренными орехами, если ей это позволить, но у нее никогда не будет морской болезни или приступа хандры, как у некоторых. Жаль, что пришлось оставить ее на Канторине. Подозреваю, что больше никогда ее не увижу. – Эгинин с сожалением вздохнула.

– Уверен, что она скучает по вас так же, как и вы по ней, – сказал Ноэл, ослепляя ее щербатой улыбкой, и, по крайней мере, звучало это искренне.

Возможно, он действительно так думал. Он утверждал, что видел вещи и похуже, чем дамани и *да'ковале*, и клялся, что это правда.

Эгинин выпрямилась и нахмурила брови, словно не верила в его сочувствие. Или, возможно, девушка только сейчас осознала, как она смотрела на корабли. Во всяком случае, от гавани она отвернулась с большой неохотой.

– Я отдала распоряжение, чтобы никто не покидал лагерь, – жестко сказала Эгинин.

Скорее всего, члены ее команды подпрыгивали на месте, когда она говорила таким тоном. Она рывком повернула голову, словно боялась, что Мэт и Ноэл посмотрят туда, куда был направлен ее взгляд.

– Да неужели? – ухмыльнулся Мэт, скаля зубы. Он мог изобразить такую невыносимую ухмылку, которая довела бы до апоплексического удара самого самодовольного глупца. Эгинин в большинстве случаев трудно назвать глупой, но самодовольной она была. Еще бы – капитан корабля и благородных кровей. Он не знал, что хуже. Ну, да плевать и на то и на другое! – А я был почти готов отправиться туда. Если ты закончил с рыбалкой, Ноэл. Если нет, мы можем немного подождать.

Но старик уже вываливал оставшихся серебристо-серых мальков из корзины в воду. Его руки были все переломаны – и не один раз, судя по их корявому виду, – но тем не менее они очень ловко наматывали леску на бамбуковое удилице. За то короткое время, что он сидел с удочкой, Ноэл успел поймать с дюжину рыбешек и насадить их жабрами на связанную в кольцо тростинку; теперь он кинул их в корзину и поднял ее с земли. Он провозгласил, что если ему удастся найти нужные приправы, то угостит их тушеной рыбой – по-шарски, подумать только! Это так же невероятно, как рыба с Луны! Так что Мэт и думать забудет о своем бедре. Судя по тому, как Ноэл говорил о приправах, Мэт заподозрил, что, возможно, до рыбы дело не дойдет, поскольку старик упирал на то, что приправы очень острые и необходимо раздобыть побольше эля, чтобы не так горел язык.

Эгинин, нетерпеливо переминаясь, не обратила внимания и на Мэтову ухмылку, поэтому он обвил ее стан рукой. Если они собирались возвращаться, можно начинать прямо здесь. Она сбросила его руку со своего плеча. Рядом с этой женщиной тетушки некоторых знакомых ему девушек выглядели служанками в таверне.

– Предполагается, что мы с тобой пара влюбленных, – напомнил он ей.

– Здесь некому на нас смотреть! – рявкнула она.

– Сколько раз тебе повторять, Лильвин? – Это было имя, которым она здесь пользовалась. Она утверждала, что оно звучит как тарабонское. По крайней мере шончанским оно не выглядело. – Если мы не будем хотя бы держаться за руки, когда нас никто не видит, мы рискуем показаться весьма странной парочкой любому, кого увидим.

Она раздраженно фыркнула, однако позволила ему снова обнять себя за талию и сделала то же сама. Но не удержалась, чтобы не кинуть на него предостерегающий взгляд.

Мэт покачал головой. Да она безумнее зайца весной, если считает, что ему это нравится! У всех женщин есть хоть что-то мягкое поверх мышц (по крайней мере, у тех женщин, которые ему нравились), но обнимать Эгинин было все равно что обнимать столб изгороди. Ее талия была почти такой же твердой и так же была лишена гибкости. Он никак не мог догадаться, что Домон нашел в ней. Может быть, она не оставила иллианцу другого выбора. Она его попросту купила, как покупают лошадь. «Чтоб мне сгореть, я в жизни не пойму этих шончан», – подумал Мэт. Да ему не то чтобы очень и хотелось. Вот только ему надо было их понять.

Когда они уже повернулись, чтобы уходить, он бросил последний взгляд на гавань и почти пожалел об этом. Лишь два небольших суденышка виднелись сквозь плотную стену тумана, медленно плывущую вдоль гавани к морю. Плывущую против ветра. Пора уходить, давно пора.

От реки до Великого Северного тракта было больше двух миль пешком по холмистой местности, покрытой по-зимнему бурой травой и усеянной группами увитых лозами кустов, сквозь которые было невозможно проломиться даже сейчас, когда большая часть листвы опала. Возвышенности вряд ли заслуживали наименования холмов, по крайней мере для того, кто еще мальчиком лазил по Песчаным холмам и Горам тумана, – в его собственных воспоминаниях были провалы, но кое-что Мэт все же помнил, – однако вскоре он уже был рад, что его рука кого-то обнимает. Он слишком долго просидел без движения на этой проклятой скале.

Покалывание в бедре перешло в глухую боль, но он все же прихрамывал и без поддержки начал бы спотыкаться, взбираясь по склонам. Не то чтобы он опирался на Эгинин, нет, разумеется, но ощущение ее талии под рукой придавало ему устойчивости. Шончанка хмуро взглянула на него, словно он пытался к ней приставать.

– Если бы ты делал то, что тебе говорят, – проворчала она, – мне не пришлось бы тебя сейчас тащить.

Мэт снова оскалил зубы, на этот раз не пытаясь изображать ухмылку. Удивительно, как Ноэлу удавалось так легко ковылять рядом с ними; он ни разу не сбился с шага, одной рукой придерживая корзину с рыбой на бедре, а в другой неся удочку. Несмотря на то что старик выглядел весьма потрепанным жизнью, он был довольно-таки проворным. Временами даже чересчур проворным.

Их путь пролегал мимо северной части Небесного Круга с его длинными, открытыми с концов ярусами сидений из полированного камня, где в более теплую погоду зажиточные горожане восседали на мягких подушках под разноцветными холщовыми тентами и смотрели, как скачут их лошади. Сейчас тенты и шесты были убраны, лошади стояли в городских конюшнях – те, которых не забрали шончан, – и сиденья пустовали; лишь горстка мальчишек шныряла по ярусам вверх-вниз, играя в прятки. Мэт любил лошадей и скачки, но его глаза скользнули мимо Круга к Эбу Дар. Каждый раз, взбираясь на вершину очередного холма, он видел массивные белые городские стены, настолько широкие, что по их вершине вокруг города была проложена дорога, и это давало ему предлог на минутку остановиться, чтобы посмотреть на них. Глупая женщина! Если он немного хромотает, это еще не значит, что она тащит его! Он ведь как-то ухитряется сохранять доброе расположение духа, принимать то, что ему выпало, и не жаловаться. Почему бы и ей не поступать так же?

За городскими стенами в сером утреннем свете блестели белые крыши и стены, белые купола и шпили, окруженные тонкими цветными полосками, – воплощение мира и покоя. Он не мог разглядеть провалы в тех местах, где здания были сожжены дотла. Длинная череда влекомых волами фермерских повозок с высокими колесами неспешно текла сквозь большую арку ворот, которой открывался Великий Северный тракт; мужчины и женщины стремились на городские рынки с тем немногим, что у них еще оставалось на продажу к концу зимы, и посреди них – купеческий караван из нескольких больших, покрытых парусиной фургонов, везущих товары, Свет знает откуда. Еще семь караванов, насчитывающих от четырех до десяти повозок, стояли в линию на обочине дороги, ожидая, пока стража ворот закончит досмотр. Торговля не останавливалась никогда, пока светило солнце, кто бы ни правил городом, разве что там шли бои. А иногда она продолжалась и в этом случае. Поток людей, движущихся в обратном направлении, состоял в основном из шончан: стройные ряды солдат в сегментированных доспехах, раскрашенных полосками, и в шлемах, похожих на головы огромных насекомых, некоторые пешком, некоторые верхами; дворяне, передвигающиеся исключительно верхом, в расшитых плащах, плиссированных костюмах для верховой езды и кружевных вуалях или широченных шароварах и длиннополых куртках. Шончанские переселенцы также еще не все покинули город – из ворот выезжала повозка за повозкой, наполненные фермерами и ремесленниками с орудиями труда. Переселенцы начали отправляться сразу же, как сошли с кораблей, но пройдут еще недели, прежде чем в городе их не останется. Это была мирная сцена, будничная и обыденная, если не знать того, что скрывалось за ней; однако каждый раз, когда Мэт и его спутники поднимались на холм, откуда были видны ворота, в его памяти вспыхивали картины шестидневной давности, и вот он снова был здесь – той ночью, у этих самых ворот.

* * *

...Пока они шли через город от Таразинского дворца, буря усилилась. Дождь лил как из ведра, молотя по крышам потемневшего города и отмывая до блеска камни мостовой под конскими копытами, а ветер, с воем несущийся с Моря штормов, кидал пригоршни воды, как камни из пращи, и рвал одежду с такой силой, что все попытки остаться хоть сколько-нибудь сухим были обречены с самого начала. Тучи скрыли луну, и потоп грозил поглотить свет фонарей, которые несли на шестах Блерик и Фен, шедшие впереди остальных. Затем они вошли в длинный проход в городской стене, который представлял собой некоторое укрытие, во всяком случае от дождя. Ветер метался под высокими сводами туннеля, издавая жалобные звуки, наподобие флейты. Стражи ворот стояли в дальнем конце прохода, четверо из них держали такие же светильники на шестах. Остальные – их было около дюжины, и половина из них шончан – в руках сжимали длинные алебарды, какими можно разрубить всадника в седле или стащить его на землю. Еще двое шончан без шлемов выглядывали из освещенного проема двери караулки, встроенной в оштукатуренную стену, а движущиеся тени позади них говорили о том, что внутри есть и другие. Слишком много, чтобы пробиться без шума, возможно даже, слишком много, чтобы вообще пробиться. По крайней мере это вряд ли удастся без того, чтобы все здесь не взлетело на воздух, как фейерверк иллюминатора, взорвавшийся в его руке.

Однако опасность заключалась не в стражниках – во всяком случае, главная опасность. Высокая круглолицая женщина, в темно-синей куртке и длинной, по щиколотку, юбке-брюках с красной вставкой, расшитой серебряными молниями, вышла из двери караулки. Длинная шлея из серебристого металла была намотана на левую руку сул'дам, а другой конец повода соединял ее с седоватой женщиной в темно-сером платье, которая следовала за ней с восторженной улыбкой. Мэт знал, что они будут здесь. Шончан теперь держали сул'дам и дамани у каждых ворот. Пожалуй, внутри караулки могла находиться и еще одна пара, а то и две. Они не собирались позволить ни одной женщине, способной направлять, уйти из их сетей. Серебряный медальон с лисьей головой под рубашкой охлаждал Мэту грудь; это был не тот холод, который оповещал, что кто-то неподалеку прикасается к Источнику, – медальон просто вобрал в себя ночную стужу, а его плоть была слишком ледяной, чтобы согреть металл, – но он не мог удержаться, чтобы не ждать сейчас того, другого холода. Свет, он будет жонглировать фейерверками сегодня ночью, причем с зажженными фитилями!

Стражники, должно быть, были озадачены при виде знатной особы, покидающей Эбу Дар посреди ночи, да еще в такую погоду, с более чем дюжиной слуг и вереницей вьючных лошадей, что указывало на достаточно далекое путешествие, но Эгинин считалась Высокородной, на ее плаще был вышит орел с распростертыми черно-белыми крыльями, а длинные пальцы ее красных перчаток для верховой езды предполагали ногти соответствующей длины. Простые солдаты не подвергают сомнению действия Высокородных – даже низших Высокородных. Впрочем, это не означало, что им удастся избежать формальностей. Любой человек был волен покинуть город, когда пожелает, но шончан регистрировали передвижения дамани, а в свите Эгинин их ехало целых трое, с опущенными головами и лицами, закрытыми капюшонами серых плащей, от каждой тянулся серебристый поводок *ай'дам*, связывающий ее с сул'дам, сидящей на лошади.

Круглолицая сул'дам прошла мимо них, едва бросив взгляд, широко шагая по туннелю. Ее дамани, однако, пристально вглядывалась в каждую женщину, мимо которой они проходили, определяя, не может ли она направлять, и Мэт задержал дыхание, когда она, слегка нахмурившись, приостановилась рядом с лошастью последней дамани. Даже с его удачей он не мог бы поручиться, что шончан не опознают лишенного возраста лица Айз Седай, если заглянут под капюшон. Конечно, некоторые держали Айз Седай в качестве дамани, но какова

вероятность того, что все три дамани Эгинин – Айз Седай? Свет, какова вероятность того, что женщина из низших Высокородных может держать таких троих?

Круглолицая женщина прищелкнула языком, как щелкают домашней собачке, подергала ай'дам, и дамани послушно тронулась за ней. Они искали *марат'дамани*, пытающуюся избежать ошейника, а не обычную дамани. Мэт все еще опасался провала. В его голове снова раздался стук катящихся костей, он был настолько громким, что заглушал изредка раздающиеся отдаленные раскаты грома. Что-то сейчас пойдет не так, он знал это.

Командир стражников, дородный шончан с глазами, раскосыми, как у салдэйца, но со светло-золотистой кожей, вежливо поклонился и пригласил Эгинин зайти в караулку выпить чашу вина с пряностями, пока писец записывает сведения о дамани. Все караулки, которые Мэт когда-либо видел, были унылыми местечками, хотя свет ламп, теплящихся в проемах бойниц, делал это помещение почти уютным. Возможно, лист росянки для мухи тоже кажется уютным. Он был рад, что по лицу стекали дождевые капли, срывающиеся с капюшона. Они скрывали прошибающий его холодный пот. Он положил руку на один из метательных ножей, лежащий поверх длинного, замотанного тканью тюка перед седлом. Пока он лежит вот так, поперек, ни один солдат не должен его заметить. Мэт чувствовал сквозь ткань дыхание женщины под своей рукой, и ему сводило плечи от ожидания и страха, что она вот-вот начнет звать на помощь. Селусия держала свою лошадь рядом с Мэтом, вглядываясь в него из-под своего капюшона, скрывавшего от посторонних глаз ее золотистую косу, она не отвела взгляда, даже когда мимо проходили сул'дам с дамани. Вопль Селусии мог бы заставить ласку сбежать из курятника, так же как и крик Туон. Он полагал, что угроза ножа заставит обеих женщин хранить молчание – они, должно быть, считали Мэта достаточно отчаянным или достаточно безумным, чтобы пустить его в ход, – но все же он не был уверен до конца. Эта ночь наполнена слишком многими вещами, в которых нельзя было быть уверенным, слишком многое сегодня выходило из равновесия и шло наперекосяк.

Мэт помнил, как, затаив дыхание, ждал, когда кто-нибудь заметит, что узел, который он везет, украшен богатой вышивкой, и спросит, почему он позволяет ему мокнуть под дождем, – ждал и проклинал себя за то, что сорвал драпировку со стены лишь потому, что она первой попала под руку. В воспоминании все движения замедлялись. Эгинин ступила на землю, кинув поводья Домону, который подхватил их, поклонившись в седле. Капюшон Домона был слегка сдвинут назад – как раз настолько, чтобы было видно, что его голова выбрита с одной стороны, а оставшиеся волосы собраны в косичку, свисающую на плечо. Капли дождя стекали по короткой бородке коренастого иллианца, однако он умудрялся сохранять надменную горделивую повадку *со'джин*, по праву рождения являющегося старшим слугой одной из Высокородных и поэтому почти равного Высокородным. Во всяком случае, определенно занимающего более высокое положение, чем какой-нибудь солдат. Эгинин бросила через плечо взгляд на Мэта с его поклажей, и на ее лице застыло выражение, которое могло бы сойти за надменность, если не знать, что она была в ужасе от того, что они делали. Высокая сул'дам со своей дамани быстро шли обратно вдоль туннеля, покончив с проверкой. Ванин, который ехал сразу за Мэтом, ведя в поводу одну из верениц вьючных лошадей, и, как всегда, мотался в седле, как бурдюк с салом, наклонился с лошади и сплюнул на землю. Мэт не знал, почему эта деталь запечатлелась в памяти, но это было так. Ванин сплюнул, и тут зазвучали трубы, тонко и отчетливо, где-то далеко позади. Их звук доносился из южной части города, где планировалось поджечь шончанские склады, расположенные вдоль Прибрежной дороги.

Услышав пение труб, командир стражников заколебался, и тут внезапно ударил колокол уже в самом городе, потом другой, и вот уже, казалось, сотни их вызванивали в ночи тревогу, в то время как черное небо рассекало больше молний, чем в состоянии породить любая гроза. Серебристо-голубые вспышки, вонзаясь в дома, наполнили туннель мерцающим светом. Вот тут-то и начались крики и вопли, заглушившие взрывы в городе.

В первый момент Мэт проклял Ищущих Ветер за то, что они начали действовать раньше, чем ему было обещано. Но тут же осознал, что перекачивание костей у него в голове прекратилось. Почему? Он хотел было снова проклясть все вокруг, но у него не оставалось времени даже на это. В следующее мгновение офицер уже подсаживал Эгинин в седло, торопя ее продолжать путь, и выкрикивал отрывистые распоряжения вываливающимся из караулки стражникам, отряжая кого-то сбегать в город и узнать, что там за тревога; он же пока построит остальных, чтобы отразить любую угрозу, изнутри или снаружи. Круглолицая женщина подбежала со своей дамани, чтобы занять место среди солдат; а из караулки показалась еще одна пара, связанная серебристым ай'дам. А Мэт с остальными уже скакал галопом наружу, навстречу грозе, увозя с собой трех Айз Седай, две из которых были беглыми дамани, и похищенную наследницу шончанского Хрустального трона, в то время как позади них над Эбу Дар разражалась еще более сильная буря.

Вспышки молний более многочисленны, чем стебли травы...

* * *

Вздвогнув, Мэт заставил себя вернуться в настоящее. Эгинин, хмуро взглянув на него, выразительно потянула за руку.

– Влюбленные, идущие под руку, не несутся сломя голову, – пробормотала она. – Они... э-э-э... прогуливаются. – Она насмешливо скривила губы. – Домон, должно быть, просто ослеп от любви. Или же его просто слишком часто били по голове.

В любом случае самое худшее уже позади. Мэт надеялся, что выбраться из города было самым сложным. С тех пор он ни разу не слышал грохота костей. Кости всегда были дурным знаком. Он запутал свои следы, как мог, и теперь был уверен, что понадобится кто-то столь же удачливый, чтобы отделить золото от шелухи. Взыскующие учуяли след Эгинин в ту ночь, и теперь она, скорее всего, была в розыске еще и за похищение дамани, хотя, по здравом рассуждении, она должна была после этого мчаться прочь с такой скоростью, на какую только были способны ее лошади, и к настоящему моменту быть уже на расстоянии многих лиг от Эбу Дар, а не сидеть вблизи от городской стены. Ничто, кроме совпадения во времени, не связывало ее с Туон. Или с Мэтом, и это существенно. У Тайлин, разумеется, имелись и другие обвинения против него – ни одна женщина не простит мужчину, связавшего ее и засунувшего под кровать, даже если она сама это предложила, – однако, если ему повезет, он останется вне подозрений и в отношении всего остального, произошедшего той ночью. Если ему повезет, никто, кроме Тайлин, вообще не вспомнит о нем. Связать королеву, как поросенка на рынке, – при обычных обстоятельствах этого достаточно, чтобы приговорить человека к смерти; но следовало принять во внимание все детали, сопровождавшие исчезновение Дочери Девяти Лун, и то, какое отношение имел к этому Игрушка Тайлин. Мэта до сих пор раздражало, что его видели в роли нахлебника – хуже, домашнего питомца! – но в этом были и свои преимущества.

Он считал себя в безопасности – по крайней мере, от шончан, – однако одна деталь беспокоила его, как колючка, впившаяся в пятку. Точнее, колючек было несколько, и большинство из них произрастало из самой Туон, но эта имела особенно длинный шип. Исчезновение Туон должно было выглядеть столь же невероятным, как если бы среди бела дня вдруг пропало солнце, но тем не менее не было поднято никакой тревоги. Никакой! Не было объявлений о вознаграждении или предложений выкупа, солдаты не обыскивали с дикими глазами каждую повозку и каждый фургон в радиусе нескольких миль, не носились галопом по предместьям, вынюхивая все норы и укрытия, где могла быть спрятана женщина. Те древние воспоминания давали Мэту некоторое представление о том, как выглядят поиски похищенного королевского отпрыска, однако, не считая повешенных людей и сожженных кораблей в гавани, Эбу Дар снаружи выглядел точно так же, как и за день до похищения. Эгинин утверждала, что подобный

розыск должен производиться в высшей степени секретно, так что даже многие шончан могли до сих пор не знать, что Туон исчезла. Ее объяснение включало в себя потрясение для империи, и дурные предзнаменования относительно Возвращения, и потерю *сей тайр*, и она говорила так, словно верила каждому своему слову, но Мэт не верил ей ни на грош. Шончан, конечно, странный народ, но никто не может быть настолько странным. От молчания Эбу Дар у него начинало покалывать кожу. Он чувствовал, что в этом молчании скрывается западня. Когда они добрались до Великого Северного тракта, он был рад, что город скрылся за низкими холмами.

Тракт был широким большаком, одним из основных торговых путей страны, и по нему могли свободно проехать бок о бок пять-шесть повозок. Тракт покрывали земля и глина, спрессованные за сотни лет до такого состояния, что они могли поспорить твердостью с камнями древнего мощения, выступающими то здесь, то там на несколько дюймов над поверхностью дороги. Мэт и Эгинин, вместе с Ноэлом, плетущимся за ними по пятам, поспешили к противоположному краю дороги, пробираясь между купеческим караваном, тянувшимся по направлению к городу, – караван охраняли женщина со шрамом на лице и десяток мужчин с твердыми взглядами, в кожаных жилетах, покрытых металлическими бляхами, – и вереницей двигавшихся на север непривычного вида фургонов переселенцев – спереди и сзади покрывавшая их парусина пучилась острым клином; в одни фургоны были впряжены лошади или мулы, в другие – волы. Босоногие ребятишки, зажатые между фургонами, с помощью прутьев сбивали в кучу четырехрогих коз с длинной черной шерстью и больших белых коров с отвисшими сосками. За последним фургоном шел человек в мешковатых синих штанах и в красной круглой шапочке, ведя за собой на толстой веревке массивного горбатого быка; веревка была пропущена через кольцо в носу животного. Если не обращать внимания на одежду, он мог бы сойти за двуреченца.

Мужчина окинул взглядом Мэта и его спутников, которые шли в том же направлении, словно хотел что-то сказать, потом покачал головой и пошлепал дальше, больше на них уже не глядя. Учитывая то, что Мэт прихрамывал, он и его спутники двигались не очень-то быстро, и переселенцы медленно, но неуклонно обгоняли их.

Эгинин, которая шла сгорбившись, комкая свободной рукой узел платка у себя под подбородком, перевела дух и расслабила пальцы, почти до боли впившиеся в бок Мэта. Через мгновение она выпрямилась и сверкнула глазами в спину удалявшегося фермера, словно готова была пуститься вдогонку и надрать уши и ему, и его волу. Затем, словно этого ей было недостаточно, она, когда фермер уже отошел шагов на двадцать от них, перенесла сердитый взгляд на отряд шончанских солдат, маршировавших посередине дороги быстрым шагом и постепенно нагоняющих поселенцев, – человек около двухсот, идущих в колонну по четыре; за ними следовало несколько пестрых фургонов, запряженных мулами и покрытых туго натянутой парусиной. Середину дороги оставляли свободной для передвижения военных. Полдюжины офицеров на хороших лошадях, в шлемах, украшенных тонкими перьями и скрывающих все лицо, кроме глаз, ехали во главе колонны, не глядя ни влево, ни вправо; их красные плащи были заботливо расправлены на конских крупах. На знамени, которое несли по пятам за офицерами, было изображено нечто наподобие стилизованного серебряного наконечника стрелы или, может быть, якоря, на котором скрещивались длинная стрела и зазубренная золотая молния; внизу была надпись и какие-то цифры, но Мэт не сумел их разобрать, поскольку порывы ветра мотали знамя взад и вперед. Люди у фургонов с провиантом носили скромные темно-синие штаны и куртки и квадратные красно-синие шапки, но солдаты были разодеты в высшей степени кричаще даже для шончан: их сегментированные доспехи были покрыты голубыми полосами, оттененными снизу серебристо-белым, и красными, с золотисто-желтым отливом; их шлемы были раскрашены во все эти четыре цвета так, чтобы напоминать головы устрашающих пауков. Спереди на шлемах были прикреплены большие эмблемы с изображением якоря

– Мэт все же решил, что это якорь, – стрелы и молнии; все, кроме офицеров, несли на боку луки с двойным изгибом, а на поясах у них щетинились стрелами колчаны, уравновешенные с другой стороны короткими мечами.

– Корабельные лучники, – буркнула Эгинин, сверля взглядом солдат. Она перестала тереть платок, но ее рука по-прежнему была сжата в кулак. – Им бы только по тавернам драки затевать. С этими всегда хлопот полон рот, если их оставляют на берегу слишком долго.

На взгляд Мэта, они выглядели опытными бойцами. В любом случае он никогда не слышал о солдатах, которые не устраивают драк, особенно если они пьяны или скучают, – а скучающие солдаты склонны напиваться. Краешком сознания он подумал: интересно, насколько далеко стреляют эти луки; но это была отвлеченная мысль. Он не хотел иметь дела ни с какими шончанскими солдатами. Если бы все обернулось так, как ему хотелось, Мэту больше не пришлось бы иметь дела вообще ни с какими солдатами. Но его удача, похоже, так далеко не заходила. К сожалению, судьба и удача – разные вещи. Самое дальнее – шагов на двести, решил он. Хороший арбалет их переплюнет, да и любой двуреченский лук тоже.

– Мы не в таверне, – проговорил он сквозь зубы, – и они сейчас не собираются затевать драку. Так что давай не будем напрашиваться на нее только из-за того, что ты испугалась, что фермер заговорит с тобой.

Эгинин выпятила челюсть и метнула в него тяжелый взгляд – таким взглядом можно раздробить череп. Однако это была правда. Она до смерти боялась открывать рот при ком-нибудь, кто мог распознать ее акцент. Весьма мудрая предосторожность, по его мнению, но ее это бесило.

– Если ты будешь так смотреть на них, то через пару минут сюда явится их знаменщик и начнет задавать вопросы. Женщины в окрестностях Эбу Дар славятся своей скромностью, – солгал Мэт. Что он мог знать о местных обычаях?

Она искоса взглянула на него – возможно, пытаясь понять, что означает слово «скромность», – но перестала хмуро взирать на лучников. Теперь она выглядела готовой укусить, а не ударить.

– Этот парень черен, как Ата’ан Миэйр, – бесстрастно пробормотал Ноэл, во все глаза глядя на проходящих мимо солдат. – Черный, как шарец. Но готов поклясться, что у него были голубые глаза. Я где-то видел похожего парня, но где?

Он поднял было руку, чтобы потереть лоб, но чуть не ударил себя по голове бамбуковой удочкой. Старик сделал шаг вперед, словно желая спросить заинтересовавшего его солдата, откуда тот родом.

Резко нагнувшись, Мэт поймал старика за рукав:

– Мы возвращаемся в лагерь, Ноэл. Прямо сейчас. Нам не надо было уходить оттуда.

– Я так тебе и говорила, – сказала Эгинин, коротко кивнув.

Мэт чуть ли не взвыл, но ему ничего не оставалось, кроме как продолжать идти вперед. Ох, им уже давно пришло время уходить. Он надеялся только, что не слишком затянул с уходом.

Глава 2

Два капитана на одном корабле

Милях в двух к северу от города, растянутое между двумя высокими шестами, на ветру полоскалось большое голубое полотнище, большими красными буквами возвещавшее, что здесь располагается «Грандиозное странствующее представление и Величайшая выставка чудес и диковин Валана Люка». Надпись можно было прочесть с дороги, которая проходила шагах в ста к востоку. Тем, кто не умел читать, полотнище, по крайней мере, указывало, что здесь находится что-то необычное. На вывесках много чего пишут, но Мэт считал, что, во всяком случае, сейчас Люка говорил правду. Балаган был окружен стеной из плотной парусины, десять футов в высоту, нижний край которой был плотно прибит к земле кольшками; стена огораживала площадь, на которой могла бы поместиться средних размеров деревня.

Проходящие мимо люди смотрели на вывеску с любопытством, но фермеров и купцов впереди ждала работа, а переселенцам надо было строить будущее, и с дороги не сворачивал никто. Толстые веревки, натянутые между вбитыми в землю столбиками, предназначались для того, чтобы направлять людские толпы в широкую арку входа под вывеской, но у входа не было видно ни одного человека, желающего войти, – по крайней мере утром. После падения Эбу Дар, когда люди поняли, что город не будет отдан на разграбление и им не нужно бежать, спасая свои жизни, поток зрителей уменьшился лишь ненамного, однако из-за Возвращения, из-за всех этих шончанских кораблей и переселенцев, едва ли не все сочли за лучшее придержать деньжата при себе, на черный день. Два грузных конюха, закутанные в подозрительного вида плащи, казалось вышедшие из мешка старьевщика, несли вахту под вывеской, чтобы задерживать желающих проскользнуть внутрь бесплатно; но даже они в эти дни сидели на голодном пайке. Сейчас эта парочка – один с крючковатым носом над пышными усами, другой одноглазый – сидела на корточках и бросала кости на пяточке утопанной земли.

Как ни странно, Петра Анхилл, силач труппы, стоял рядом, наблюдая за игрой и сложив на груди руки – каждая толщиной с ногу обычного человека. Ростом он был ниже Мэта, но по меньшей мере вдвое его шире, на плечи силач натянул толстую синюю куртку, которую жена заставляла его носить, чтобы не замерзнуть. Петра был, казалось, поглощен игрой, но сам никогда не играл, даже в орлянку. Он и его жена Кларин, дрессировщица собак, берегли каждую монету, которая попадала к ним в руки, что и неудивительно, если учесть, что Петра только и говорил о том, как они в один прекрасный день купят себе гостиницу. Еще более

поразительно было то, что Кларин тоже стояла рядом, закутанная в черный плащ и, очевидно, столь же поглощенная игрой, как и ее муж.

Петра, бросив через плечо осторожный взгляд на лагерь, увидел приближающихся рука об руку Мэта и Эгинин. Мэт нахмурился. Когда люди глядят на тебя через плечо, это, как правило, не означает ничего хорошего. Круглое загорелое лицо Кларин, однако, расплылось в теплой улыбке. Как и большинство женщин труппы, она считала их с Эгинин очень романтичными. Конюх, тот, с крючковатым носом, широкоплечий тайронец по имени Коль, покосился на них, сгребая свой выигрыш – несколько медяков. Никто, кроме Домона, не считал бы Эгинин хорошенькой, но в глазах некоторых глупцов знатное происхождение наделяет людей красотой. Или деньги – а уж знатная дама должна быть богатой. Некоторые считали, что дворянка, бросившая мужа ради Мэта Коутона, может так же легко оставить и его, разумеется прихватив с собой свои деньги. Такова была история, которую Мэт и его люди распространяли, чтобы объяснить, почему они скрываются от шончан: суровый муж и сбежавшие влюбленные. Подобные истории всем хорошо знакомы – от менестрелей или из книг, хотя в реальной жизни подобное встречалось не часто, – чтобы легко принять на веру еще одну такую же. Коль, однако, не поднимал головы. Эгинин – точнее, Лильвин – как-то уже выхватила нож, когда смазливый юноша, жонглировавший мечами, позволил себе несколько двусмысленных намеков, приглашая ее в свою палатку на чашу вина, и ни у кого не было сомнений, что она пустила бы клинок в ход, если бы тот настаивал на своем предложении хоть на мгновение дольше.

Когда Мэт приблизился к силачу, Петра тихо произнес:

– Там шончанские солдаты, около двадцати человек, они говорят с Люка. По крайней мере, с ним их офицер беседует.

Его голос не звучал испуганно, но на лбу прорезались тревожные морщины, и он успокаивающе положил руку на плечо жене. Улыбка Кларин погасла, она подняла свою руку к плечу, положив ее сверху. Они верили в благоразумие Люка, но понимали, на какой риск идут. Или считали, что это понимают. То, чем, по их мнению, они рисковали, было само по себе достаточно плохо.

– Чего они хотят? – требовательно спросила Эгинин, выпуская Мэта из своих объятий, но не давая ему раскрыть рта.

Собственно, все ждали, когда он выскажется.

– Подержи-ка, – бросил Ноэл, вручая свою удочку и корзину одноглазому конюху, который глазел на него разинув рот. Выпрямившись, Ноэл скользнул узловой рукой себе под куртку, где хранил два длинных ножа. – Мы сможем добраться до наших лошадей? – спросил он Петру.

Силач с сомнением посмотрел на него. Мэт был не единственным, кто сомневался, что Ноэл в своем уме.

– Непохоже, чтобы они кого-то искали, – торопливо пояснила Кларин, приседая перед Эгинин в слабом намеке на реверанс. Предполагалось, что циркачи делают вид, что Мэт и его спутники входят в труппу, но немногим удавалось сохранять эту видимость перед Эгинин. – Офицер находится в фургоне у Люка уже добрых полчаса, но солдаты все это время не отходят от своих лошадей.

– Не думаю, что они пришли сюда из-за вас, – почтительно добавил Петра, тоже обращаясь к Эгинин. Почему с ним они ведут себя иначе? Возможно, практикуются в разговоре с благородными дамами в ожидании, пока не купят свою гостиницу. – Мы просто не хотели, чтобы для вас это было неожиданностью. Уверен, что Люка сумеет отделаться от них без всяких проблем. – Несмотря на спокойный тон, морщины продолжали бороздить его лоб. Любой выйдет из себя, если от него сбежит жена, а человек знатный может дать почувствовать окружающим тяжесть своего гнева. Бродячая труппа, чужестранцы, путешествующие по стране, представляют собой легкую добычу, тут не должно возникнуть дополнительных осложнений. –

Вам не стоит беспокоиться, что кто-то сболтнет лишнее, миледи. Правда, Коль? – прибавил Петра, бросив взгляд на конюхов.

Крюконосый неохотно кивнул, не отрывая глаз от костей, которые подкидывал у себя на ладони. Он был человеком крепкого телосложения, но не столь крепкого, как Петра, который гнул конские подковы голыми руками.

– Кто же упустит случай плюнуть дворянину на сапог, – пробормотал одноглазый, заглядывая в корзину с рыбой.

Он был почти столь же высок и широкоплеч, как Коль, но все лицо его покрывали глубокие морщины, а зубов у него было еще меньше, чем у Ноэла.

Взглянув на Эгинин, он склонил голову и прибавил:

– Не в обиду вам будь сказано, госпожа. Между прочим, мы таким образом зарабатываем денежку, а они в последнее время лишними не бывают. Верно, Коль? Кто-нибудь донесет, а потом шончан всех нас возьмут за жабры, глядишь, еще повесят, как этих, из Морского народа. Или запрягут чистить эти поганые каналы на том берегу.

Конюхи выполняли всю черную работу в лагере, от чистки стойл и клеток животных до натягивания парусинового полотнища вокруг лагеря и складывания его при переездах, однако он содрогнулся так, словно выгребать ил из каналов в Рахаде было худшей перспективой, чем оказаться повешенным.

– А кто говорил о том, чтобы доносить? – запротестовал Коль, негодуяще разводя руками. – Я просто спросил, долго ли мы собираемся тут сидеть, вот и все. Я только поинтересовался, когда мы увидим свои денежки.

– Вы будете сидеть тут, пока я не прикажу вам встать. – Удивительно, насколько жестким могла сделать Эгинин свой тягучий выговор, не повышая при этом голоса. Это походило на шелест меча, вынимаемого из ножен. – Вы увидите свои денежки, когда мы доберемся туда, куда надо нам. Тех, кто верно мне служит, ждет небольшая прибавка к жалованью. А тех, кто думает о том, чтобы предать меня, ждет могила.

Коль расправил плечи под своим латаным-перелатаным плащом и выпучил глаза, пытаясь изобразить возмущение или, возможно, невинность, но по-прежнему выглядел как человек, поджидающий, когда леди подойдет поближе, чтобы стащить ее кошелек.

Мэт скрипнул зубами. Во-первых, это его денежками она распорядилась со столь королевской щедростью. У нее было достаточно своих денег, но до них не так легко добраться. Но самое главное – она снова пыталась распорядиться. Свет, да если бы не он, она до сих пор сидела бы в Эбу Дар, строя планы, как ей укрыться от Взыскующих, а то и была бы уже призвана к ответу. Если бы не он, ей бы и в голову не пришло остаться неподалеку от Эбу Дар, чтобы уйти от погони, или найти убежище в балагане Люка. Но почему здесь солдаты? Шончан послали бы сотню, даже тысячу, если бы хоть отдаленно заподозрили, что здесь Туон. А если бы они прознали про Айз Седай... Нет, Петра и Кларин не знали, что помогают укрывать Айз Седай, но они могли упомянуть о сул'дам и дамани, и солдаты явились бы за сестрами. Мэт нащупал серебряную лисью голову под курткой. Он носил ее днем и ночью не снимая, и она должна была охранять его.

Он не рассматривал всерьез возможность пробиться к лошадям, и не только потому, что Коль и дюжина ему подобных побегут докладывать шончан, не успеет он со своими спутниками скрыться из виду. Насколько Мэт знал, у них не было каких-либо особенно враждебных чувств по отношению к нему или Эгинин – даже жонглер Руманн, ловко подбрасывающий в воздух мечи, по всей видимости, нашел свое счастье с женщиной-змеей по имени Адрия, – но некоторые люди просто не могут устоять перед искушением заработать немного золота. В любом случае он не слышал грохота игральных костей в своей голове. И к тому же в этих парусиновых стенах находилось несколько человек, которых он не мог оставить на произвол судьбы.

– Если они никого не ищут, нам не о чем беспокоиться, – уверенно заявил Мэт. – Но все равно спасибо за предупреждение, Петра. Я никогда не любил неожиданностей. – Силач сделал небольшой жест, словно желая показать, что это ему ничего не стоило, но Эгинин и Кларин посмотрели на Мэта так, словно были удивлены, обнаружив его здесь. Даже Коль и одноглазый верзила моргнули при звуке его голоса. Ему пришлось приложить усилие, чтобы снова не заскрипеть зубами. – Я, пожалуй, пойду прогуляюсь возле фургона Люка, посмотрю, что там делается. Лильвин, вы с Ноэлом найдите Олвера и оставайтесь с ним.

Они любили мальчика, как и все остальные, и это удержит их на расстоянии. Лучше, чтобы он один занялся подслушиванием. А если им придется бежать, возможно, Эгинин или Ноэл, по крайней мере, помогут мальчишке выбраться отсюда. Да будет воля Света, чтобы до этого не дошло. Кажется, надвигается катастрофа.

– Что ж, от смерти так и так не уйдешь, – вздохнул Ноэл, снова берясь за свою удочку и корзину.

Чтоб ему сгореть, по сравнению с этим стариком даже страдающий коликами козел выглядит жизнерадостным! Петра нахмурился еще больше. Женатые мужчины всегда выглядят озабоченными, это была одна из причин, по которым сам Мэт не спешил с женитьбой. Ноэл исчез за углом парусиновой стенки, и одноглазый с сожалением посмотрел вслед корзине с рыбой. Вот и у этого, похоже, не все шарики на месте. Не иначе как и у него где-то тоже есть жена.

Мэт надвинул шапку почти по самые глаза. Костей, однако, слышно не было. Он постарался не думать о том, сколько раз ему чуть было не перерезали глотку или не размозжили череп без всяких костей. Но, без сомнения, он бы услышал их, если бы ему угрожала какая-нибудь реальная опасность. Разумеется, услышал бы.

Мэт не успел сделать и трех шагов за ворота, как Эгинин догнала его и обвила рукой вокруг талии. Он остановился, недобро глядя на нее. Она всегда избегала следовать его указаниям, как форель избегает рыболовного крючка, но это было уже упрямство чистой воды.

– Ты соображаешь, что делаешь? А если этот шончанский офицер узнает тебя?

Это было столь же вероятно, как увидеть Тайлин, самолично входящую в лагерь, но он готов был схватиться за что угодно, лишь бы заставить ее уйти.

– Каковы шансы, что этот парень из тех, кого я знаю? – презрительно фыркнула она. – У меня не так уж много... – ее лицо исказилось гримасой, – было не так уж много друзей по эту сторону океана, и уж ни одного из них нет в Эбу Дар. – Она дотронулась до прядки черного парика, лежащей у нее на груди. – В любом случае, пока я ношу это, меня родная мать не узнает. – Ее голос стал совсем унылым.

Если он будет продолжать так стискивать зубы, то в конце концов сломает один из них. Стоять здесь и спорить было абсолютно бесполезно, но в его памяти еще стоял тот взгляд, которым Эгинин вперила в шончанских солдат.

– Только не вздумай опять сверкать на них глазами, – предостерег он. – Лучше вообще ни на кого не гляди.

– Я скромная эбударская женщина. – В ее устах это прозвучало как вызов. – Ты сам будешь с ними говорить.

А вот это уже было предостережением. О Свет! Когда женщина не хочет, чтобы все шло гладко, она обязательно что-нибудь испортит, а Эгинин никогда не заботилась о том, чтобы все шло гладко. Ему определенно угрожала опасность сломать зуб.

За входом начиналась своего рода главная улица, образованная вразнобой поставленными фургонами, вроде тех, в каких кочуют Лудильщики, – маленькими домиками на колесах, с оглоблями, проходящими выше сиденья возчика, и палатками величиной зачастую с небольшой дом. Большинство фургонов были раскрашены всеми оттенками красного и зеленого, желтого и синего; палатки в основном были столь же яркими, некоторые даже полоса-

тыми. Повсюду рядом с главной улицей располагались деревянные помосты для выступлений, их цветная обивка уже несколько пообтрепалась. Широкая, около тридцати шагов шириной, полоса земли, утрамбованная тысячами ног, была настоящей улицей, одной из нескольких, что вились между палатками. Ветер уносил тоненькие серые струйки дыма, поднимающиеся из жестяных труб, которые торчали над крышами фургонов и некоторых палаток. Почти все участники труппы, по-видимому, завтракали, если еще не лежали в кроватях. Они поднимались обычно поздно – правило, всецело одобряемое Мэтом, – и никому не хотелось есть, сидя на улице вокруг костра, на таком-то холоде. Единственным человеком, которого он увидел, была Алудра; рукава ее темно-зеленого платья были закатаны до локтей, она толкла что-то в бронзовой ступке на откидном столике у стены своего ярко-голубого фургона, стоявшего на перекрестке одной из самых узеньких боковых улочек.

Поглощенная работой, стройная тарабонка не заметила Мэта с Эгинин. Он, со своей стороны, не мог удержаться, чтобы не взглянуть на нее. С черными волосами, заплетенными в тонкие, похожие на низки бус, косички, спускающиеся до пояса, Алудра являла собой, пожалуй, самое яркое чудо в представлении Люка. Тот повсюду рекламировал ее как иллюминатора, и, в отличие от многих других участников труппы и выставляемых диковин, она действительно была тем, что рассказывал о ней Люка, хотя тот и сам, скорее всего, не верил в это. Интересно, что это она толчет, подумал Мэт. И может ли это взрываться? Она обещала открыть ему секрет фейерверков, если он разгадает ее загадку, однако пока что он не нашел даже приблизительного ответа. Но он найдет его так или иначе.

Эгинин ткнула его под ребра пальцем.

– Предполагается, что мы возлюбленные, как ты не устаешь мне напоминать! – прорычала она. – Кто же в это поверит, если ты будешь пялиться на другую женщину так, словно хочешь ее съесть?

– А я всегда пялюсь на хорошеньких женщин, разве ты не заметила? – ответил Мэт с похотливой ухмылкой.

Она поправила свой платок несколько более энергичным жестом, чем обычно, и пренебрежительно хмыкнула, к полному его удовлетворению. Ее неумеренная стыдливость частенько играла Мэту на руку. Эгинин находилась в бегах, но, несмотря на это, оставалась шончанкой, и к тому же она и так знала о нем больше, чем ему бы хотелось. Он не собирался посвящать ее во все свои секреты. Тем более в те, о которых он сам еще не знал.

Фургон Люка находился точно посередине лагеря – это было самое лучшее место, максимально удаленное от клеток с запахами животных и коновязей, которые располагались вдоль парусиновой стенки. Фургон выглядел кричащим даже по сравнению с остальными – раскрашенный в красный и голубой цвета, он сиял, словно лакированный; к тому же фургон со всех сторон был расписан золотыми кометами и звездами, а под самой его крышей располагались изображения лунных фаз, нарисованные серебряной краской. Даже жестяная труба была раскрашена красными и голубыми кольцами. Лудильщики сторели бы со стыда. С одной стороны фургона возле своих лошадей стояли в две шеренги шончанские солдаты в шлемах, склонив украшенные зелеными кистями копыя под одним и тем же выверенным углом. Один из солдат держал в поводу еще и вторую лошадь – превосходного темно-гнедого мерина с мощным крупом и стройными ногами. Сине-зеленые доспехи солдат выглядели блекло рядом с фургоном Люка.

Мэт несколько не удивился, обнаружив, что он не единственный, кто интересуется шончан. Байл Домон, в темной вязаной шапочке, прикрывающей его бритую голову, сидел на корточках, прислонившись спиной к колесу зеленого фургона, принадлежащего Петре и Кларин, шагах в тридцати от солдат. Питомцы Кларин, сбившись в одну кучу, спали под фургоном – разнокалиберная свора небольших собачек. Дородный иллианец делал вид, что вырезает что-то из дерева, но не очень-то старался, судя по маленькой кучке стружек у его ног. Мэт пожалел,

что тот не отрастил себе усы, чтобы скрыть верхнюю губу, или, наоборот, не сбрил бороду. Кто-нибудь мог связать иллианца с Эгинин. Блерик Негина, высокий парень, стоявший рядом, опершись на стену фургона, словно для того, чтобы составить Домону компанию, без колебаний сбрил свой шайнарский чуб, чтобы не привлекать внимания шончан, хотя и пробегал рукой по черной щетине на голове почти с такой же частотой, с какой Эгинин проверяла свой парик. Возможно, ему тоже стоило надеть какую-нибудь шапку.

В своих темных куртках с протершимися обшлагами и в поношенных сапогах оба они могли сойти за членов труппы или, возможно, за конюхов – для всех, кроме других членов труппы. Они наблюдали за шончан, пытаясь не показать этого, но Блерику это удавалось лучше, как и можно ожидать от Стража. Все его внимание, казалось, было приковано к Домону, не считая взглядов, которые он бросал иногда в сторону солдат, делая вид, что это случайно. Домон хмуро посматривал то на шончан, то на деревяшку в руке, словно ожидая, что под его взглядом она сама собой превратится в искусную поделку. По-видимому, он принял свое положение со`джин слишком близко к сердцу.

Мэт пытался прикинуть, как бы ему подобраться поближе к фургону Люка, чтобы незаметно для солдат подслушать, о чем там говорят, когда задняя дверь фургона отворилась и по ступенькам сошел светловолосый шончан, надевший на голову шлем с тонким голубым пером, едва лишь его нога коснулась земли. За ним показался Люка, великолепный в своем алом одеянии, вышитом золотыми солнцами, кланяясь с изысканной утонченностью в спину удалявшемуся офицеру. У Люка было по крайней мере две дюжины курток, большей частью красных, одна безвкуснее другой. Хорошо еще, что его фургон был огромным, а то ему некуда было бы их складывать.

Не обращая внимания на Люка, офицер сел в седло своего мерина, поправил на поясе меч и отдал отрывистую команду, услышав которую его люди мгновенно оказались в седлах и, выстроившись в колонну по двое, медленным шагом двинулись в сторону выхода. Люка стоял, глядя, как они удаляются, с неопределенной улыбкой на лице, готовый еще раз поклониться, если кто-нибудь из них вздумает оглянуться.

Мэт стоял на обочине, открыв рот и разыгрывая из себя простого зеваку, глазеющего на проезжающих мимо солдат. Те удостаивали его разве что беглого взгляда – офицер ехал, глядя прямо перед собой, и солдаты следовали его примеру, но никто из них не обратил особого внимания на какого-то мужлана и уж тем более не запомнил его.

К его удивлению, пока последний всадник не проехал мимо них, Эгинин стояла, изучая носки своих туфель и комкая рукой узел платка у себя на шее. Поднимая голову, чтобы взглянуть им вслед, она поджала губы.

– Похоже, я знаю этого мальчика, – протянула она. – Я перевозила его в Фалме на «Бесстрашном». Его слуга умер посреди океана, и он решил, что может использовать кого-нибудь из моей команды. Мне пришлось поставить мальчишку на место. Он поднял такой шум, можно было подумать, что он из Высокородных.

– Кровь и проклятый пепел! – выдохнул Мэт.

Со сколькими еще людьми она успела повздорить, так что ее лицо запечатлелось у них в памяти? Учитывая характер Эгинин, таких людей должны быть сотни. И он позволял ей разгуливать по окрестностям, считая, что парик и другая одежда послужат достаточной маскировкой! Сотни? Скорее уж тысячи! Она же и кирпич выведет из себя!

В любом случае офицер уже ушел. Мэт медленно выдохнул. Удача пока что не отвернулась от него. Временами ему казалось, что лишь это удерживало его от того, чтобы не заплакать, как маленький ребенок. Он направился к Люка, чтобы выяснить, чего хотели солдаты.

Домон и Блерик подошли к Люка одновременно с ним и Эгинин, и хмурое круглое лицо Домона стало еще мрачнее при взгляде на руку Мэта, лежащую у Эгинин на плече. Иллианец понимал необходимость маскировки – по крайней мере, говорил, что понимает, – однако он,

по-видимому, считал, что им, чтобы добиться нужного эффекта, достаточно будет просто держаться за руки. Мэт убрал руку с плеча женщины – здесь не было нужды притворяться, Люка знал, как все обстоит на самом деле, – и Эгинин тоже хотела отпустить его, однако, взглянув на Домона, она еще крепче обхватила Мэта за талию, ничуть не меняя выражения лица. Домон продолжал хмуриться, но теперь уже уставившись в землю. Мэт решил, что ему удастся понять шончан значительно раньше, чем женщин. Или иллианцев, если уж на то пошло.

– Лошади! – прорычал Люка, не дождавшись даже, пока Мэт подойдет. Он обвел всех яростным взором и затем сфокусировал свой гнев на Мэте. Будучи немного выше ростом, Люка еще выпрямился, глядя на него сверху вниз. – Вот что им было нужно! Я показал ему предписание, освобождающее меня от их лошадиной лотереи, – предписание, подписанное самой верховной леди Сюрот! – и что же? На него это не произвело ни малейшего впечатления! Ему было наплевать, что я спас одну из высокопоставленных шончан. – Эта женщина вовсе не была высокопоставленной, и Люка не столько спас ее, сколько просто позволил путешествовать с собой в качестве наемного члена группы, но он всегда был склонен преувеличивать свои заслуги. – Не знаю, на что только годится это предписание. Шончан позарез нужны лошади. Они могут конфисковать их в любой момент! – Его лицо покраснело так, что сравнялось цветом с его курткой, и он ткнул пальцем в Мэта. – Из-за тебя забирают моих лошадей! Как я смогу без них перевозить своих людей? Ответь-ка мне! Я был готов убраться отсюда, едва лишь увидел, что творится в гавани, – но ты держал меня за руку. Из-за тебя мне отрубят голову! Если бы не ты, я мог бы быть уже в сотне миль отсюда. Кто приехал среди ночи и заманил меня своими безумными проектами? С тех пор я не заработал здесь и пенни! Тех денег, что оставили посетители за последние три дня, не хватит и на день кормежки для животных! Да и на полдня не хватит! Надо было убраться отсюда месяц назад! Еще раньше! Почему я не уехал отсюда вовремя?

Мэт чуть было не рассмеялся, глядя, как Люка выходит из себя. Лошади. Только и всего: им были нужны лошади! Между прочим, предположение, что тяжело нагруженные фургоны за пять дней покروют сотню миль, столь же нелепо, как и фургон Люка. Этот скупердяй вполне мог уехать отсюда месяц назад, даже два месяца, если бы не жалел о каждом медяке, остающемся в Эбу Дар и у завоевателей-шончан. А что до того, что он шесть ночей назад уговорил его остаться, то это было не труднее, чем выпить чашу вина.

Но Мэт, удержавшись от смеха, положил руку Люка на плечо. Этот человек был тщеславным, как индюк, да к тому же еще и жадным, но не было смысла злить его еще больше.

– Люка, неужели ты думаешь, что если бы ты ушел той ночью, то ни у кого не возникло бы подозрений? Ты бы не успел проехать и двух лиг, как шончан догнали бы тебя и все фургоны перевернули бы вверх дном. Ты должен бы поблагодарить меня, что я спас тебя от этого. – (Люка сверкнул на него глазами. Некоторые люди просто не видят дальше своего носа.) – Но в любом случае можешь не сетовать. Как только Том вернется из города, мы уедем на столько миль от города, на сколько ты захочешь.

Люка сорвался с места так внезапно, что Мэт в тревоге сделал шаг назад, но тот лишь принялся выделывать антраша, скача по кругу и смеясь как безумный. Домон выпучил на него глаза, и даже Блерик казался озадаченным. Временами Люка вел себя как полнейший идиот.

Не успел еще Люка начать свой бредовый танец, как Эгинин оттолкнула Мэта от себя:

– Как только вернется Меррилин? Я распорядилась, чтобы никто не покидал лагерь! – Ее яростный взгляд метался между ним и Люка, горя холодным пламенем – лед, который обжигает. – Я ожидала, что мои распоряжения будут выполняться!

Люка прекратил свои прыжки так же внезапно, как и начал, и искоса взглянул на нее, затем внезапно сделал шаг вперед и отвесил поклон, помахивая перед собой полой воображаемого плаща. Это получилось у него настолько впечатляюще, что можно было увидеть этот

плащ, да что там – можно было увидеть вышивку на этом плаще! Люка, как всегда, полагал, что умеет обращаться с женщинами.

– Вы приказываете, моя прекрасная госпожа, и я с восторгом повинуюсь! – Выпрямившись, он пожал плечами. – Но у мастера Коутона есть золото, и, боюсь, приказы золота имеют надо мною больше власти.

Полный золотых монет сундучок Мэта, который стоял в этом самом фургоне, и был как раз той самой причиной, по которой Люка не мог уйти. Возможно, свою роль сыграло и то, что Мэт был тавереном, но, дай Валану Люка достаточно золота, он стал бы помогать даже похищению самого Темного.

Эгинин набрала в грудь воздуха, готовая снова обрушиться на Люка, но тот уже повернулся к ней спиной и запрыгал по ступеням своего фургона, крича:

– Лателле! Лателле! Немедленно поднимай всех! Мы уходим, как только вернется Мерилин! Хвала Свету, наконец-то мы уходим!

Минутой позже он снова появился в дверях, с грохотом скатился по лесенке, в сопровождении жены, надевавшей на ходу черный бархатный плащ, расшитый блестками. Лателле, женщина с резкими чертами лица, при виде Мэта наморщила нос, словно учуяла исходящий от него дурной запах, и кинула на Эгинин такой взгляд, каким, должно быть, заставляла своих дрессированных медведей залезать на дерево. Лателле не нравились женщины, сбежавшие от мужей, хоть она знала, что это маскировка. К счастью, она почему-то обожала Люка и любила золото почти так же, как он. Люка подбежал к ближайшему фургону и принялся колотить в дверь кулаком, в то время как Лателле направилась к соседнему.

Не дожидаясь, чем это все закончится, Мэт поспешил к одной из боковых улочек. По сравнению с центральной она представляла собой не более чем узенький кривой проезд; все фургоны и палатки были плотно заперты из-за холода, и над их трубами струились дымки. Здесь не было помостов для представлений; между некоторыми фургонами были натянуты веревки для сушки белья, тут и там на земле валялись деревянные игрушки. Эта улица предназначалась только для жилья, она была настолько узкой, что чужаки сюда не забредали.

Он двигался быстро, несмотря на свое бедро (ходьба почти разогнала боль), но не прошел и десяти шагов, как его догнали Эгинин и Домон. Блерик куда-то исчез, возможно, пошел сказать сестрам, что они по-прежнему в безопасности и наконец-то уходят. Айз Седай, которые притворялись служанками, заболевшими от беспокойства, что муж их госпожи найдет их, были сыты по горло сидением в фургоне, не говоря уже о том, что свое жилище им приходилось делить с сулдам. Мэт заставил их поселиться вместе, чтобы Айз Седай присматривали за сулдам, а сулдам держали Айз Седай подальше от него. Тем не менее Мэт был рад, что Блерик избавил его от необходимости лишний раз заходить к ним в фургон. С тех пор как они убежали из города, то одна, то другая сестра посылали за ним по четыре-пять раз на дню, и он приходил к ним, когда не мог избежать этого, но подобные визиты доставляли ему мало приятных ощущений.

На этот раз Эгинин не стала обнимать его. Она зашагала сбоку, глядя прямо перед собой; по крайней мере, о своем парике она больше не беспокоилась. Домон плелся сзади, переваживаясь, как медведь, и бормотал что-то себе под нос с резким иллианским акцентом. Вязаная шапочка не скрывала того, что его черная борода резко заканчивалась у середины ушей, а выше начиналась недавно отросшая щетина. Это придавало ему какую-то... незавершенность, что ли.

– Два капитана на одном корабле наверняка приведут его к крушению, – преувеличенно терпеливо проговорила Эгинин. Ее понимающая улыбка, казалось, причиняла боль ей самой.

– Мы не на корабле, – ответил Мэт.

– Но принцип остается тем же, Коутон! Ты – фермер. Я знаю, что ты хорош, когда дело доходит до драки. – Эгинин метнула через плечо тяжелый взгляд на Домона. Это он свел ее

с Мэтом, тогда она считала, что имеет дело с наемником. – Но сейчас нам требуются рассудительность и опыт. Мы находимся в опасных водах, а много ли ты знаешь о том, как командовать?

– Больше, чем ты думаешь, – сухо отозвался Мэт. Он мог бы развернуть перед ней целый список хранившихся в его памяти сражений, которыми он командовал, но по большей части лишь историк сумел бы понять, о каких сражениях идет речь, а о некоторых не имели представления даже историки. В любом случае этому никто бы не поверил. Он бы и сам, скорее всего, не поверил, если бы кто-то другой стал рассказывать ему что-то подобное. – Разве вам с Домоном не надо собираться в дорогу? Вряд ли вы захотите оставить что-нибудь здесь.

Все ее вещи были уже давно собраны и аккуратно уложены в фургоне, который она делила с Мэтом и Домоном – не очень-то приятное соседство, – но Мэт ускорил шаг, надеясь, что она поймет намек. Кстати, он уже видел цель своего пути.

Ярко-голубая палатка, втиснутая между ядовито-желтым и изумрудно-зеленым фургонами, едва ли была достаточно просторна, чтобы вместить три койки, но, чтобы обеспечить убежище всем, кого он привел с собой из Эбу Дар, требовались деньги – чтобы убедить хозяев переселиться и еще чтобы они позволили вселиться им. Мэт мог снять лишь то помещение, которое владельцы соглашались уступить ему – причем по расценкам хорошей гостиницы. Джуилин, смуглый, плотно сбитый мужчина с короткими темными волосами, сидел, скрестив ноги, на земле перед палаткой; рядом с ним сидел Олвер, худенький парнишка – хотя уже не такой тощий, каким он был, когда Мэт впервые его увидел, – слишком низкорослый для тех десяти лет, которые он себе приписывал. Оба они были без курток, несмотря на ветер, и играли в «Змей и лисиц» на доске, которую покойный отец мальчика нарисовал для него на куске красной материи. Бросая кости, Олвер тщательно подсчитывал очки и долго обдумывал каждый ход, разглядывая паутину черных линий и стрелочек. Его партнер уделял игре меньше внимания. При виде Мэта он выпрямился.

Внезапно откуда-то из-за палатки появился Ноэл, тяжело дышавший, словно только что бежал. Джуилин взглянул на старика с удивлением, а Мэт нахмурил брови. Он велел Ноэлу идти напрямик сюда. Где же он пропал? Ноэл выжидающе посмотрел на него, в его взгляде не читалось ни малейшей вины или замешательства – только интерес к тому, что Мэт собирался сказать.

– Ты уже знаешь насчет шончан? – спросил Джуилин, тоже переводя взгляд на Мэта.

Внутри палатки мелькнула какая-то тень, откинулся клапан выхода, и темноволосая женщина, сидевшая, завернувшись в поношенный серый плащ, на краю одной из коек, наклонилась вперед и положила руку на плечо Джуилина. Мэт встретил ее настороженный взгляд. Тера была привлекательной женщиной – для тех, кому нравится постоянная хмурая гримаса на лице, – но, по-видимому, это было вполне во вкусе Джуилина, судя по тому, как он успокаивающе улыбнулся ей и похлопал по руке. Она была одновременно Аmaterой Элфдене Касмир Лоунаулт, панархом Тарабона и вторым лицом в государстве после королевы. По крайней мере, когда-то была. Джуилин знал об этом, и Том тоже, однако никто из них не позаботился сообщить об этом Мэту, пока они не добрались до лагеря. Он полагал, что это вряд ли имеет большое значение, учитывая все обстоятельства. Женщина охотнее отзывалась на уменьшительное имя Тера, чем на полное, и не высказывала излишних претензий – разве что на внимание Джуилина, – и было немного шансов, что кто-нибудь узнает ее здесь. В любом случае Мэт надеялся, что она испытает нечто больше чем просто благодарность за то, что они ее спасли, принимая во внимание, что Джуилин определенно питал к ней нежные чувства. Кто сказал, что низвергнутый панарх не может влюбиться в ловца воров? В жизни происходят и более странные вещи. Правда, Мэт не был уверен, что сможет с ходу припомнить хотя бы одну такую.

– Они просто хотели взглянуть на предписание относительно лошадей Люка, – сказал он, и Джуилин кивнул, очевидно немного расслабившись.

– Однако они не стали считать количество коновязей. – (В предписании указано точное число лошадей, которое Люка позволялось держать. Шончан умели быть щедрыми, награждая людей, но, учитывая их нужду в верховых и упряжных лошадях, они не собирались выдавать кому-либо лицензию на торговлю.) – В лучшем случае они просто заберут лишних. В худшем... – Ловец воров пожал плечами. Еще один оптимист.

Тера внезапно тихо охнула, плотнее натянула свой плащ и нырнула обратно в недра палатки. Джуилин тяжелым взглядом смотрел Мэту за спину – тайронец при желании мог поспорить со Стражем, когда дело доходило до такого. Эгинин, по-видимому, все же не понимала намеков и сейчас стояла рядом с палаткой, свирепо озирая собравшихся. Домон стоял рядом с ней, скрестив руки и закусив губу, – то ли погрузившись в раздумья, то ли призывая себя к терпению.

– Складывай палатку, Сандар, – приказала Эгинин. – Балаган отправится в путь, как только вернется Меррилин. – Она говорила сквозь крепко стиснутые зубы и удостоила Мэта лишь одним яростным взглядом. Не больше. – Позаботься о том, чтобы твоя... подруга... не создала никаких проблем.

В последнее время Тера была служанкой, да'ковале, собственностью верховной леди Сюрот, пока Джуилин не выкрал ее. А для Эгинин похитить да'ковале было почти столь же тяжким преступлением, как освободить дамани.

– Можно я поеду на Ветерке? – воскликнул Олвер, вскакивая на ноги. – Можно, Мэт? Можно, Лильвин?

Эгинин чуть ли не улыбнулась ему. Мэт еще ни разу не видел, чтобы она кому-нибудь улыбалась, даже Домону.

– Не сегодня, – сказал Мэт. Надо было подождать, пока они отойдут подальше от Эбу Дар, где кто-нибудь мог ненароком вспомнить серого коня, выигрывавшего забег с маленьким мальчиком на спине. – Может быть, через несколько дней. Джуилин, ты сообщишь остальным? Блерик уже знает, так что он позаботится о сестрах.

Джуилин не стал зря тратить время, лишь на минутку заглянул в палатку, чтобы успокоить Теру. Она, по-видимому, часто нуждалась в утешении. Выйдя наружу с темной, уже слегка поношенной тайренокской курткой в руках, он велел Олверу заканчивать игру и помочь Тере упаковать вещи к его возвращению, затем водрузил на голову свою красную коническую шапку с плоской верхушкой и удалился, надевая на ходу куртку. Он едва взглянул на Эгинин. Она считала его вором, что само по себе было оскорбительным для ловца воров, и тайронец не питал к ней особой симпатии.

Мэт хотел было спросить Ноэла, где тот пропал, но старик шустро ускользнул вслед за Джуилином, крикнув через плечо, что поможет оповестить остальных о том, что балаган снимается с места. Что ж, двое разносят новость быстрее, чем один, – Ванин и четверо оставшихся в живых «красноруких» жили в переполненной палатке в одном конце лагеря, в то время как сам Ноэл делил другую с Томом и двумя слугами, Лопином и Неримом, в противоположном конце, – а вопрос можно будет задать и после. Возможно, старик просто задержался, чтобы спрятать где-нибудь свою драгоценную рыбу. В любом случае это сейчас вдруг показалось Мэту несущественным.

В лагере начал подниматься шум: одни орали конюхам, чтобы те привели им лошадей, другие на пределе возможностей своих голосовых связок требовали, чтобы кто-нибудь объяснил им наконец, что происходит. Адрия, худошавая женщина-змея, пробежала мимо них, шлепая босыми ногами и держа под мышкой расшитый цветами зеленый халат, и исчезла в желтом фургоне, где жили еще четверо акробатов. Из зеленого фургона донесся зычный рев, доводящий до общего сведения, что, между прочим, некоторые здесь пытаются уснуть. Мимо пронеслась стайка детишек членов труппы, некоторые из которых уже сами участвовали в представлениях, и Олвер поднял голову от куска красной материи для игры в «Змей и лисиц»,

которую сворачивал. Это было самым драгоценным его достоянием, но если бы не это, он, без сомнения, пропустил бы за ними. Требовалось еще какое-то время, чтобы труппа была готова отправиться в путь, но вовсе не это заставило Мэта застонать. Просто он услышал, как в его голове снова загремели, перекатываясь, эти проклятые кости.

Глава 3

Многоцветный веер

Мэт не знал, ругаться ему или плакать. Солдаты ушли, а скоро и он отряхнет прах Эбу Дар со своих ног, и вроде бы не было никакой причины для того, чтобы эти проклятые кости катались у него в голове, но ему всегда так казалось, пока не становилось слишком поздно. Его могли отделять от того, что надвигалось на него, несколько дней или какой-нибудь час, но Мэт никогда не мог предсказать этого заблаговременно. Единственное, в чем он мог быть уверен: важное – или зловещее – скоро произойдет, и оно неизбежно. Временами – как, например, той ночью у ворот – он так и не догадывался, почему слышал грохот костей, даже после того, как тот прекращался. Мэт знал одно: хоть кости и заставляли его вертеться ужом на сковородке, но, когда они начинали кататься, он уже не хотел, чтобы они остановились. Но кости останавливались. Рано или поздно, они всегда останавливались.

– Ты здоров, Мэт? – спросил Олвер. – Эти шончан нас не поймают.

Мальчишка пытался говорить с твердой уверенностью, но некий оттенок вопросительной интонации все же прозвучал в его голосе.

Тут Мэт осознал, что уже некоторое время смотрит в пустоту. Эгинин хмурила брови, машинально теребя парик, она явно сердилась, что он не обращал на нее внимания. Глаза Домона смотрели изучающе; и Мэт готов был съесть свою шапку, если тот не решал, не обидеться ли ему на поведение Эгинин. Даже Тера поглядывала на него украдкой из-за полога палатки, а она всегда старалась держаться подальше от глаз Эгинин. Он не мог им ничего объяснить. Только человек, у которого каша вместо мозгов, поверит, что он получает предостережения в виде игральные кости, которых никто не видит. Разве что поверит кто-нибудь отмеченный Силой. Или Темным. Мэту не особенно хотелось, чтобы его заподозрили в чем-либо подобном. Нет, этот секрет он не хотел никому открывать. В любом случае ни к чему хорошему это бы не привело.

– Нет, Олвер, им нипочем не поймать таких, как ты и я. – Он взъерошил парнишке волосы, и тот широко ухмыльнулся; теперь мальчик не сомневался, что все обойдется. – По крайней мере пока мы держим глаза открытыми и головы остаются у нас на плечах. Помни, всегда можно найти выход из любого затруднения, если глаза и ум остры, но если нет, то начнешь спотыкаться о собственные ноги. – Олвер с важностью кивнул, но Мэт обращал свою реплику скорее к остальным. Или, может быть, к самому себе. О Свет, вряд ли кто-нибудь из них мог бы стать сейчас еще более настороженным, за исключением Олвера, который считал все это грандиозным приключением, они все чуть ли не из кожи вон лезли с тех пор, как покинули город. – Иди, Олвер, помоги Тере, как велел тебе Джуилин.

Порыв холодного ветра проник под куртку Мэта, заставив его поежиться.

– И надень куртку, холодно! – добавил он вслед мальчику, уже нырнувшему в палатку.

Шуршание и скрип, донесшиеся изнутри, сказали ему, что Олвер принялся за работу, в куртке или без нее, но Тера продолжала сгорбившись сидеть у входа, поглядывая на Мэта. Похоже, о парне заботился лишь Мэт Коутон, а всем остальным он хоть был, хоть нет.

Когда Олвер исчез в палатке, Эгинин снова подступила к Мэту, уперев кулаки в бока, и он застонал про себя.

– Пришло время определиться, Коутон, – жестко произнесла она. – Прямо сейчас. Я не допущу, чтобы наше путешествие пошло прахом из-за того, что ты отдаешь распоряжения, идущие вразрез с моими приказаниями.

– Здесь нечего определяться, – ответил он. – Я не нанимался служить тебе, насколько я помню. – Ее лицо умудрилось каким-то образом стать еще жестче, – видимо, это означало, что Эгинин считает иначе. Эта женщина была цепкой, как кусающая черепаха, но должен же быть какой-то способ разжать ее челюсти! Видит Свет, он совсем не хотел оставаться наедине с костями, катающимися в его черепе, но это все же лучше, чем слушать их грохот, одновременно споря с Эгинин. – Я хочу повидать Туон, пока мы не тронулись в путь.

Слова сами сорвались с языка, прежде чем он успел как следует подумать. И Мэт догадался, что они уже какое-то время были у него в голове, смутные и постепенно обретающие форму.

Кровь отлила от щек Эгинин при имени Туон, и Мэт услышал тихий вскрик Теры и хлопок задерживаемого полога палатки. Будучи собственностью Сюрот, бывший панарх переняла многие из обычаев шончан, а также многие из их табу. Эгинин, однако, была сделана из более твердого материала.

– Зачем? – требовательно спросила она и продолжила, не переводя дыхания, взволнованная и разъяренная одновременно: – Ты не должен так называть ее. Ты должен относиться к ней с почтением.

По крайней мере, следует быть твердым в отношении некоторых вещей.

Мэт усмехнулся, но Эгинин, казалось, не понимала, что здесь смешного. С почтением? Какое уж там почтение, если человеку заткнули кляпом рот и завернули его в настенную драпировку. Называй ее Туон, или верховной леди, или как-нибудь еще, это уже вряд ли можно изменить. Разумеется, Эгинин скорее предпочла бы говорить об освобождении дамани, чем о Туон. Если бы она могла сделать вид, что похищения вообще не было, она бы так и поступила – да она и пыталась, по чести говоря. О Свет, да ведь она пыталась игнорировать его в тот самый момент, когда оно происходило! В ее глазах любое другое преступление, какое она могла бы совершить, было сущим пустяком по сравнению с этим.

– Я хочу поговорить с ней, – сказал Мэт.

А почему бы и нет? Он должен это сделать рано или поздно. Люди уже бегали рысцей взад-вперед по узкой улочке – полуодетые мужчины в незаправленных рубашках и женщины с волосами, еще обернутыми ночными платками; некоторые вели в поводу лошадей, другие просто бегали кругами без всякого толка. Жилистый паренек чуть постарше Олвера пробежал мимо, делая колесо каждый раз, когда мог выискать в толпе хоть немножко свободного места, отработывая номер или, возможно, просто развлекаясь. Раздражительный соня так до сих пор и не появился из своего темно-зеленого фургона. «Грандиозное странствующее представление Валана Люка» не отправится в путь еще по крайней мере несколько часов. Времени было полно.

– Ты можешь пойти со мной, – предложил Мэт самым невинным тоном. Он должен был подумать об этом раньше.

Это предложение повергло Эгинин в настоящий столбняк. Было трудно поверить, что ее лицо может стать еще бледнее, но теперь в нем, похоже, вообще не осталось краски.

– Ты должен выказать ей все возможное почтение, – хрипло проговорила она, сжимая узел платка обеими руками, словно желая вдавить черный парик в голову. – Пойдем, Байл. Я должна убедиться, что мои вещи уложены как надо.

Домон замешкался, она же повернулась и поспешила сквозь толпу, не оглядываясь. Мэт настроенно наблюдал за Байлом. У него в памяти осталось лишь несколько смутных воспоминаний о побеге на корабле Домона, но и только. Том дружил с Домоном, и это очко в пользу иллианца, однако он был предан Эгинин настолько, что ради нее пошел бы на убийство и готов был поддерживать ее во всем, вплоть до неприязни к Джуилину, поэтому Мэт доверял ему не больше, чем ей. То есть не очень-то доверял. У Эгинин и Домона были свои цели, и их не волновало, сохранит ли Мэт Коутон свою шкуру целой или нет. Он сомневался, что Домон, в свою очередь, питает доверие к нему, но в настоящий момент у них обоих не было особого выбора.

– Да не покинет меня удача, – пробормотал Домон, скребя щетину над левым ухом, – что бы ты там ни задумал, ты маленько дал маху. Сдается мне, что она крепче, чем тебе кажется.

– Эгинин? – недоверчиво переспросил Мэт. И тут же быстро огляделся по сторонам, опасаясь, не слышал ли кто-нибудь его оговорки. Немногие бросали взгляд на них с Домоном, проходя мимо, и уж никто не смотрел дважды. Люка не единственный, кто был рад-радешенек уйти из этого места, где приток посетителей-горожан оскудел, а ночные молнии, от которых запылала вся гавань, были еще свежи в памяти. Они все убежали бы еще той ночью, не оставив пристанища для Мэта, если бы Люка не отговорил их. Обещанное золото придало доводам Люка чрезвычайную убедительность. – Я знаю, что она крепче старого сапога, Домон, но старыми сапогами меня не проймешь. Здесь, разрази меня Свет, не какой-то проклятый корабль, и я не собираюсь позволять ей командовать и портить все дело.

Домон поморщился, словно Мэт был круглым идиотом.

– Я говорил о девчонке, парень. Как ты думаешь, был бы ты сам спокойным, если бы тебя вот так похитили среди ночи? Какую бы игру ты ни затеял, выкинь из головы все эти безумные бредни насчет того, что она будет твоей женой! Поостерегись, а не то она побреет тебе голову до самых плеч.

– Я просто дурачился, – пробормотал Мэт. – Сколько раз нужно повторять? Просто немного разнервничался.

Да уж. Вдруг взять и внезапно обнаружить, кто такая Туон, когда борешься с ней, пытаешься связать, – да от такого разнервничался бы и проклятый троллок!

Домон недоверчиво фыркнул. Что ж, Мэт придумал не самую удачную отговорку. Однако, не считая Домона, все остальные, кто слышал его трепотню, вроде бы поверили. По крайней мере Мэту так казалось. У Эгинин, конечно, язык завязывается мертвым узлом при одной мысли о Туон, но она много чего сказала бы ему, если бы верила, что он говорил серьезно. А вообще-то, скорее всего, она воткнула бы ему нож под ребра.

Поглядывая в том направлении, куда ушла Эгинин, иллианец покачал головой:

– Постарайся все же придерживать язык. Эги... Лильвин каждый раз просто из себя выходит, когда вспоминает о том, что ты тогда сказал. Я слышал, *что* она бормотала про себя, и поручусь, что сама девчонка переживает ничуть не меньше. Еще разок так подурачишься и дождешься, что нас всех укоротят. – Он выразительно чиркнул пальцем себе по горлу.

И, коротко кивнув, иллианец начал проталкиваться сквозь толпу вслед за Эгинин.

Глядя, как он удаляется, Мэт покачал головой. Это Туон – крепкая? Конечно, она Дочь Девяти Лун и все такое, и она с самого начала видела его насквозь, еще в Таразинском дворце, когда Мэт считал ее просто очередной благородной шончанкой, задирающей нос; но ведь это только потому, что Туон постоянно попадалась ему там, где он не ожидал ее увидеть. И все. Крепкая? На вид она была словно куколка из черного фарфора. Насколько крепкой она может быть на самом деле?

«Тебе ничего больше не оставалось, она могла сломать тебе нос, а то и искалечить похуже», – напомнил он себе.

Мэт и сам остерегался повторять то, что Домон назвал «безумными бреднями», но вся беда в том, что он *действительно* собирался жениться на Туон. Эта мысль заставила его вздохнуть. Он был уверен в этом, словно это предсказали ему свыше, да так оно в некотором роде и было. Он не мог себе представить, как может подобная свадьба произойти; это казалось совершенно невозможным. И он не станет плакать, если это действительно окажется невозможным. Но Мэт знал, что не окажется. Почему он вечно влипает по уши в какие-то проклятые разборки с треклятыми женщинами, пытающимися пырнуть его ножом или оторвать ему голову? Это просто несправедливо.

Мэт собирался пойти прямо к фургону, где под присмотром Сеталль Анан содержались Туон и Селусия. По сравнению с хозяйкой гостиницы и камень показался бы мягким; избалованная госпожа и ее горничная не доставляли ей особых хлопот, особенно когда снаружи на страже стоял «краснорукий». По крайней мере до сих пор они бывшей содержательнице гостиницы проблем не создавали, а то бы он об этом уже услышал. Тут Мэт обнаружил, что ноги несут его куда-то в сторону, по извилистым улочкам, пронизывающим лагерь. Повсюду царил суматоха. Мимо пробегали люди с лошадьми в поводу; застоявшиеся животные вставали на дыбы и бросались из стороны в сторону. Другие члены труппы сворачивали палатки и грузили их в фургоны или выносили тюки с одеждой и окованные медью сундуки, бочонки и коробки всевозможных размеров из своих домов-фургонов, простоявших здесь несколько месяцев. Надо было заново переупаковать все для путешествия, пока запрягают лошадей. Шум стоял адский: лошади ржали; женщины кричали на детей; дети плакали из-за потерянных игрушек или просто вопили ради собственного удовольствия; мужчины орал, пытаясь выяснить, куда засунули их упряжь или кто воспользовался их инструментами. Группа акробатов – худощавых, но мускулистых женщин, которые работали на веревках, свешивающихся с высоких шестов, – окружила одного из конюхов; они все размахивали руками и вопили благим матом, не слушая друг друга. Мэт остановился на минутку, пытаясь уяснить, о чем они так яростно спорят, но через некоторое время понял, что женщины и сами этого толком не знали. По земле катались двое сцепившихся друг с другом мужчин без курток, за ними наблюдала та, из-за которой, видимо, и произошла драка, – стройная черноглазая швея по имени Джамейне; но тут появился Петра и растащил дерущихся, не дав Мэту даже возможности поставить на одного из них.

Он не боялся снова увидеть Туон. Разумеется, нет. Затолкав ее в тот фургон, Мэт потом просто держался подальше от нее – чтобы дать девушке время успокоиться и прийти в себя. И все, больше ничего. И лишь одно смущало Мэта. Она была спокойна, Домон сказал правду. Туон похитили среди ночи, увезли из города в бурю, ее окружали люди, которые, как она понимала, запросто перережут ей глотку, и все-таки она держалась спокойнее их всех. О Свет, она была расстроена не больше, чем если бы задумала все это сама! Мэт еще тогда чувствовал себя так, словно кончик ножа щекотал ему спину между лопатками, и сейчас, стоило лишь вспомнить о ней, он опять ощущал этот нож. А тут еще и эти игральные кости, перекатывающиеся внутри черепа.

«Непохоже, чтобы она собиралась предложить тебе прямо сейчас обменяться брачными обетами», – подумал Мэт со смешком, который показался вымученным даже ему самому. Тем не менее у него не было никаких причин бояться. Он просто соблюдал разумную осторожность.

Лагерь по величине не уступал средних размеров деревне, но и на таком пространстве человек, блуждающий бесцельно, рано или поздно начинает ходить по кругу. Довольно скоро – слишком скоро – Мэт обнаружил, что стоит перед бледно-лиловым фургоном без окон, окруженным крытыми парусиной грузовыми фургонами; за ними виднеются коновязи, расположенные вдоль южной стены. Повозки, вывозящие навоз, этим утром не приезжали, и запах стоял

крепкий. Ветер доносил тяжелый дух и от ближайших клеток с животными – мускусный запах больших кошек и медведей, и Свет знает кого еще. Позади грузовых фургонов и столбиков коновязи одна секция парусиновой стены упала на землю и уже колыхалась следующая: мужчины ослабляли растяжки, удерживающие шесты. Солнце, сейчас наполовину скрытое тяжелыми тучами, уже было на полпути к зениту или даже выше, но все же было еще слишком рано.

Гарнан и Метвин, двое «красноруких», уже запрягли первую пару лошадей в оглобли лилового фургона и почти покончили со второй. Солдаты, вышколенные в Отряде Красной руки, они были готовы пуститься в путь, когда остальные еще не могли разобраться, с какой стороны фургона впрягать лошадей. Мэт научил Отряд передвигаться быстро, когда в этом была необходимость. Но сейчас он подходил к фургону, волоча ноги, словно шел по глубокой грязи.

Гарнан, со своей дурацкой татуировкой в виде ястреба на щеке, первым увидел Мэта. Застегивая постромку, тайронец двинул тяжелой челюстью и переглянулся с Метвином – чей по-мальчишески юный облик давал кайриэнцу преимущество в трактирных драках, заставляя противников неверно судить о его возрасте и слабости. Им не было нужды притворяться удивленными.

– Как тут у вас – все гладко? Я хочу сняться с места как можно скорее.

Зябко потирая руки, Мэт беспокойно поглядывал на лиловый фургон. Надо было принести ей подарок, какое-нибудь украшение или цветы. И то и другое обычно нравится женщинам.

– Вроде бы да, милорд, – осторожно отозвался Гарнан. – Не ругается, не кричит, не плачет. – Он взглянул на фургон так, словно сам в это не верил.

– Все тихо, и ладно, – сказал Метвин, продевая повод сквозь кольцо хомута. – Когда женщина начинает плакать, единственное, что можно сделать, – это уйти, если дорожишь своей шкурой; а этих женщин мы вряд ли можем высадить где-нибудь на обочине.

С этими словами он бросил взгляд на фургон и недоверчиво покачал головой.

Мэту ничего не оставалось, кроме как войти внутрь. Что он и сделал. Уже со второй попытки ему удалось с застывшей на лице улыбкой заставить себя взобраться по нескольким крашеным деревянным ступенькам позади фургона. Он не боялся; просто на его месте любой бы занервничал.

Несмотря на отсутствие окон, фургон был ярко освещен внутри: здесь горели четыре лампы с зеркальными отражателями, и в них, чтобы избежать неприятного запаха, заливали хорошее масло. Впрочем, в тот момент, учитывая зловоние, доносящееся снаружи, об этом было трудно судить. Надо было найти для фургона более подходящее место. Благодаря маленькой кирпичной печурке с железной дверцей и железной плитой для готовки сверху здесь было жарко, не то что на улице. Фургон был невелик, и каждый дюйм его стен был занят шкафчиками, или полками, или крючками для одежды и полотенец и тому подобным, но столик, спускавшийся с потолка на веревках, был поднят, и трем женщинам вряд ли здесь было тесно.

Едва ли можно было найти трех женщин более непохожих друг на друга. Госпожа Анан сидела на одной из двух встроенных в стену узких кроватей – царственная женщина с проблеском седины в волосах; она, по всей видимости, была полностью поглощена своим вышиванием и совсем не выглядела стражником. В каждом ухе сверкало по большому золотому кольцу, с плотно охватывающей шею серебряной цепочки свисал брачный кинжал, рукоятка которого, украшенная красными и белыми камнями, виднелась в узком вырезе ее эбударского платья, подшитого с одной стороны, так что видна была желтая нижняя юбка. У нее имелся еще один нож с длинным изогнутым клинком, засунутый за пояс, вполне в обычаях Эбу Дар. Сеталль отказалась как-либо маскироваться, но в этом не было беды. Ни у кого нет причин охотиться за ней, а найти одежду для всех остальных было само по себе достаточной проблемой. Селусия, привлекательная женщина с кожей цвета сливок, сидела на полу между кроватями со скрещенными ногами, ее бритую голову закрывал черный платок, а на лице застыло унылое выражение,

хотя обычно она имела настолько важный вид, что рядом с ней даже госпожа Анан выглядела легкомысленной. Ее глаза были такие же голубые, как и у Эгинин, только еще более пронзительные; и она, кстати, подняла куда больше шума, чем та, когда ее брили наголо. Девушка невзлюбила и темно-синее эбударское платье, в которое ее одели, поскольку считала его глубокий вырез нескромным; зато в нем она была столь же неузнаваемой, как если бы надела маску. Немногие мужчины, бросив взгляд на впечатляющую грудь Селусии, были способны сосредоточить внимание на ее лице. Мэт и сам был не прочь насладиться этим зрелищем подольше, но рядом на единственном в фургоне табурете, с книгой в кожаном переплете на коленях, сидела Туон, и он с трудом мог заставить себя смотреть на что-то еще. Его будущая жена. О Свет!

Туон была миниатюрной, не то чтобы низенькой, но худощавой, как мальчишка, и слишком широкое для нее коричневое шерстяное платье, купленное у одного из артистов, делало ее похожей на маленькую девочку, нацепившую платье старшей сестры. Не совсем тот тип женщины, который ему нравился, особенно учитывая то, что ее череп был покрыт короткой черной щетиной, едва успевшей вырасти за последние несколько дней. Однако, если не обращать на это внимание, она и правда была хороша собой: этакое создание, с лицом в форме сердечка, пухлыми губами и глазами, словно два больших темных озера, исполненных безмятежности. Это совершенное спокойствие смущало его. Даже Айз Седай вряд ли сохранила бы безмятежность в подобных обстоятельствах! Проклятые кости в голове мешали ему сосредоточиться.

– Сеталль держит меня в курсе событий, – произнесла Туон холодно и нараспев, едва Мэт закрыл за собой дверь. Он дошел уже до того, что мог различать разницу в акценте шончан: по сравнению с произношением Туон акцент Эгинин звучал так, словно она набрала полный рот каши; однако и речь Туон все же была медленной и неразборчивой, как у всех шончан. – Она рассказала мне, какую историю ты придумал относительно меня, Игрушка. – Туон упорно называла его так еще в Таразинском дворце. Тогда ему было все равно. Ну, почти все равно.

– Меня зовут Мэт, – поправил он.

Юноша не успел увидеть, откуда в ее руке взялась глиняная чашка, но умудрился упасть на пол как раз вовремя, чтобы она разбилась о дверь, а не об его голову.

– Так я служанка, Игрушка? – Если до этого Туон говорила холодным тоном, то теперь в нем звучали вечные льды. Она не повысила голоса, но он был жестким, как все тот же лед. По сравнению с этим интонации судьи, читающего смертный приговор, показались бы жизнерадостными. – Служанка-воровка? – Книга соскользнула с ее коленей, когда она встала и наклонилась за белым ночным горшком, накрытым крышкой. – Служанка-предательница?

– Нам это еще понадобится, – почтительно напомнила Селусия, забирая ночной горшок из рук Туон.

Аккуратно отставив посудину в сторону, она снова села у ног Туон с таким видом, словно готова была сама наброситься на Мэта, как ни смешно это выглядело. Впрочем, вряд ли что-либо могло показаться смешным в этот момент.

Госпожа Анан протянула руку к одной из огороженных бортиками полок над своей головой и подала Туон другую чашку.

– Этого добра у нас достаточно, – пробормотала она.

Мэт метнул на нее негодующий взгляд, но ее ореховые глаза лишь сверкнули весельем. Весельем! О Свет, предполагалось, что она *сторожит* эту парочку!

Послышался стук в дверь.

– Эй, вам там помощь не нужна? – нерешительно позвал Гарнан.

«Интересно, – подумал Мэт, – у кого из нас он спрашивает?»

– У нас все хорошо, – отозвалась Сеталль, спокойно прокалывая иглой ткань на своих пальцах. По ее виду можно было решить, что вышивание есть самое важное из всего, что здесь происходило. – Делайте свое дело. Не лодырничайте.

Она не была коренной эбударкой, но, очевидно, переняла эбударские манеры обращения со слугами. Спустя мгновение сапоги протопали вниз по лестнице. Судя по всему, Гарнан тоже слишком много времени провел в Эбу Дар.

Туон повертела в руках новую чашку, словно рассматривая нарисованные на ней цветы, и ее губы изогнулись в едва заметной улыбке – Мэт почти решил, что это игра его воображения. Когда она улыбалась, то становилась более чем хорошенькой, однако эта улыбка ясно свидетельствовала, что ей известны вещи, о которых он не имеет представления. Если она будет продолжать так улыбаться, у него по телу пойдут мурашки.

– Я никогда не позволю, чтобы меня считали служанкой, Игрушка.

– Меня зовут Мэт, а не... так, как ты сказала, – ответил он, поднимаясь на ноги и осторожно шупая бедро. К его удивлению, оно довольно сносно пережило удар о доски пола. Туон выгнула дугой бровь, взвешивая чашку на ладони. – И вряд ли я мог сказать людям в лагере, что похитил Дочь Девяти Лун, – добавил Мэт в раздражении.

– Верховную леди Туон, деревенщина! – жестко поправила Селусия. – Которая носит вуаль!

Вуаль? Во дворце на Туон действительно была вуаль, но с тех пор она ее не носила.

Девушка сделала рукой милостивый жест, как королева, дарующая прощение:

– Это не так уж важно, Селусия. Он еще довольно невежественный. Мы должны позаботиться о его образовании. Но ты изменишь легенду, Игрушка. Я не могу быть служанкой!

– Уже слишком поздно что-то менять, – сказал Мэт, одним глазом следя за чашкой. Ее руки выглядели такими хрупкими после того, как ей обрезали длинные ногти, но он помнил, насколько проворными они могут быть. – Никто не просит тебя действительно *быть* служанкой.

Люка и его жена знали правду, но для остальных необходимо было придумать какую-то причину, по которой Туон и Селусия содержатся в этом фургоне под стражей. Самой подходящей была история о двух служанках, которых собирались уволить за воровство и которые решили искупить вину, рассказав своему хозяину о готовящемся побеге его жены с любовником. По крайней мере Мэту эта история казалась достоверной. Для членов труппы она лишь добавляла романтики в общую картину. Он думал, что Эгинин проглотит собственный язык, когда он объяснял это Люка. Возможно, она предвидела, как примет это Туон. О Свет, он уже почти хотел, чтобы эти кости остановились. Разве может человек думать, когда у него в голове творится такое?

– Я не мог оставить вас во дворце, чтобы вы подняли тревогу, – терпеливо продолжал Мэт. Это было правдой в той или иной степени. – Уверен, что госпожа Анан объяснила тебе все это. – Он подумал, не сказать ли ей, что болтал пустяки и назвал ее своей женой из-за того, что просто перенервничал, – она, должно быть, считает его совсем полоумным! – но решил, что лучше не поднимать снова этот вопрос. Если она собиралась оставить это как есть, тем лучше. – Я клянусь, что никто не собирается причинять тебе вред. Мы не потребуем выкупа, мы хотим просто убраться отсюда, сохранив свои головы на плечах. Как только я придумаю способ отослать тебя домой в целости и сохранности, то сделаю это. Обещаю. До тех пор я постараюсь, чтобы ты не испытывала неудобств, насколько это будет в моей власти. Тебе нужно только смириться со всем остальным.

Большие темные глаза Туон вспыхнули, как молния в ночном небе, но она произнесла:

– Думаю, скоро я узнаю, чего стоят твои обещания, Игрушка.

Селусия у ее ног зашипела, как кошка, которую окунули в воду, и повернула голову, словно собираясь возразить, но Туон слегка двинула левой рукой, и голубоглазая женщина покраснела и промолчала. Выскородные при общении со своими приближенными слугами прибегали к какому-то языку жестов, вроде того, какой используют Девы Копья. Мэт пожалел, что не понимает этих шончанских знаков.

– Ответь мне на один вопрос, Туон, – сказал он.

Ему послышалось, что Сеталль пробормотала: «Вот глупец». На скулах Селусии заиграли желваки, а в глазах Туон зажегся опасный огонек, но если она намерена продолжать называть его Игрушкой, то пусть его сожгут, если он будет награждать ее какими-то титулами.

– Сколько тебе лет?

Мэт слышал, что Туон была всего несколькими годами моложе его, но при взгляде на нее в это трудно было поверить.

К его изумлению, опасная искорка в ее глазах разгорелась пламенем. На этот раз это было не просто молнией. Таким взглядом можно испепелить на месте. Туон выпрямила плечи и вытянулась в полный рост – не слишком большой; Мэт сомневался, что она будет выше пяти футов, не вставая на цыпочки, как бы ни тянулась.

– Через пять месяцев наступит мой четырнадцатый день наречения истинного имени, – промолвила она, и ее голос никак нельзя было назвать холодным. По правде говоря, от него исходило больше жара, чем от печки. Мэт на секунду почувствовал, как в нем просыпается надежда, но она еще не закончила. – Ах да, вы же здесь сохраняете имена, данные при рождении, не так ли? Значит, это будет мой двадцатый день именин. Ты доволен, Игрушка? Ты опасался, что выкрал... ребенка? – Последнее слово она чуть ли не прошипела.

Мэт замахал перед собой руками, отчаянно отменяя такое предположение. Если женщина начинает шипеть, как закипающий чайник, мужчина, у которого есть хоть какие-то мозги, должен придумать способ поскорее охладить ее. Туон сжимала чашку так крепко, что на тыльной стороне ладони выступили сухожилия, а ему не хотелось испытывать, перенесет ли его бедро еще одно падение на пол. По правде говоря, юноша не был уверен, так ли она хотела попасть в него в первый раз. Ее руки могли двигаться очень быстро.

– Я просто хотел знать, вот и все, – быстро проговорил Мэт. – Мне было любопытно, в конце концов. Мне самому лишь немного больше.

Двадцать. А он так надеялся, что она еще слишком молода, чтобы выйти замуж в ближайšie три-четыре года! Он готов был приветствовать все, что могло помешать свадьбе.

Наклонив голову, Туон некоторое время с подозрением изучала его, а затем швырнула чашку на кровать рядом с госпожой Анан и вновь уселась на табурет, уделив такое внимание расправлению своих необъятных шерстяных юбок, словно это было роскошное шелковое платье. Но при этом она продолжала внимательно рассматривать его сквозь свои длинные ресницы.

– Где твое кольцо? – требовательно спросила она.

Он машинально дотронулся большим пальцем левой руки до того места, где обычно находилось его продолговатое кольцо-печатка.

– Я не ношу его все время.

Еще бы, ведь все в Таразинском дворце знали о нем. Оно в любом случае слишком выделялось бы на фоне его грубой одежды бродяги. Даже печать на нем была не его собственная, просто пробная работа резчика. Удивительно, насколько его рука стала легкой без кольца. Слишком легкой. И странно, что он заметил это. Но, с другой стороны, почему бы и нет? О Свет, из-за этих костей он начинает шархаться от каждой тени и подпрыгивать при каждом вздохе! Или, может быть, это из-за нее? Подобная мысль не приносила успокоения.

Мэт двинулся было к незанятой кровати, но Селусия метнулась к ней с такой быстротой, что позавидовал бы любой из акробатов, и распростерлась во весь рост, подперев рукой голову. При этом ее платок немного сбился, но она поспешно поправила его, не отрывая от Мэта взгляда, надменного и холодного, как у королевы. Он взглянул на вторую кровать, но госпожа Анан положила на нее свою довольно обширную вышивку, якобы для того, чтобы расправить юбки, ясно давая понять, что не собирается уступать ни единого дюйма. Чтоб ей сгореть, она ведет себя так, словно охраняет Туон от него! Женщины всегда держатся друг за

дружку, так что у мужчины не остается ни единого шанса. Что ж, до сих пор он ухитрялся не давать Эгинин слишком уж командовать, и он не собирался позволять Сеталль Анан, или грудастой горничной, или великой и могучей верховной леди, треклятой Дочери Девяти рас-треклятых Лун, издеваться над собой! Правда, вряд ли он позволит себе отпихнуть кого-либо из них, чтобы освободить себе сиденье.

Облокотившись на шкафчик с выдвижными ящиками в ногах кровати, на которой сидела госпожа Анан, Мэт попытался придумать, что ему сказать. Он всегда без труда находил то, что нужно говорить женщинам, но сейчас его мозги были оглушены грохотом костей. Все три женщины смотрели на него с неодобрением – он только что не слышал, как они называют его трусом! – и поэтому Мэт просто улыбнулся. Женщины часто говорили ему, что у него улыбка победителя.

Туон испустила глубокий вздох, который даже отдаленно нельзя было счесть вздохом побежденного.

– Ты помнишь лицо Артура Ястребиное Крыло, Игрушка?

Госпожа Анан удивленно захлопала глазами, а Селусия села на кровати, хмуро воззри-вшись на него. Почему она глядит так на него? Туон же просто смотрела, сложив руки на коле-нях, холодно и сосредоточенно, как Мудрая в День солнца.

Улыбку Мэта словно заморозило. О Свет, что она знает? Как она вообще может знать что-либо?

Он лежал под пальцем солнцем, держась за бок обеими руками, пытаясь удержать последние капли вытекающей из него жизни и размышляя, стоит ли продолжать цепляться за жизнь. С Алдешаром после этого дня было покончено. Чья-то тень на мгновение закрыла солнце, а затем высокий человек в доспехах склонился над ним, держа свой шлем под мышкой: темные, глубоко посаженные глаза горели над крючковатым носом. «Ты хорошо бился против меня сегодня, Кулэйн, как и в предыдущие дни, – произнес этот памятный голос. – Будешь ли ты жить со мною в мире?» С последним вздохом он рассмеялся в лицо Артуру Ястребиное Крыло.

Он ненавидел воспоминания о том, как умирал.

Дюжина других сражений промелькнула в его сознании – память древних времен, кото-рая теперь принадлежала ему. Артур Пейндраг был человеком, с которым трудно было ужиться даже до того, как начались войны.

С трудом переведя дыхание, он попытался найти нужные слова. Сейчас не тот момент, чтобы начинать изъясняться на древнем наречии.

– Нет, разумеется, – солгал он. С мужчиной, который не может убедительно солгать, женщины расправляются быстро. – О Свет, да ведь Артур Ястребиное Крыло умер тысячу лет назад! Что за вопросы ты задаешь?

Ее губы медленно раскрылись, и какое-то мгновение он был уверен, что она собирается ответить вопросом на вопрос.

– Действительно глупые вопросы, Игрушка, – сказала она наконец. – Даже не знаю, почему это соскочило у меня с языка.

Плечи Мэта слегка расслабились. Ну разумеется. Он же та'верен. Люди рядом с ним гово-рят и делают вещи, о которых бы в другом случае и не подумали. Совершенную бессмыслицу. Однако подобное свойство может приносить большие неудобства, когда удар почти попадает в цель.

– Меня зовут Мэт. Мэт Коутон.

С тем же успехом он мог бы вообще не открывать рта.

– Не знаю, Игрушка, что я буду делать, когда вернусь в Эбу Дар. Я еще не решила. Возможно, сделаю тебя да'ковале. Ты недостаточно красив для виночерпия, но, возможно, мне доставит удовольствие, если именно ты будешь подносить мне чашу. Однако ты высказал

несколько обещаний по отношению ко мне, и теперь мне хочется ответить тебе тем же. Обещаю, что до тех пор, пока ты будешь держать свое слово, я не убегу и не предам тебя тем или иным образом и не стану сеять раздоры между твоими людьми. Думаю, это все, что от меня может потребоваться.

На этот раз госпожа Анан изумленно воззрилась на нее, а Селусия неопределенно хмыкнула, но Туон, казалось, не замечала ни ту ни другую. Она смотрела только на него, ожидая, как он ответит.

Слова застряли у него в горле. Лицо Туон было спокойно, как маска темного стекла. Ее спокойствие было безумием, но по сравнению с этим полная тарабарщина казалась исполненной глубокого смысла! Она, должно быть, сумасшедшая, если думает, что он поверит такому обещанию. Но Мэт чувствовал, что она действительно говорила то, что думала. Или же она умела лгать лучше, чем это удавалось ему. И опять у него возникло тошнотворное чувство, что она знает больше, чем он. Это, разумеется, смешно, но это так. Мэт проглотил комок в горле. Очень плотный комок.

– Что ж, с тобой все ясно, – сказал он, пытаясь выиграть время, – но как насчет Селусии? Время для чего? Он не мог думать из-за этих костей, перекатывающихся в его черепе.

– Селусия исполняет то, что я пожелаю, Игрушка, – нетерпеливо сказала Туон.

Голубоглазая женщина выпрямилась и воззрилась на Мэта с таким негодованием, словно он сомневался в этом. Хоть она и была всего лишь горничной, но могла выглядеть свирепой, если хотела.

Мэт не знал, что ему следует сказать или сделать. Не раздумывая, он плюнул на свою ладонь и протянул Туон руку, словно скрепляя покупку лошади.

– Ваши обычаи... приземленны, – проговорила Туон сухим тоном, однако тоже плюнула себе на ладонь и сжала его руку. – «Да будет этим запечатлено наше соглашение и скреплен наш договор». Что означает надпись на твоём копье, Игрушка?

На этот раз он впрямь хмыкнул, и не потому, что вспомнил надпись на древнем наречии, вырезанную на его *ашандаре*. Тут хмыкнул бы и проклятый Светом булжжик. Игральные кости в его голове перестали кататься в тот самый миг, когда он прикоснулся к ее руке. О Свет, что же произошло?

В дверь постучали костяшками пальцев, и Мэт был на таком взводе, что развернулся без единой мысли в голове, в каждой руке мгновенно оказалось по ножу; он готов был устремиться к двери, кто бы ни вошел.

– Держитесь позади меня, – отрывисто приказал он.

Дверь отворилась, и внутрь просунулась голова Тома. Капюшон его плаща был поднят, и Мэт понял, что снаружи идет дождь. Занятый Туон и гремевшими костями, он не услышал, когда дождь начал колотить по крыше фургона.

– Надеюсь, я не помешал вашему разговору? – сказал Том, разглаживая длинные белые усы.

Лицо Мэта вспыхнуло. Сеталль замерла с иглой в руке, от которой к вышиванию протянулась синяя нитка; ее брови, казалось, собрались влезть на макушку. Напряженно выпрямившись на краю кровати, Селусия с заметным интересом наблюдала, как ножи скользят обратно в рукава Мэта. Он никогда бы не подумал, что она из тех, кто любит опасных мужчин. Женщин подобного сорта следует избегать: они склонны делать так, что мужчине поневоле приходится становиться опасным. Он не смотрел на Туон, стоявшую у него за спиной. Наверняка воззрилась на него так, словно он вдруг запрыгал, как Люка. То, что Мэт не хотел жениться, еще не значило, что он хотел, чтобы будущая жена считала его придурком.

– Что ты разузнал, Том? – не особо церемонясь, спросил Мэт.

Что-то произошло, иначе кости не остановились бы. К нему пришла мысль, от которой на голове зашевелились волосы. Вот уже во второй раз кости остановились в присутствии Туон.

Это если не считать того случая, как они вышли через ворота из Эбу Дар. Три раза, и все связаны с ней. Проклятье!

Слегка прихрамывая, седовласый менестрель вошел внутрь, откинул с головы капюшон и плотно прикрыл за собой дверь. Его хромота была последствием старой раны, путешествие в город здесь ни при чем. Высокий, худощавый, с загорелой кожей, зоркими голубыми глазами и белоснежными усами, свисающими ниже подбородка, он невольно повсюду привлекал к себе внимание, но Том умел и скрыться из виду на ровном месте. Его темная куртка и шерстяной коричневый плащ выдавали человека, у которого не так много денег, чтобы ими разбрасываться.

– Улицы полны слухов о ней, – произнес Том, кивая в сторону Туон, – но никто ничего не говорит о ее исчезновении. Я заказал выпивку для нескольких шончанских офицеров, так те, по-видимому, уверены, что Туон благополучно пребывает в Таразинском дворце или же уехала куда-нибудь с инспекцией. Непохоже, что офицеры о чем-то умалчивают, Мэт. Они действительно не знают.

– Неужели ты думал, что об этом объявят публично, Игрушка? – недоверчиво спросила Туон. – Будь так, Сюрот, скорее всего, готовилась бы к самоубийству, чтобы смыть позор ценой своей жизни! Не ожидаешь же ты, что она вдобавок станет еще распространяться о похищении? Ведь каждому станет ясно, насколько это дурное предзнаменование для Возвращения!

Разумеется, Эгинин права. Он просто до сих пор не мог поверить. Однако все это совершенно не важно по сравнению с тем, что остановились кости. Что же произошло? Он пожал руку Туон, только и всего. Пожал руку и заключил сделку. Он собирался сдержать свое обещание, но о чем хотели сказать ему кости? Что она станет блюсти свое? Или что не станет? Кто знает, вдруг у шончанской знати в обычае выходить замуж за – кем она там собиралась его сделать? – виночерпиев. Возможно, они только и делают, что выходят замуж за виночерпиев.

– Есть еще кое-что, Мэт, – сказал Том с ноткой удивления в голосе, задумчиво глядя на Туон.

Мэту пришло в голову, что ее, по-видимому, совсем не заботит то, что Сюрот может убить себя. Возможно, она действительно была такой крепкой, как думал Домон. Что же проклятые кости хотели сказать ему? Вот что на самом деле было важно. Но тут Том сказал такое, что Мэт разом обо всем забыл:

– Тайлин мертва. Это держат в тайне, опасаясь волнений, но один из дворцовой стражи, молодой лейтенант, который не умеет пить бренди, сказал мне, что планируется совместить ее похороны с коронацией Беслана.

– Что? – недоверчиво переспросил Мэт.

Тайлин была старше его, но не настолько же старше! Коронация Беслана. О Свет! Как Беслан, интересно, справится со всем этим, если он ненавидит шончан? Это он предложил в ту ночь поджечь склады на Прибрежной дороге. Он попытался бы и восстание поднять, если бы Мэт не убедил его, что тогда начнется настоящая резня – и перебиты будут отнюдь не шончан.

Том помедлил, поглаживая большим пальцем усы. Наконец, вздохнув, он закончил:

– Тайлин нашли в ее спальне на следующее утро после того, как мы ушли, Мэт. Она была по-прежнему связана по рукам и ногам. А ее голова... Ее голова была оторвана от туловища.

Мэт понял, что у него подогнулись ноги, только когда обнаружил, что сидит на полу и в ушах у него стоит гул. Он слышал ее голос. «Тебе отрубят голову, если ты не будешь осторожен, поросенок, а мне бы это не понравилось». Сеталль наклонилась на узкой кровати, сочувственно коснувшись рукой его щеки.

– Ищущие Ветер? – спросил Мэт. Ему не требовалось говорить больше.

– Если верить тому, что сказал лейтенант, шончан решили, что это сделали Айз Седай. Из-за того, что Тайлин дала присягу шончан. Они объявят об этом на погребальном пиршестве.

– Тайлин умерла в ту ночь, когда сбежали Ищущие Ветер, а шончан считают, что ее убили Айз Седай? – Он не мог поверить в то, что Тайлин мертва. «Я съем тебя на ужин, утеночек». – Что за ерунда, Том?

Том нахмурился и призадумался:

– Возможно, это отчасти политический ход, но мне кажется, что они действительно в это верят, Мэт. Лейтенант сказал, что Ищущие Ветер, по мнению шончан, слишком торопились, чтобы останавливаться или сворачивать в сторону, а кратчайший путь из клетушек дамани к выходу из дворца проходит в стороне от апартаментов Тайлин.

Мэт хмыкнул. Он был уверен, что это не так. А если и так, все равно уже ничего не поделаешь.

– У марат'дамани была причина убить Тайлин, – внезапно произнесла Селусия. – Они, должно быть, боялись, что она подаст пример другим. Но вот какая причина была у тех дамани, о которых ты говоришь? Никакой. Рука правосудия требует предоставить мотивы и доказательства, даже когда речь идет о дамани и да'ковале. – Она говорила так, словно читала по книге. И смотрела на Туон краешком глаза.

Мэт глянул через плечо, – возможно, девушка и использовала язык жестов, чтобы подсказывать Селусии, что говорить, но сейчас ее руки лежали на коленях. Она смотрела на него без всякого выражения.

– Тайлин была так дорога тебе? – осторожно спросила она.

– Да. Нет. Чтоб мне сгореть, она нравилась мне! – Отвернувшись, Мэт провел пальцами по волосам, сдвинув шапку на затылок. Он в жизни не был так счастлив, как когда ему удалось сбежать от этой женщины, но теперь... – Я оставил ее связанной и с кляпом во рту, так что она не могла даже позвать на помощь, считай, специально подготовил ее для *голама*, – горько сказал Мэт. – Он приходил за мной. И не качай головой, Том. Ты знаешь это не хуже меня.

– А кто такой этот... голам? – спросила Туон.

– Порождение Тени, миледи, – ответил Том. Он озабоченно нахмурился. Его не так-то просто было заставить беспокоиться, но только круглый дурак останется спокойным, имея дело с голамом. – Он выглядит как человек, но может проскользнуть в мышиную нору или в щель под дверь и настолько силен, что... – Он дернул себя за ус. – Ладно, хватит об этом. Мэт, вокруг нее могла находиться сотня телохранителей, и они не остановили бы эту тварь.

Но ей не понадобилась бы сотня телохранителей, если бы она не связалась с Мэтом Коутоном.

– Голам, – с отвращением пробормотала Туон. Внезапно она сильно стукнула Мэта по макушке костяшками пальцев. Схватившись рукой за голову, он через плечо недоуменно уставился на нее. – Я очень рада, что ты выказал верность по отношению к Тайлин, Игрушка, – сказала девушка сурово, – но я не потерплю в тебе суеверия. Это не делает Тайлин чести.

Чтоб ему сгореть, смерть Тайлин, похоже, волновала ее не больше, чем то, покончит Сюрот с собой или нет. Что же это за женщина, на которой он собирается жениться?

На этот раз, когда в дверь постучали, Мэт даже не потрудился встать. Внутри у него все онемело, а снаружи словно содрали кожу. Блерик без разрешения протиснулся в фургон, с его темно-коричневого плаща стекали струйки дождя. Плащ был старым, местами протершимся до дыр, но Блерика, казалось, не беспокоило, что плащ промокает. Страж не обращал внимания ни на кого, кроме Мэта, – или почти ни на кого. По правде говоря, он на мгновение засмотрелся на грудь Селусии!

– Джолин хочет тебя видеть, Коутон, – произнес он, все еще глядя на девушку.

О Свет! Только этого и не хватало Мэту сегодня для полного счастья.

– Кто такая Джолин? – требовательно спросила Туон.

Мэт не ответил ей.

– Скажи Джолин, что я встречу с ней, как только мы тронемся с места, Блерик.

Меньше всего ему хотелось сейчас выслушивать новые сетования Айз Седай.

– Она хочет видеть тебя немедленно, Коутон.

Мэт со вздохом встал и поднял шапку с пола. Судя по виду Блерика, в противном случае его потащат силой. В том состоянии, в каком пребывал сейчас Мэт, он, пожалуй, мог пырнуть Блерика ножом, если бы тот попробовал сделать это. И в результате ему сломали бы шею: Стражу вряд ли понравилась бы попытка воткнуть нож ему под ребро. Мэт был совершенно уверен, что уже умер единственный отпущенный ему раз, причем не в старых воспоминаниях. Так что не стоит рисковать без крайней необходимости.

– Кто такая Джолин, Игрушка?

Если бы он не знал совершенно точно, что это не так, то решил бы, что в голосе Туон звучит ревность.

– Треклятая Айз Седай! – прорычал Мэт, натягивая шапку.

Он был вознагражден первой маленькой радостью за этот день: челюсть Туон отвисла от изумления. Она так и не нашлась что сказать, и он вышел, захлопнув за собой дверь. Пустячок, а приятно. Маленькая бабочка на навозной куче. Тайлин мертва, и в этом могут оказаться виновны Ищущие Ветер, что бы там ни говорил Том. Да вдобавок еще и проклятые кости. Совершенно крохотная бабочка на огромнейшей куче навоза.

Небо было затянуто тяжелыми тучами, и дождь лил не переставая. Промокалец – так называли такой дождь дома, в Двуречье. Не успел Мэт выйти наружу, как вода заструилась по волосам, невзирая на шапку, и стала просачиваться сквозь куртку. Блерик же едва замечал ливень, даже не потрудился запахнуть плащ. Мэту ничего не оставалось, как хлопнуть, сгорбившись, по лужам, затопляющим грязную улицу. Так и так, пока он доберется до фургона за плащом, он уже промокнет насквозь. К тому же такая погода вполне отвечала его настроению.

К удивлению Мэта, за то короткое время, что он провел в фургоне, была проделана невероятная работа, несмотря на дождь. Парусиновая стена была убрана, насколько он мог видеть в обе стороны, и половина грузовых фургонов, что окружали жилище Туон, тоже уже исчезла. Не было также большей части животных, до этого привязанных к столбикам коновязи. Просторная железная клетка с черногривым львом катилась позади остальных по направлению к дороге; упряжку тяжеловозов так же мало заботил лев, спящий в клетке позади них, как и дождь, поливающий их сверху. Артисты тоже понемногу двигались к дороге, хотя каким образом им удалось сохранять порядок передвижения, оставалось загадкой. Большинство палаток исчезли; в одном месте не хватало трех ярко раскрашенных фургонов, в другом фургоны стояли через один, хотя те, что еще оставались на месте и ждали своей очереди, по-прежнему казались чем-то незыблемым. Единственной деталью, говорившей, что трупка не просто разбредлась кто куда, был сам Люка: он шествовал вдоль улицы, в ярко-красном, плотно запахнутом плаще, останавливаясь то здесь, то там, чтобы хлопнуть по плечу кого-нибудь из мужчин или шепнуть на ушко женщине пару слов, отчего та принималась хохотать. Если бы артисты сами решили уйти, Люка не разгуливал бы по улицам, а гонялся бы за ними, пытаясь убедить их вернуться. Он сохранял труппу в основном благодаря дару убеждения и никогда не отпускал артиста просто так, не охрипнув прежде в попытках убедить его отказаться от этого намерения. Мэт, вообще-то, должен был обрадоваться, что Люка еще здесь, хотя ему никогда не приходило в голову, что тот откажется от денег. Но в этот момент он, казалось, просто был не способен на какие-то чувства, кроме оцепенения или ярости.

Фургон, к которому привел Мэта Блерик, был почти столь же большим, как у Люка, но он скорее был побелен, нежели покрашен. Белая краска давно не подновлялась, поблекла и пошла полосами, а дождь придал ей дополнительный серый оттенок; в некоторых местах сквозь краску проглядывало дерево. Фургон принадлежал группе шутов – четверем мрачным мужчинам, которые на потеху зрителям раскрашивали себе лица, на арене окунали друг друга в воду и лупили надутым свиным пузырем, а в свободное время транжирили деньги, поглощая такое

количество вина, какое могли себе позволить. Учитывая, сколько заплатил им Мэт за аренду фургона, они могли несколько месяцев пить не просыхая. И лучше не вспоминать, сколько монет пришлось отдать тем, кто согласился приютить у себя эту четверку.

В фургон уже оказались запряжены четыре косматые неопределенного вида лошадки, и Фен Мизар, второй Страж Джолин, сидел на козлах, закутавшись в старый серый плащ и с поводьями в руках. Его раскосые глаза взирали на Мэта с выражением, с каким смотрит волк на нахальную дворняжку. План Мэта не нравился Стражам с самого начала, они были уверены, что смогут без приключений увезти сестер в безопасное место, как только окажутся за пределами городских стен. Возможно, так оно и было, но шончан неустанно охотились за женщинами, умеющими направлять (балаган Люка обшаривали четырежды после падения Эбу Дар), и хватило бы малейшего подозрения, чтобы все они угодили в котел. Если верить рассказам Домона и Эгинин, Взыскующие способны заставить придорожный валун рассказать обо всем, что он видел, пока лежал на своем месте. К счастью, не все сестры чувствовали себя так уверенно, как Стражи Джолин. Айз Седай всегда очень смущались, когда не могли прийти к согласию между собой.

Когда Мэт подошел к лесенке с задней стороны фургона, Блерик остановил его, упершись рукой ему в грудь. Лицо Стража было словно вырезано из дерева, по крайней мере оно не больше, чем какая-нибудь деревяшка, выказывало, что его беспокоят потоки дождя, струившиеся по щекам.

– Фен и я очень благодарны тебе за то, что ты помог нам выбраться из города, Коутон, но так дальше продолжаться не может. Сестры живут в ужасной тесноте, вынуждены делить помещение со всеми этими женщинами, с которыми они к тому же не ладят. Скоро начнутся большие проблемы, если мы не найдем другой фургон.

– Меня за этим сюда позвали? – раздраженно спросил Мэт, туже стягивая воротник.

Это не очень-то помогало. Спина уже промокла насквозь, и спереди было не намного лучше. Если Джолин вытащила его сюда только для того, чтобы опять начать ныть из-за неудобного жилья...

– Она скажет, зачем тебя сюда позвали, Коутон. Просто помни, что я тебя предупредил.

Ворча под нос, Мэт вскарабкался по заляпанным грязью ступенькам и вошел в фургон, чуть ли не хлопнув за собой дверь.

Фургон был обставлен почти так же, как жилище Туон, разница состояла лишь в том, что здесь имелось четыре кровати, расположенные в два этажа друг над другом. Он не представлял себе, как шесть женщин умудряются спать тут вместе, но подозревал, что вряд ли они живут мирно. Воздух в фургоне только что не потрескивал, как жир на сковородке. На каждой из двух нижних кроватей сидели по три женщины, каждая из них либо враждебно разглядывала, либо намеренно не замечала сидящих напротив. Джолин, которая никогда не была дамани, вела себя так, словно три сул'дам вообще не существовали. Она читала маленькую книжечку в деревянном переплете и выглядела Айз Седай до кончиков ногтей – воплощенное высокомерие, несмотря на то что была одета в поношенное синее платье, ранее принадлежавшее некой женщине, дрессировавшей львов. Другие две сестры, однако, по собственному опыту знали, что значит быть дамани. Эдесина настороженно поглядывала на трех сул'дам, держа одну руку на поясе рядом с ножом, в то время как глаза Теслин постоянно двигались, глядя на что угодно, кроме сул'дам, а руки теребили темную шерстяную юбку. Мэт не знал, каким образом Эгинин заставила трех сул'дам способствовать побегу дамани, но, даже несмотря на то, что их наверняка разыскивали вместе с Эгинин, они не изменили своего отношения к женщинам, способным направлять Силу. Бетамин, высокая и такая же темнокожая, как Туон, одетая в эбударское платье с очень глубоким вырезом и подшитым с одной стороны выше колена подолом, открывающим бледно-розовые нижние юбки, сидела с видом матери, только и ждущей от детей непослушания, а желтоволосая Сита, в сером шерстяном платье с высоким глухим воротом,

выглядела так, словно видела перед собой опасных собак, которых рано или поздно придется посадить на цепь. Ринна – та, которая говорила об отрубании рук и ног, – также делала вид, что читает, но ее обманчиво ласковые карие глаза то и дело отрывались от тонкой книжки, чтобы взглянуть на Айз Седай, и в эти моменты ее губы кривились в неприятной усмешке. Мэту захотелось выругаться еще до того, как кто-либо из них открыл рот. Мудрый человек держится подальше от женщин, когда между ними возникают разногласия, и особенно когда среди них находится Айз Седай; но так ведь он не в первый раз приходил в этот фургон.

– Лучше, чтобы твое дело оказалось действительно важным, Джолин. – Расстегнув куртку, Мэт попытался стряхнуть из нее хоть немного воды. Он подумал, что было бы неплохо выжать ее. – Я только что узнал, что голам убил Тайлин той ночью, когда мы сбежали, и я не в том настроении, чтобы выслушивать жалобы.

Джолин, прежде чем заговорить, заложила страницу вышитой закладкой, закрыла книгу и сложила поверх нее руки. Айз Седай никогда не спешат, они только ожидают этого от остальных. Если бы не Мэт, Джолин, скорее всего, теперь носила бы ай'дам, но он никогда не замечал за Айз Седай особой склонности быть благодарными. Она не обратила внимания на его слова насчет Тайлин.

– Блерик сказал мне, что балаган уже начал сниматься с места, – холодно произнесла Джолин, – но ты должен остановить это. Люка послушает только тебя. – Она слегка поджала губы при этих словах. Айз Седай также не привыкли, чтобы их не слушали, а Зеленые никогда не умели скрывать свое недовольство. – Мы должны расстаться с мыслью о Лугарде как о временном убежище. Мы должны перебраться на пароме на ту сторону гавани и отправиться в Иллиан.

Это предложение было ничуть не лучше всех, что он от нее слышал, хотя Джолин, разумеется, считала его приказом; в этом отношении она была еще хуже, чем Эгинин. Учитывая, что половина людей уже вышли на дорогу или на подходе к ней, уйдет целый день только на то, чтобы развернуть их всех в сторону пристаней, к тому же для этого им придется входить в город. Направившись в Лугард, они оставят шончан за собой очень быстро, в то время как вдоль границы Иллиана, а может быть, и по ту ее сторону, полно шончанских солдат. Эгинин отказывалась сообщить, что ей об этом известно, но у Тома имелись свои способы узнавать о подобных вещах. Тем не менее Мэт не стал скрипеть зубами. Это ему не требовалось.

– Нет, – натянато произнесла Теслин со своим сильным иллианским акцентом. Она наклонилась вперед из-за плеча Эдесины; вид у нее был такой, словно она жевала камни на завтрак, обед и ужин (суровое лицо и плотно сжатые челюсти), но в глазах читалась нервозность, появившаяся там после нескольких недель, проведенных в ошейнике дамани. – Нет, Джолин. Я уже говорила тебе, мы не можем так рисковать. Мы не смеем!

– О Свет! – взорвалась Джолин, швырнув книгу на пол. – Держи себя в руках, Теслин! Если ты некоторое время провела в плену, это еще не значит, что можно распускать нюни!

– Распускать нюни? Хорошо тебе говорить! Давай-ка наденем на тебя ошейник и посмотрим, что ты тогда скажешь! – Рука Теслин метнулась к горлу, словно она все еще чувствовала на себе ай'дам. – Помогите мне убедить ее, Эдесина. Из-за нее на нас снова наденут ошейники.

Эдесина поерзала на кровати, отодвигаясь подальше к стене, – худощавая привлекательная женщина с черными волосами, спадающими до пояса, она всегда старалась держаться в стороне, когда Красная и Зеленая сестры начинали пререкаться, а это они делали постоянно, – но Джолин лишь едва взглянула на нее:

– Ты просишь о помощи *бунтовщицу*, Теслин? Мы должны были оставить ее шончан! Послушай меня. Ты должна чувствовать то же, что и я. Неужели ты согласишься пойти навстречу большей опасности, чтобы избежать меньшей?

– Меньшей! – взвилась Теслин. – Ты ровным счетом ничего не знаешь о...

Ринна вытянула свою книжку перед собой и выпустила ее из руки, так что та со стуком ударилась об пол.

– Да простит нас милорд, но у нас еще есть наши ай’дам, и мы можем очень быстро напомнить этим девочкам, как следует вести себя. – Ее акцент делал голос музыкальным, но улыбка на губах не касалась карих глаз. – Не стоит позволять им распускаться до такой степени.

Сита хмуро кивнула, соглашаясь, и встала, словно собираясь достать поводки.

– Думаю, с ай’дам мы покончили, – произнесла Бетамин, игнорируя возмущенные взгляды двух остальных сул’дам, – но существуют и другие способы утихомирить этих девчонок. Могу ли я предложить милорду вернуться сюда через час? Они расскажут вам все, что вы хотите знать, без этих глупых перебранок – вот только вряд ли они сделают это сидя.

Судя по ее тону, Бетамин собиралась в точности выполнить то, что сказала. Джолин воззрилась на трех сул’дам в гневном недоумении, но Эдесина выпрямилась на кровати, схватившись за нож с решительным лицом, а Теслин в свою очередь отползла по кровати назад, прижавшись к стене и плотно обхватив себя обеими руками.

– В этом нет необходимости, – сказал Мэт, помедлив лишь мгновение. Конечно, он не прочь бы увидеть Джолин «утихомиренной», но Эдесина могла вытащить нож, а это, в свою очередь, переполошило бы весь курятник, независимо от того, как обернется дело. – Что это за «большая опасность», о которой ты говорила, Джолин? Джолин! Какая опасность сейчас угрожает нам больше, чем шончан?

Зеленая сестра, решив, что ее взгляд не производит достаточного впечатления на Бетамин, обратила его на Мэта. Не будь она Айз Седай, можно было бы сказать, что она выглядит обиженной. Джолин терпеть не могла объясняться.

– Если тебе так необходимо знать, кто-то направляет Силу.

Теслин и Эдесина кивнули: Красная сестра – с неохотой, Желтая – весьма решительно.

– В лагере? – встревоженно спросил Мэт.

Его правая рука поднялась сама собой, схватившись за серебряную лисью головку под рубашкой, но медальон не был холодным.

– Нет, – ответила Джолин так же неохотно. – К северу, далеко отсюда.

– Гораздо дальше, чем любая из нас должна была бы почувствовать, – вставила Эдесина с оттенком страха в голосе. – Количество саидар, которое там используется, должно быть огромным, невообразимым.

Она замолчала, встретив неприязненный взгляд Джолин, которая, повернувшись к Мэту, продолжала изучать юношу, словно решая, как много можно ему сказать.

– На таком расстоянии, – продолжала она, – мы вряд ли ощутили бы, как направляют Силу сестры в Башне. Должно быть, это Отрекшиеся, и, что бы они там ни делали, нам стоит держаться от них как можно дальше.

Мэт немного поразмышлял; наконец он произнес:

– Если это далеко, то будем придерживаться первоначального плана.

Джолин пыталась было продолжать спор, но он не стал слушать. Стоило ему подумать о Ранде или Перрине, как в голове сразу поднимался цветной вихрь. Он предполагал, что это одно из свойств его как та’верена. На этот раз у него не возникло мысли ни об одном из его друзей, но цвета неожиданно вспыхнули в его мозгу – целый веер, состоящий из тысяч многоцветных радуг. На этот раз из них почти составилась образ – он смутно увидел нечто похожее на мужчину и женщину, сидящих на земле лицом друг к другу. Видение мгновенно исчезло, но Мэт уже знал, так же твердо, как и свое имя: это не Отрекшиеся; это Ранд. И он не мог не задуматься: интересно, а что делал Ранд, когда остановились кости?

Глава 4

История куклы

Фурик Карид сидел, уставившись невидящим взглядом на свой письменный стол с разбросанными по нему бумагами и картами. Оба зажженных светильника стояли на столе, но они больше не были ему нужны. Солнце уже коснулось горизонта; однако с тех пор, как Карид пробудился от беспокойного сна в своей комнате в гостинице «Страница» и вознес обычные молитвы императрице, да живет она вечно, он лишь натянул халат темно-зеленого имперского цвета, который некоторые упорно продолжали называть черным, сел за стол и больше не сделал ни единого движения. Он даже не стал бриться. Дождь прекратился, и Карид подумал, не приказать ли Аджимбуре открыть окно, чтобы впустить немного свежего воздуха. Чистый воздух прояснит ему мозги. Однако за последние пять дней дожди часто сменялись непродолжительными обманчивыми затишьями, которые кончались внезапными сокрушительными ливнями, а его кровать располагалась между двумя окнами. Давно уже надо было приказать, чтобы его матрас и постельное белье вывесили на кухне просушиться.

Тонкий писк и удовлетворенное ворчание Аджимбуры заставили Кариду поднять голову: в руке у низкорослого жилистого слуги был длинный нож, на острие которого безвольно болталась крыса величиной с котенка. Это была не первая крыса, убитая Аджимбурой в этой комнате за последние дни, и Карид полагал, что подобного не случилось бы, если бы Сеталль Анан оставалась хозяйкой гостиницы, хотя крысы в Эбу Дар, по-видимому, сильно расплодились в преддверии весны. Аджимбура, улыбавшийся сейчас одновременно мрачно и удовлетворенно, и сам слегка походил на сморщенную старую крысу. Проведя более трех сотен лет под властью империи, племена холмов Кенсада до сих пор оставались лишь наполовину цивилизованными – и менее чем наполовину укрощенными. Медно-рыжие волосы слуги, в которых проглядывали седые прядки, были заплетены в спускавшуюся до пояса толстую косицу, которая могла бы послужить хорошим трофеем, если бы он вздумал вернуться в свои предгорья, чтобы пасть там в одной из бесконечных стычек между многочисленными племенами или отдельными семьями. Он не пил ни из какой посуды, кроме своей оправленной серебром чаши, при ближайшем рассмотрении представлявшей собой не что иное, как верхнюю часть человеческого черепа.

– Если ты собираешься ее съесть, – сказал Карид, словно здесь могли быть сомнения, – потроши крысу на конюшне, и так, чтобы тебя не увидели.

Аджимбура ел все, кроме ящериц, которых в его племени не разрешалось употреблять в пищу; причин такого запрета он никогда не объяснял.

– Разумеется, о высокий, – отвечал тот, ссутуливая плечи, что у его народа служило поклоном. – Я хорошо знаю обычаи города и не стану смущать господина.

Он служил у Карида уже почти двадцать лет, однако, если ему не напоминать, мог бы освежевать крысу прямо в комнате и зажарить ее на огне, разведенном в маленьком кирпичном камине.

Смахнув тушку крысы с клинка в маленький холщовый мешок, Аджимбура сунул мешок в угол, очевидно решив оставить крысу на потом; затем, тщательно вытерев нож и убрав его в ножны, он уселся на корточки и принялся ждать, пока Карида что-нибудь понадобится. Он мог ждать так целыми днями, если это было необходимо, не менее терпеливо, чем да'ковале. Карида так и не удалось толком выяснить, что заставило Аджимбуру покинуть дом-форт на родных холмах и последовать за одним из Стражей Последнего часа. Здесь его поджидало гораздо больше ограничений, чем в прежней жизни, и, кроме того, Карид трижды чуть не убил его, прежде чем Аджимбура пришел к такому своему решению.

Отметая в сторону мысли о слуге, он вернулся к письменному столу, хотя и не собирался брать в руки перо. Карида возвысили до генерала знамени за то, что ему удалось добиться некоторого успеха в битвах с Аша'манами в те дни, когда мало кто одерживал победы, и теперь, поскольку он сражался против умеющих направлять Силу, кое-кто посчитал, что его знания могут пригодиться в битве против марат'дамани. В знаниях подобного рода не случалось нужды уже несколько столетий, но с тех пор, как так называемые Айз Седай использовали свое неведомое оружие всего лишь в нескольких лигах от того места, где он сидел, многим пришлось крепко призадуматься, каким образом можно ослабить их мощь. Чего только не лежало у него на рабочем столе! Кроме обычной кипы предписаний и рапортов, требующих его подписи, тут были ходатайства от четырех лордов и трех леди с просьбой высказать свое мнение относительно сил, противостоящих им в Иллиане, а также от шести леди и пяти лордов со сходной просьбой относительно айильской проблемы. Ну, эти вопросы будут решены в любом случае, а возможно, и уже решены. Его наблюдения будут использованы, лишь когда начнутся разногласия из-за того, кто что сделал для Возвращения. Как бы то ни было, война всегда оставалась для Стражей Последнего часа вопросом второстепенного значения. О, разумеется, когда разыгрывалось решающее сражение, Стражи всегда были на месте – меч императрицы, да живет она вечно, готовый разить ее врагов независимо от того, участвует ли в битве она сама, всегда в первых рядах там, где схватка всего горячее; но их главной задачей все же было защищать жизнь членов императорской фамилии и обеспечивать их безопасность. Защищать, если потребуется, ценой собственной жизни, причем отдавать ее с радостью. А девять ночей назад бесследно исчезла верховная леди Туон, словно буря поглотила ее. Карид не думал о ней как о Дочери Девяти Лун – и не сможет так думать, пока не узнает, что она больше не носит вуаль.

Мысль о самоубийстве не приходила ему в голову, хотя стыд терзал его немилосердно. Пусть Высокородные прибегают к легкому пути, чтобы избежать бесчестья; Стражи Последнего часа борются до последнего. Начальником ее личной охраны был Музенге, но именно на Кариде, как самом высокопоставленном из Стражей по эту сторону океана Арит, лежала обязанность вернуть ее обратно в целостности. Каждая дыра в городе, каждое судно, превышающее размером шлюпку, подверглись обыску под тем или иным предлогом, но обыскивали их люди, не знающие, что они ищут, не отдающие себе отчета в том, что от их внимательности зависит судьба Возвращения. Ответственность лежала на нем. Разумеется, члены императорской семьи были вовлечены в еще более изощренные интриги, нежели другие Высокородные, а верховная леди Туон часто играла в игры, по-настоящему опасные, играла с отточенным и смертоносным мастерством. Лишь немногим было известно, что она уже дважды пропадала и

была объявлена мертвой, вплоть до организации похорон; но оба раза она инсценировала это сама. Каковы бы ни были, однако, причины ее теперешнего исчезновения, он обязан найти ее и защитить. Пока что он не имел представления, как к этому подступиться. Как будто буря ее поглотила. Или унесла Хозяйка Теней. Бесчисленные попытки похитить или убить Туон предпринимались начиная с самого ее рождения. Если Карид найдет ее мертвой, то должен будет выяснить, кто убил ее, кто отдал приказание сделать это, и отомстить за нее любой ценой. В этом также заключался его долг.

Стройный мужчина скользнул из прихожей в комнату, не постучавшись. Судя по грубой одежде, он мог служить конюхом при гостинице, но ни у кого из местных не могло быть таких светлых волос и таких голубых глаз, цепкий взгляд которых с порога обежал комнату, словно запоминая все, что в ней находилось. Его рука скользнула под куртку, и в памяти Кариды всплыли два способа убить незваного гостя голыми руками. Это продолжалось лишь одно короткое мгновение, которое потребовалось незнакомцу, чтобы достать маленькую, оправленную в золото костяную табличку со знаками Ворона и Башни. Взыскующие Истину не обязаны стучаться. Убивать же их не рекомендуется.

– Оставь нас, – сказал Взыскующий Аджимбуре, пряча табличку, как только убедился, что Карид опознал ее.

Коротышка остался сидеть на корточках, даже не пошевелившись, и Взыскующий с удивлением поднял брови. Даже в холмах Кенсада каждый знал, что слово Взыскующего – закон. Возможно, дело обстояло не совсем так, но уж Аджимбура-то должен знать такие вещи.

– Подожди снаружи, – коротко приказал Карид, и Аджимбура живо поднялся с места, бормоча: «Слушаю и повинуюсь, о высокий».

Однако, прежде чем покинуть комнату, он пристально посмотрел на Взыскующего, словно желая дать тому понять, что запомнил его лицо. Когда-нибудь он дождет, что ему отрубят голову.

– Преданность – очень ценное качество, – промолвил светловолосый, поглядывая на письменный стол, когда дверь за Аджимбурой закрылась. – Вы привлечены к планам лорда Йулана, знаменитый генерал Карид? Кто бы мог ожидать, что Стражи Последнего часа тоже участвуют в этом!

Карид передвинул два бронзовых пресс-папье в виде львов, и карта Тар Валона свернулась в трубочку. Другая карта до сих пор еще не была развернута.

– Спросите об этом лорда Йулана, Взыскующий. Преданность Хрустальному трону, без сомнения, дороже дыхания жизни, и сразу же за ней следует знание о том, когда нужно хранить молчание. Чем больше говорит тот, кто знает, тем больше узнает тот, кто не должен знать.

Никто, кроме членов императорской фамилии, не мог отказаться отвечать на вопросы Взыскующего ради той Длани, что послала его, но гость не казался оскорбленным. Он уселся в мягкое гостиничное кресло и, сложив вместе кончики пальцев, посмотрел поверх них на Кариду, который оказался перед выбором – передвинуть собственное кресло или остаться там, где сидел, тогда гость оказывался почти у него за спиной. Большинство людей страшно переживали бы, если бы Взыскующий сидел у них за спиной. Карид скрыл усмешку и не стал двигать кресло. Для того чтобы видеть собеседника, ему надо было лишь слегка повернуть голову, а у него имелся большой опыт наблюдения за людьми краем глаза.

– Ты должен гордиться своими сыновьями, – произнес Взыскующий, – двое стали вслед за тобой Стражами Последнего часа, третий считается героически павшим. Твоя жена гордилась бы ими.

– Как тебя зовут, Взыскующий?

Воцарившаяся в ответ тишина показалась оглушительной. Тех, кто интересовался именем Взыскующего, было гораздо меньше, чем таких, которые отказывались отвечать на его вопросы.

– Мор, – послышался наконец ответ. – Альмурат Мор.

Вот оно как. Мор. Значит, один из его предков пришел с Лютейром Пейндрагом и был весьма достойным человеком. Лишенный возможности обратиться к книгам родословных, к которым не допускался никто из да'ковале, Карид был не в состоянии выяснить, насколько правдивы рассказы о его собственных предшественниках (он тоже мог числить в своих предках одного из последовавших за великим Ястребиным Крылом), но это не имело значения. Люди, пытавшиеся прикрываться родословной, а не стоять на собственных ногах, часто плохо кончали. Особенно да'ковале.

– Зови меня Фурик. Мы оба – собственность Хрустального трона. Что тебе от меня нужно, Альмурат? Думаю, вряд ли ты пришел ко мне, чтобы поговорить о моей семье.

Если бы его сыновьям угрожала опасность, Взыскующий не заговорил бы о них в начале беседы, а Калия была уже вне любых опасностей. Уголком глаза Карид заметил борьбу, отразившуюся на лице гостя, хотя тот довольно успешно пытался скрыть свои чувства. Инициатива ускользнула от Взыскующего – а чего еще, интересно, он ожидал, размахивая тут своей табличкой, как будто не знал, что Страж Последнего часа готов по приказу вонзить нож в собственное сердце?

– Выслушай одну историю, – медленно проговорил Мор, – и скажи мне, что ты думаешь о ней. – Его взгляд был словно пригвожден к Кариду, изучающий, взвешивающий, оценивающий, как будто того выставили на продажу. – Мы узнали об этом несколько дней назад. – Говоря «мы», он имел в виду Взыскующих. – Насколько нам известно, этот слух возник среди местного населения, однако нам до сих пор не удалось обнаружить первоначальный источник. Говорят, что девушка с шондарским акцентом вымогала золото и драгоценности у эбударских купцов. При этом упоминался титул Дочери Девяти Лун. – Его лицо исказила гримаса отворачивания, и на миг кончики пальцев побелели, так он их сдал. – Никто из местных, похоже, не понимает, что означает этот титул, но описание девушки на удивление точно. На удивление подробно. И никто не мог припомнить, чтобы слышал разговоры об этом до той ночи, когда... когда было обнаружено, что Тайлин убита, – закончил он, выбрав наименее неприятное из всех событий, случившихся тогда.

– Шондарский акцент, – повторил Карид севшим голосом, и Мор кивнул. – Этот слух пришел от наших людей. – Это не было вопросом, но Мор кивнул еще раз. Шондарский акцент и точное описание – этого не мог придумать никто из местных. Кто-то играет в очень опасные игры. Опасные для себя и опасные для империи. – Как восприняли недавние события в Таразинском дворце?

Среди слуг должны были быть Внимающие, к этому времени, возможно, даже и среди слуг-эбударцев, а то, что слышали Внимающие, вскорости становилось известно Взыскующим.

Мор, разумеется, понял вопрос. И безошибочно определил, что не следовало упоминать. Он ответил безразличным тоном:

– Свита верховной леди Туон ведет себя так, словно ничего не произошло, вот только Анат, ее Говорящая Правду, отправлена в уединение, но, как мне доносили, для нее это не является чем-то необычным. Сама Сюрот безумствует дома даже еще больше, чем на людях. Она плохо спит, рычит на своих фаворитов и приказывает бить тех, кто у нее в собственности, из-за пустяков. Она приказала умерщвлять по одному Взыскующему в день до тех пор, пока ситуация не прояснится, и отменила распоряжение только сегодня утром, поняв, что Взыскующие кончатся быстрее, чем дни. – Он слегка пожал плечами – возможно, чтобы показать, что Взыскующим все равно, а может быть, испытывая облегчение, что сам избежал такой участи. – Сюрот можно понять. Если ее призовут к ответу, она будет молить о «смерти десяти тысяч терзаний». Другие Высокородные, знающие о том, что произошло, пытаются отрастить глаза у себя на затылках. Некоторые даже втихомолку сделали распоряжения относительно собственных похорон, чтобы не оказаться захваченными врасплох.

Карид жалел, что не может лучше рассмотреть лицо собеседника. Он привык к оскорблениям – такая уж у него служба, – но такое... Он встал, оттолкнув кресло, и уселся на краешек письменного стола. Мор не мигая глядел на него; он весь напрягся, готовый отразить нападение, но Карид перевел дыхание, сдерживая свой гнев:

– Почему ты пришел ко мне, если веришь, что Стражи Последнего часа замешаны в этом?

Он чуть не задохнулся, так трудно было говорить спокойно. С тех пор как Стражи поклялись над телом Лютейра Пейндрага защищать его сына, в их рядах никогда не было изменников! Никогда!

Мор немного расслабился, поняв, что Карид не собирается убивать его, по крайней мере прямо сейчас, но на лбу у него выступила испарина.

– Говорят, что Страж Последнего часа способен заметить, как дышит бабочка. У тебя есть что-нибудь выпить?

Карид сделал короткий жест в сторону сложенного из кирпича камина, где рядом с огнем, чтобы не остыть, стояли серебряная чаша и кувшин. Аджимбура принес их, когда Карид проснулся, и с тех пор они так и стояли нетронутые.

– Вино, должно быть, уже остыло, но пей сколько хочешь. А когда промочишь горло, то ответишь мне на вопрос. Либо ты подозреваешь кого-то из Стражей, либо решил сыграть со мной в какую-то свою игру, и клянусь своими глазами, я выясню в какую и зачем.

Взыскующий боком подобрался к камину, наблюдая за Каридом краешком глаза. Когда Мор наклонился над кувшином, хозяин нахмурился и слегка вздрогнул. Рядом с чашкой стояло нечто, похожее на оправленный в серебро кубок с серебряной подставкой в виде бараньих рогов. Во имя Света, сколько раз было говорено Аджимбуре убирать эту штуку подальше! Вне всякого сомнения, Мор уже понял, что это такое.

Выходит, он думает, что среди Стражей возможна измена?

– Плесни и мне чуток, будь так добр.

Взыскующий моргнул, выказывая легкое недоумение – у него в руках была единственная в комнате чашка, – а затем в его глазах блеснул огонек понимания. Беспокойный огонек. Он наполнил также чашу, причем его рука дрогнула, и он вытер ее о куртку. У каждого человека есть предел, даже у Взыскующего, и когда человек подходит к нему вплотную, он становится особенно опасен; однако сейчас и Карид был выведен из равновесия.

Приняв чашу-череп обеими руками, Карид высоко поднял ее и склонил голову:

– За императрицу, да живет она вечно в чести и славе! Смерть и бесчестье ее врагам!

– За императрицу, да живет она вечно в чести и славе! – эхом отозвался Мор, склоняя голову и поднимая свою чашку. – Смерть и бесчестье ее врагам!

Поднося чашу Аджимбуры к губам, Карид заметил, что Взыскующий наблюдает за ним. Вино действительно остыло, и специи горчили, а серебряная оправа придавала напитку слабый едкий привкус; он надеялся, что лишь разыгравшееся воображение заставляет его считать это вкусом праха мертвеца.

Мор опустошил половину своей чашки торопливыми глотками, а затем воззрился на нее, по-видимому только сейчас осознав, что делает, после чего с видимым усилием попытался вновь обрести контроль над собой.

– Фурик Карид, – оживленно заговорил он. – Родился сорок два года назад в семье ткача, находящегося в собственности у некоего Джалида Магонина, ремесленника в Анкариде. В пятнадцать лет отобран для обучения в Страже Последнего часа. Дважды отмечался за героизм и трижды упоминался в донесениях, затем, будучи уже опытным бойцом с семилетним стажем, был наречен телохранителем верховной леди Туон при ее рождении. – В то время, разумеется, ее звали иначе, но упоминание имени, данного ей при рождении, считалось оскорблением. – В этот же год, как один из трех телохранителей, выживших при первом известном покушении на ее жизнь, выбран для подготовки на офицера. Служил в армии во время восстания Муйами и

Джианьминского инцидента; и снова – благодарности за проявленный героизм, новые упоминания в донесениях и повторное назначение в телохранители верховной леди, как раз перед ее первым днем наречения истинного имени. – Мор заглянул в свою чашу с вином, потом внезапно поднял голову. – По личной просьбе, что случается редко. На следующий год получил три серьезных ранения, закрыв ее своим телом при новом покушении. Именно тогда она подарила тебе самую дорогую для нее вещь – куклу. В дальнейшем за отличную службу, отмеченный многочисленными благодарностями и поощрениями, был выбран в число телохранителей самой императрицы, да живет она вечно, и служил при ней, пока тебя не отправили сопровождать сюда верховного лорда Турака с *Хайлине*. Времена меняются, и люди меняются, но до того, как отправиться охранять трон, ты отослал еще два ходатайства о назначении тебя в телохранители верховной леди Туон. Подобное случается еще реже. И ты бережно хранил куклу почти десять лет, до тех пор, пока она не погибла во время Большого пожара в Сохиме.

Который уже раз Карид порадовался, что выучка позволяет ему сохранять бесстрастное лицо, что бы ни случилось. Тот, кто не следит за выражением своего лица, позволяет собеседнику слишком много узнать о себе. Он помнил лицо маленькой девочки, когда она положила куклу к нему на носилки. Он до сих пор слышал ее голос. «Ты спас мою жизнь, так что можешь взять Эмелу, чтобы она присмотрела за тобой, – сказала она. – Конечно, она не сможет по-настоящему защитить тебя, она просто кукла. Но храни ее, чтобы помнить, что я всегда услышу, если ты позовешь меня. Разумеется, пока буду жива».

– Моя честь – в моей преданности, – произнес Карид, осторожно ставя кубок Аджимбуры на письменный стол, чтобы не плеснуть вином на бумаги. Хотя слуга постоянно полировал серебряную отделку, Карид сомневался, чтобы он хоть раз вымыл кубок. – Преданности трону. Почему ты пришел ко мне?

Мор слегка подвинулся, чтобы кресло оказалось между ними. Без сомнения, он не считал, что Карид встал специально, но было видно, что Взыскующий готов в любую минуту швырнуть в него чашкой. У него был нож – под курткой, сзади, между лопатками, и возможно, не один.

– Три ходатайства о зачислении в телохранители верховной леди Туон. Плюс еще то, что ты бережно хранил куклу.

– Это много, я понимаю, – сухо сказал Карид. Предполагалось, что у Стражей не должно возникать привязанности к тем, кого они посланы охранять. Стражи Последнего часа служили только Хрустальному трону, служили любому, кто наследовал трон, беззаветно и всем сердцем. Но он помнил то серьезное детское личико, на котором уже читалось понимание того, что она может и не дожить до того часа, когда выполнит свое обязательство, и одновременно стремление все же выполнить его, и он действительно сохранил куклу. – Но есть и что-то еще, кроме слухов о той девушке, – я прав?

– Действительно, дыхание бабочки, – пробормотал Взыскующий. – Как приятно говорить с человеком, который зрит в корень. В ту ночь, когда была убита Тайлин, две даманы исчезли из своих камер в Таразинском дворце. Обе прежде были Айз Седай. Ты не находишь, что здесь слишком много совпадений?

– Я нахожу любое совпадение подозрительным, Альмурат. Но какое это имеет отношение к слухам и... всему остальному?

– Эта сеть гораздо более запутанна, чем ты можешь себе представить. Еще несколько человек покинули дворец в ту ночь, среди них молодой человек, который был, по-видимому, любимцем Тайлин, четверо мужчин, наверняка – все солдаты, и пожилой человек, некто Том Меррилин (по крайней мере, так он себя называл), который якобы был слугой, но выказывал гораздо большую образованность, чем можно ожидать от слуги. Все они в то или иное время были замечены вместе с Айз Седай, которые находились в городе еще до того, как империя вновь наложила на него свою руку. – Взыскующий увлеченно наклонился вперед, слегка пере-

гнувшись через спинку кресла. – Возможно, Тайлин убили не из-за того, что дала клятву, а потому, что узнала о вещах, которые были опасны. Должно быть, она беспечно проболталась о том, что открыла, в постели своему мальчику, а тот донес Меррилину. Будем называть его так, пока не узнаем его настоящего имени. Чем больше я узнаю об этом человеке, тем больше он меня интересует: он знает мир, умеет хорошо говорить, свободно обращается с благородными и властителями. Его можно было бы принять за придворного, если не знать, что он слуга. Если у Белой Башни есть какие-то планы в Эбу Дар, то как раз такого человека они могли послать для их выполнения.

Планы. Карид машинально взял чашу Аджимбуры и чуть было не отпил, прежде чем осознал, что делает. Однако он продолжал держать чашу в руке, чтобы не выдать своего смущения. Все – по крайней мере те, кого он знал, – были уверены, что исчезновение верховной леди Туон было частью борьбы за право наследовать императрице, да живет она вечно. Так уж принято в императорской семье. В конце концов, если верховная леди умерла, должен быть объявлен ее наследник. Если же нет... Белая Башня наверняка послала своих лучших людей, если замышляла выкрасть ее. А вдруг Взыскующий играет с ним в какую-нибудь свою игру? Взыскующие могут попытаться заманить в ловушку кого угодно, кроме разве что самой императрицы, да живет она вечно.

– Ты поделился своими соображениями с вышестоящими, но они отвергли их, иначе ты не пришел бы ко мне. Хотя... Ты ведь не рассказывал им об этом, не правда ли? Почему?

– Все гораздо более запутанно, чем ты можешь себе представить, – тихо сказал Мор, глядя на дверь, словно подозревал, что его могут подслушивать. Почему он вдруг стал таким осторожным? – Здесь есть множество... сложностей. Две дамки были взяты леди Эгинин Тамарат, которая также имела прежде контакты с Айз Седай. Тесные контакты. Весьма тесные. Очевидно, она освободила остальных дамки, чтобы прикрыть свой побег. Эгинин покинула город той же ночью, в ее свите находились три дамки, а также, скорее всего, Меррилин и остальные. Нам неизвестно, кто была третья дамка, – мы предполагаем, что какая-то важная особа из Ата'ан Мизэйр или, возможно, Айз Седай, которая скрывалась в городе, – но мы опознали сул'дам, которых она использовала, и две из них тесно связаны с Сюрот. А у нее самой было немало контактов с Айз Седай.

Несмотря на всю его настороженность, Моруд удалось сказать это так, словно это совсем не было для него ударом молнии. Неудивительно, что он дошел до последней черты.

Итак, Сюрот состоит в заговоре с Айз Седай и подкупила по крайней мере нескольких Взыскующих, стоявших выше Мора, а Белая Башня послала людей, под командованием одного из самых лучших, для выполнения определенных действий. Все это вполне вероятно. Когда Карид отправили с Предвестниками, перед ним поставили задачу следить, чтобы Высокородные не поддавались честолюбию. Всегда существует возможность, что на таком удалении от империи они попытаются основать собственные королевства. И он самолично засылал людей в город, которому было суждено пасть, как бы его ни защищали, чтобы навредить врагу изнутри.

– Ты знаешь направление, Альмурат?

Мор покачал головой:

– Они отправились на север, и в дворцовых конюшнях поговаривали о Джеханнахе, но это, без сомнений, явная уловка. Они изменяют направление при первой возможности. Мы проверили все лодки, достаточно вместительные, чтобы перевезти всю группу через реку, но такого размера суденышки курсируют взад-вперед постоянно. В этом месте нет ни порядка, ни контроля.

– Ты рассказал мне многое, над чем стоит поразмыслить.

Взыскующий слегка скривил губы, но, по-видимому, понял, что больших обязательств Карид на себя взять не мог. Он кивнул:

– Что бы ты ни решил предпринять, ты должен знать еще одну вещь. Тебе, возможно, интересно, каким образом эта девушка могла вымогать что-либо у купцов. По-видимому, ее всегда сопровождали два или три солдата. Описание их доспехов также было весьма точным. – Он вытянул было руку, словно для того, чтобы коснуться зеленого халата Карида, но тут же благоразумно опустил ее. – Большинство людей говорят, что они были черные. Ты понимаешь меня? Что бы ты ни решил предпринять, не откладывай. – Мор поднял свою чашку. – За твое здоровье, знаменный генерал! За твое здоровье, Фурик, и за процветание империи!

Карид осушил кубок Аджимбуры без колебаний.

Взыскующий удалился так же неожиданно, как и вошел, и через несколько мгновений после того, как за ним закрылась дверь, она отворилась вновь, впустив Аджимбуру. Коротышка с упреком смотрел на чашу-череп в руках Карида.

– Ты знаешь что-нибудь об этих слухах, Аджимбура?

Спрашивать слугу, подслушивал ли он разговор, было все равно что спрашивать, восходит ли по утрам солнце. Да и сам он никогда этого не отрицал.

– Я не пачкаю свой язык такой грязью, о высокий, – сказал он, вытягиваясь во весь рост.

Карид позволил себе вздохнуть. Было ли исчезновение верховной леди Туон делом ее собственных рук или чьих-либо еще, сейчас она подвергалась огромной опасности. А если слух исходил от самого Мора, лучшим способом справиться с чужой игрой было сделать ее своей.

– Достань мою бритву. – Сев в кресло, Карид взял перо, придерживая левой рукой рукав халата, чтобы не запачкать его чернилами. – Потом найдешь капитана Музенге и, когда он будет один, отдашь ему это. Возвращайся быстро, у меня будут для тебя еще поручения.

На следующий день, вскоре после полудня, Карид пересекал гавань на пароме, который ходил каждый час в строгом соответствии со звоном колокола. Это была неуклюжая баржа, переваливающаяся с волны на волну, в то время как мощные гребки весел продвигали ее вперед по беспокойной поверхности гавани. Веревки, которыми крепились к планкам на палубе полдюжины крытых парусиной купеческих фургонов, скрипели при каждом движении судна, лошади нервно переступали копытами, и гребцам приходилось отгонять возчиков и охранявших фургоны наемников, желающих опорожнить свои желудки за борт. У некоторых людей желудок не приспособлен для передвижения по воде. Сама же владелица фургонов, круглолицая меднокожая купчиха в темном плаще, стояла на носу, легко принаравливаясь к качке; она не сводила глаз с приближающейся пристани и не обращала внимания на Карида, стоявшего подле нее. Она легко могла опознать в нем одного из шончан, хотя бы по седлу на гнедом мерине, но его зеленую куртку с красной отделкой скрывал простой серый плащ, так что если она вообще думала о нем, то считала простым солдатом. Не переселенцем, поскольку на поясе у Карида висел меч. Раньше в городе он мог попасть под прицел более внимательных глаз, несмотря на все, что предпринял, чтобы избежать их; тут уж ничего не поделаешь. Если ему будет сопутствовать удача, у него будет день, а то и два, прежде чем кто-нибудь поймет, что возвращаться в гостиницу в ближайшее время он не собирается.

Когда паром тяжело ударился об обитые кожей сваи причала и распахнулись грузовые ворота, Карид сразу же вскочил в седло и первым оказался на берегу – купчиха еще подгоняла своих возчиков, а паромщики не успели отвязать колеса фургонов. Он пустил Алдазара неторопливым шагом, поскольку камни после утреннего дождя были еще скользкими и вдобавок покрыты конским навозом и пометом, оставшимся после недавно прошедшей здесь отары овец, и позволил себе ускорить темп, только когда достиг Иллианской дороги, впрочем даже тогда он решил только на легкую рысь. Нетерпение – плохой помощник, когда пускаешься в путь, не зная, насколько долгим он окажется.

Вдоль дороги за причалом выстроились гостиницы – покрытые потрескавшейся и облезающей штукатуркой здания с плоскими крышами, вывески над которыми давно поблекли, если они были вообще. Эта дорога служила северной границей Рахада, и неряшливо одетые люди,

сидевшие сгорбившись на скамейках перед гостиницами, провожали его хмурыми взглядами. Не потому, что он был шончан; он подозревал, что их взгляды вряд ли просветлели бы при виде любого сидящего на лошади. Любого, у кого в кармане завалялась хоть пара монет, если на то пошло. Вскоре, однако, он оставил их за спиной, и следующие несколько часов ехал мимо оливковых рощиц и маленьких ферм, жители которых были достаточно привычны к проезжим на дороге, чтобы не отвлекаться ради них от работы. Движение было не слишком оживленным; ему попала лишь горсточка фермерских повозок с высокими колесами и дважды – купеческие караваны, катящиеся в сторону Эбу Дар, в окружении наемных охранников. Многие возчики и оба купца носили эти примечательные иллианские бороды. Странно, что Иллиан продолжал посылать своих торговцев в Эбу Дар, одновременно сражаясь против империи, но люди по эту сторону Восточного моря часто казались странными, их обычаи были совсем не такими, как у шончан, и все это не слишком походило на то, что рассказывали о родине великого Ястребиного Крыла. А часто и вовсе противоречило. Жителей Иллиана, разумеется, было необходимо понять, если его предполагалось включить в состав империи, но пусть этим занимаются те, кому положено. А у него свои обязанности.

Фермы уступили место лесам и полям с кустарниками, и его тень уже удлинилась, поскольку солнце прошло более половины пути к горизонту, когда Карид наконец увидел то, что хотел увидеть. Впереди, на северной обочине дороги, сидел на корточках Аджимбура. Играя на камышовой флейте, он изображал ленивого бездельника, увиливающего от работы. Еще до того, как Карид поравнялся с ним, он засунул флейту за пояс, запахнул коричневый плащ и исчез в кустарнике. Оглянувшись через плечо и убедившись, что дорога позади так же пуста, как и впереди, Карид повернул Алдазара и устремился в чашу вслед за слугой.

Коротышка ждал его в лесу, там, где его не было видно с дороги, среди купы больших сосен, самая высокая из которых достигала, пожалуй, сотни футов. Увидев хозяина, он ссутулится, изображая поклон, и вскарабкался в седло своего тощего гнедого с белыми ногами. Он был непоколебимо убежден, что белые ноги лошади приносят удачу.

– Сюда, о высокий? – спросил слуга и, увидев утвердительный жест Кариды, повернул своего коня вглубь леса.

Им пришлось проехать совсем немного, не больше полумили, но никто из проезжающих по дороге и заподозрить не мог, что ждало их в лесу на большой поляне. Музенге привел сотню Стражей на хороших лошадях и двадцать огиров-Садовников, все в полном вооружении, с выючными лошадьми, нагруженными припасами на две недели. Среди них была и выючная лошадь Кариды с его доспехами, Аджимбура привел ее сюда еще вчера. Группа сул'дам стояла подле своих лошадей, шесть из них держали на поводках дамани. Музенге выехал вперед, навстречу Кариду, рядом с ним хмуро шагал Первый Садовник Хартха, неся на плече свой топор, украшенный зеленой кистью. Одна из женщин, Мелитене, *дер'сул'дам* верховной леди Туон, села в седло и присоединилась к ним.

Музенге и Хартха приветствовали его, приложив к сердцу сжатые кулаки, и Карид ответил им тем же, но его взгляд был обращен к дамани. В особенности к одной из них, невысокой женщине, которую гладила по волосам смуглая сул'дам с квадратным лицом. Лица дамани всегда были обманчивы – они старели медленно и жили очень долго, – но на этом лице он увидел признаки, которые научился распознавать как характерные для тех, кто называл себя Айз Седай.

– Под каким предлогом тебе удалось вывести их всех из города одновременно? – спросил он.

– Якобы на учения, знаменный генерал, – ответила Мелитене с кислой улыбкой. – Тренировки никогда ни у кого не вызывают подозрений. – Говорили, что верховной леди Туон по настоящему не были нужны дер'сул'дам для того, чтобы обучать свою собственность или своих сул'дам, но Мелитене, в длинных волосах которой было больше седины, чем черных волос,

обладала опытом и в других областях, так что она понимала, что Карид имел в виду, задавая этот вопрос. Он просил лишь, чтобы Музенге привел с собой пару дамани, если сможет. – Никто из нас не мог остаться в городе, знаменый генерал. Участвовать в учениях должны все. А что до Майлен... – Это, должно быть, бывшая Айз Седай. – После того как мы вышли из города, мы сказали дамани, куда идем. Всегда лучше, чтобы они знали, что их ожидает. С той самой минуты мы только и делаем, что успокаиваем Майлен. Она любит верховную леди. Они все ее любят, но Майлен преклоняется перед ней так, словно та уже сидит на Хрустальном троне. Если Майлен попадет в руки одна из этих «Айз Седай», – она рассмеялась, – нам придется действовать очень быстро, чтобы от нее осталось хоть что-нибудь, на что можно будет нацепить ошейник.

– Не вижу повода для смеха, – проворчал Хартха. Огир, с его длинными седыми усами и похожими на два черных камня глазами, смотревшими из-под шлема, выглядел даже более суровым и закаленным, чем Музенге. Он был Садовником еще в те времена, когда не родился отец Кариды, а может быть, и его дед. – У нас нет конкретной цели. Мы пытаемся поймать ветер сетью.

Мелитене мгновенно посерьезнела, а лицо Музенге стало еще более мрачным, чем у Хартхи, если это вообще было возможно.

За десять дней те, кого они искали, могли оставить за спиной много миль. Лучшие люди Белой Башни не стали бы действовать настолько очевидно – отправляться на восток после того, как сами пустили слух о Джеханнахе; и они не столь глупы, чтобы держаться строго северного направления, однако это оставляло для поисков обширную, если не бесконечную территорию.

– В таком случае нам надо раскидывать сети без промедления, – произнес Карид, – и раскидывать их очень густо.

Музенге и Хартха кивнули. Стражи Последнего часа выполняют то, что должно быть сделано. Даже если речь идет о том, чтобы поймать ветер.

Глава 5

Как выковывался молот

Он легко бежал сквозь ночь, несмотря на покрывавший землю снег. Он был один на один с тенями, скользящими по лесу, и свет луны открывал его взгляду не меньше, чем свет солнца. Холодный ветер, ерошивший густой мех, внезапно донес до него запах, от которого шерсть на загривке встала дыбом, а сердце понеслось вскачь, наполняемое большей ненавистью, чем его ненависть к Нерожденным. Ненавистью, а также уверенностью в том, что смерть близко. Но сейчас он не мог выбрать. Он ускорил бег, устремившись навстречу смерти.

Перрин внезапно проснулся, его окружала непроглядная темень, какая всегда предшествует рассвету; он лежал под одной из грузовых повозок с высокими колесами. Холод, сочащийся от земли, пронизывал его до костей, несмотря на плотный, отделанный мехом плащ и два одеяла, а сверху пробирал и легкий бриз, недостаточно сильный или устойчивый, чтобы называться ветром, но тем не менее ледяной. Он потер лицо руками в рукавицах, и его короткая борода затрещала от намерзшего инея. По крайней мере, в эту ночь, по-видимому, больше не шел снег. Слишком часто он просыпался, припорошенный тонкой снежной пылью, несмотря на защиту повозки, а снегопад сильно затруднял работу разведчиков. Перрин пожалел, что не может разговаривать с Илайасом так же, как он разговаривал с волками. Тогда ему не пришлось бы терпеть это бесконечное ожидание. Усталость обнимала его, как вторая кожа; он не мог припомнить, когда в последний раз проспал всю ночь целиком. Однако сон или его недостаток не имел большого значения. Теперь лишь жар гнева придавал ему силы, чтобы двигаться дальше.

Перрин не думал, что он проснулся из-за того, что увидел во сне. Каждую ночь он ложился, ожидая кошмаров, и каждую ночь они приходили. В худших из них он находил Фэйли мертвой или не находил ее вообще. Тогда он просыпался, содрогаясь и весь в поту. Когда ему снилось что-либо менее ужасное, он продолжал спать или просыпался лишь наполовину, позволяя троллокам кромсать себя заживо, чтобы сварить в котле, или драгкару – высасывать из себя душу. Нынешний сон быстро исчезал, улечиваясь, как это бывает со снами, однако он помнил, что был волком и чуял... Что? Что-то такое, что волки ненавидят больше, чем мурддраалов. Что-то, что убивает волков. То знание, которым он обладал во сне, ушло; осталось лишь смутное впечатление. Это не было волчьим сном – отражением мира, где живут умершие волки и куда приходят волки живые, чтобы говорить с ними. Волчий сон всегда оставался в памяти после пробуждения, независимо от того, сознательно он входил в него или нет. Но этот сон тем не менее тоже казался реальным и почему-то не давал ему покоя.

Неподвижно лежа на спине, Перрин направил свое сознание на поиск, пытаясь нащупать волков. Он пытался убедить их помочь ему в преследовании, но без толку. Пробудить в них интерес к делам двуногих было, мягко говоря, весьма непросто. Волки избегали больших скоплений людей, а им полдюжины было достаточно, чтобы держаться подальше. Люди отпугивали дичь, и большинство из них пытались убить волка, едва завидев его. Сперва его мысли не находили ничего, но потом, спустя некоторое время, Перрин все же прикоснулся к волкам. Они были далеко. Он не мог сказать наверняка, насколько далеко, но это походило на попытку услышать шепот на самом пределе слышимости. Очень далеко. Это было странно. Несмотря на разбросанные тут и там деревушки и фермы и даже изредка городишки, это было очень подходящее место для волков – по большей части нетронутые леса, кишашие оленями и другой дичью, поменьше.

В разговоре со стаей, членом которой ты не являешься, всегда требовалось соблюдать определенные правила. Он вежливо назвал свое имя среди волков – Юный Бык, – послал им свой запах и получил в ответ их запахи и имена: Охотящаяся-за-Листьями и Высокий Медведь, Белый Хвост, и Перышко, и Гром-в-Тумане, и целый каскад других. Это была довольно большая стая, и Охотящаяся-за-Листьями, волчица, от которой пахло спокойной уверенностью, была их вожаком. Ее спутником был Перышко, умный волк в расцвете юности. Они слышали о Юном Быке и были рады поговорить с другом знаменитого Длинного Клыка – первого двуногого, научившегося разговаривать с волками после столь долгого перерыва, что даже сама память о прошедших эпохах была унесена и затерялась в тумане прошлого. Их разговор был стремительным потоком образов и воспоминаний о запахах, которые его ум облекал в слова, в то время как те слова, что произносил он сам, каким-то образом становились образами и запахами, понятными для волков.

«Я хочу узнать одну вещь, – подумал он, когда с приветствиями было покончено. – Что волк ненавидит больше, чем Нерожденного?» Он попытался вспомнить запах, который чувствовал во сне, чтобы присовокупить его к вопросу, но тот выветрился из его памяти. «Что-то, что означает для волка смерть?»

Ответом ему была тишина, и в ней – тоненькая ниточка страха, смешанного с ненавистью, решимостью и отвращением. Он уже ощущал раньше волчий страх – больше всего на свете они боялись лесного пожара, несущегося по чаще, по крайней мере так они ему говорили, – но здесь было нечто другое, страх такого рода, от которого у волка встает дыбом шерсть, а у человека по коже бегут мурашки, и он вздрагивает и шарахается от чего-то, что никто не видит. Если добавить к этому решимость двигаться вперед во что бы то ни стало, то такой страх становится чистым ужасом. Волки никогда не испытывали ничего подобного. За исключением этих.

Один за другим они исчезали из его сознания, отгораживаясь от него по собственной воле, пока не осталась одна Охотящаяся-за-Листьями.

«Приближается Последняя охота», – сказала она наконец и затем тоже исчезла.

«Я оскорбил вас? – спросил Перрин. – Если оскорбил, то по неведению».

Но не услышал ответа. По крайней мере эти волки не станут больше разговаривать с ним в ближайшее время.

«Приближается Последняя охота». Так волки называли Последнюю битву, *Тармон Гай’дон*. Они знали, что будут там, в последней схватке между Светом и Тенью, хотя почему – объяснить не могли. Некоторые вещи предначертаны так же неотвратно, как восход и заход солнца и луны, и было предопределено, что многие волки не переживут Последнюю охоту. То, чего они боялись, было чем-то иным. У Перрина возникло ощущение, что он тоже должен быть там, по крайней мере предполагалось, что он там будет. Но если Последняя битва близка, то он может на нее и не попасть. Перед ним стояла задача, которой он не мог пренебречь – не имел права пренебречь! – даже ради Тармон Гай’дон.

Выкинув из головы и безымянные страхи, и Последнюю битву, Перрин сбросил рукавицы наземь и полез в карман куртки в поисках сыромятного ремешка, который носил с собой. В качестве утреннего ритуала его пальцы автоматически завязали еще один узелок и затем скользнули вдоль ремешка, считая. Двадцать два узелка. Двадцать два утра прошло с тех пор, как была похищена Фэйли.

Вначале у него и мысли не было о том, чтобы считать дни. В тот первый день он казался себе холодным и оцепеневшим, но сосредоточенным; однако, оглядываясь назад, он понимал, что на деле был переполнен безграничной яростью и всепожирающим стремлением найти Шайдо как можно быстрее. Среди Айил, укравших Фэйли, были люди и из других кланов, однако по всем признакам в основном это были Шайдо, и он сам к этому склонялся. Стремление вырвать Фэйли из их рук прежде, чем они причинят ей вред, сжимало его глотку с такой силой, что он чуть ли не задыхался. Разумеется, он вызволит и других женщин, захваченных в плен вместе с ней, однако иногда ему приходилось заново напоминать себе их имена, чтобы убедиться, что он еще не окончательно забыл о них. Аллиандре Марита Кигарин, королева Гэалдана и его вассал. Ему до сих пор казалось совершенной нелепицей, что кто-то приносит ему вассальные клятвы, а тем более королева – ведь он же простой кузнец! Был когда-то кузнецом – но он имел обязательства перед Аллиандре и должен вызволить ее из опасности. Байн из септа Черная Скала, из Шаарад Айил, и Чиад из септа Каменная Река, из Гошиен Айил, – две Девы Копья, последовавшие за Фэйли в Гэалдан и Амадицию. Они вместе с ним сражались с троллоками в Двуречье, когда Перрину нужна была каждая рука, способная держать оружие, и этим заслужили право ожидать от него помощи. Аррела Шиего и Ласиль Алдорвин, две глупенькие девушки, которые считали, что могут научиться быть Айил или хотя бы стать на них похожими. Они принесли клятву верности Фэйли, так же как и Майгдин Дорлайн, беженка без гроша за душой, которую Фэйли взяла под свое крыло как одну из своих служанок. Он не мог покинуть в беде людей Фэйли. Фэйли ни Башир т'Айбара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.